

Игорь Алимов

Дракон

Книга первая

НАСЛЕДНИКИ ЖЕЛТОГО ИМПЕРАТОРА

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А50

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Алимов И.

А50 Дракон. Книга первая: Наследники Желтого императора – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010. – 288 с.

Обычный питерский менеджер Костя Чижиков вполне доволен собой и жизнью. Но всему когда-нибудь приходит конец: Костю увольняют с работы, его бросает девушка, и все, что остается у молодого человека – это верный кот Шпунтик и дедушкина коллекция китайских редкостей. Среди экспонатов этой коллекции есть деревянный сундучок, за который питерский антиквар Бунин готов заплатить Косте сумасшедшие деньги. Сундучок оказывается непростым: узор на нем изображает дракона, единорога, тигра, феникса и перевитую змеей черепаху, а внутри обнаруживаются тайники. Расшифровав написанное дедом послание, Костя находит фигурку дракона, сделанную из серебристого металла. Он еще не знает, что именно за этим драконом две с половиной тысячи лет назад охотился всемогущий император Китая Цинь Ши-хуан. Этой фигурке суждено круто изменить судьбу Кости Чижикова...

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А50**

ISBN 978-5-904454-23-4

© Рыков К., 2010
© Алимов И., 2010
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010

ЭПИЗОД 1

Главная директива

Высокая орбита Земли, десять тысяч лет назад

Это была последняя оставшаяся на орбите Земли станция. В нескольких километрах от нее дрейфовали разнокалиберные обломки большого околопланетного комплекса, в свое время переоборудованного из межзвездного крейсера класса «Великий Нагус» и долгое время служившего исследователям надежной опорной базой, — обломки крупные и мелкие, но одинаково безжизненные и бесполезные. Возможно, среди них и нашлось бы что-нибудь стоящее, работоспособное и годное к восстановлению, но близок локоть, да не укусишь: транспортные системы приказали долго жить. Однако на самой орбитальной станции они функционировали до сих пор, хотя та столь долго пребывала в небрежении и забвении, что было удивительно, как там еще что-то работало.

И потому Первый-среди-желтых испытал искреннее облегчение, когда без помех и ущерба для себя материализовался в центральной диспетчерской. Первый утер вспотевший лоб, сообщил, не мешкая, коллегам о благополучном прибытии и стал ждать гостя, ради которого предпринял высоко рискованный и глубоко непредсказуемый прыжок в пространстве. Было от чего употеть: он мог прибыть на станцию частями тела — такими же бесполезными и безжизненными, как обломки некогда блистательного звездолета, что ныне печально плыли в кильватере станции.

Первый-среди-желтых неспешно прошелся по диспетчерской и выглянул в темный коридор. Воздух там был теплым, сухим и затхлым. На станции вряд ли оставалось довольно энергии, чтобы поддерживать разумное жизнеобеспечение в течение долгого времени, но Первый, хвала предкам, задерживаться здесь не собирался: беседа, ради которой он явился на эту нейтральную территорию, обещала быть короткой. Целью ее был мир, а вместе с ним — восстановление изначальной иерархии подчинения и контроль над процессом вынужденной ассимиляции, которая должна была проходить в соответствии с общепринятыми в галактике правилами и нормами.

Первый из всех сил надеялся, что беседа будет результативной и результат окажется приемлемым, однако не исключал возможности, что толку из переговоров не выйдет, а значит — противостояние продолжится, что будет чревато совершенно непредсказуемыми последствиями для юной цивилизации голубой планеты, исследовать которую они прибыли с самыми мирными целями. Уже сейчас в распоряжении противоборствующих сторон не осталось почти никаких внеорбитальных средств перемещения, и даже страшно было подумать, чем обернется дальнейшая междоусобица... Тем, кто несмотря ни на что остался верен Первой межгалактической директиве, и тем, кто отказывался ее соблюдать, грозило навсегда остаться здесь, в захудалом уголке галактики, который отныне они не могли покинуть. Первый с ненавистью посмотрел на одинокий безжизненный спутник, равнодушно сопровождающий злосчастную планету, и подумал, что наблюдать эту картину до смертного часа — выше его сил. Он никогда не вернется домой: у этого солнца и у этой луны он однажды канет в небытие, но прежде нужно выполнить долг. Это единственное, что у него осталось от прошлой жизни, — верность долгу и Межгалактическому сообществу.

Перспективы откровенно не радовали, но Первый, хотя и находился в отчаянном положении, был прирожденным переговорщиком. Он надеялся, что сумеет убедить противную сторону в неизбежности мира и необходимости соблюдения директивы. Неожидаанные находки и открытия последних месяцев позволяли ему считать себя более сильной стороной, потому что...

Сзади послышалось характерное легкое шипение, и Первый-из-желтых оглянулся, спешно при этом сунув руку в карман. На платформе транспортатора возник человек. Второй-из-желтых, только почему-то одетый в красное.

— В чем дело? — не приближаясь и не приветствуя, спросил прибывшего Первый и выразительно оглядел его одежду. — У вас кончились запасы? Или сломались все репликаторы?

— Отнюдь нет! — Второй шагнул с платформы. — У нас все в порядке с одеждой, а репликаторы работают в штатном режиме и даже сверх того. Если хочешь знать, мы значительно их усовершенствовали, в результате чего потребление энергии снизилось в среднем на семнадцать процентов. Так что с производством никаких проблем. Никаких!

— Надо же... — покачал головой Первый. — Что же тогда, Второй?

— Э, нет! — Второй покачал пальцем. — Уже не Второй-из-желтых, но Первый-из-красных.

— Вот, значит, как...

— Да, так. А ты что думал? Если я и мои люди — всего лишь техники, то нам всю жизнь оставаться вторыми, третьими, четвертыми и сто сорок пятыми?

Первый слушал молча. Лицо его было бесстрастным, но в душе бурлили раздражение и недоумение: ничего подобного он даже представить не мог! Он думал, что переговоры пойдут по обычному пути, что в обмен на прекращение с их стороны боевых действий Второй станет настаивать на расширении собственных полномочий и разрешении вести полномасштабные экспе-

рименты с местной фауной, включая разумную жизнь, что, наконец, он будет требовать права равного голоса, но такое?..

— И что же это все значит? — спросил Первый после недолгой паузы.

— Это значит, что теперь я тоже Первый. Разве ты не понял? — нагло улыбнулся бывший Второй. — И нас теперь совершенно не волнуют ни твои ценные мысли, ни твои предложения, ни тем более приказы. Мы сами по себе и будем делать то, что захотим.

— Интересно... — Первый не вынимал руки из кармана. — И чего же вы уже захотели?

— О, у нас впереди огромное поле деятельности! — взмахнул рукой новобъявленный Первый-из-красных. — Местные жители крайне неразвиты, если не примитивны, и вполне подходят для наших целей. А цели наши просты: выживание и гегемония на планете. Мы станем их прародителями, их богами. Дадим им огонь, выучим письменности, научим обрабатывать металл, покажем...

— погоди! — повысил голос Первый-из-желтых. — Постой! Ты отдаешь себе отчет, что это грубейшее нарушение Первой межгалактической директивы, запрещающей какое-либо вмешательство в естественный ход эволюции на заселенных гуманоидами планетах, не достигших соответствующего уровня развития?

— Хватит мусолить осточертевшие параграфы! — отмахнулся Первый-из-красных. — Какая, к предкам, директива, если нам придется провести на этом голубом шарике всю оставшуюся жизнь? О чем ты вообще толкуешь? Межгалактическое сообщество? Да до него отсюда десять тысяч световых лет на варп-девять, я никогда его больше не увижу! А я хочу жить, я хочу продолжить себя, и еще мне хочется, чтобы здесь, раз уж нас занесла сюда судьба, долго и счастливо жили мои потомки. Мои дети....

— Дети?! — не в силах больше сдерживаться, вытаращил глаза Первый-из-желтых. — Какие еще дети?

— Обыкновенные, — ехидно ответил Первый-из-красных. — Такие, знаешь, маленькие, которые орут и писаются.

— Ты что же... — задохнулся Первый-из-желтых. — Ты собираешься... Ты?!

— А ты нет? — с деланным недоумением посмотрел на него Первый-из-красных. — Я, видишь ли, вполне живой, молодой и красивый, а среди туземок попадаются недурные экземпляры. Не такие, конечно, красавицы, как в Сообществе, но на местный вкус — прехорошенькие...

— Ты смешал свой генотип с местным? — Первый-из-желтых почти кричал. Он уже забыл про переговоры, перед ним разверзлась пропасть отчаяния и нарушения всех и всяческих директив. — Ты уже сделал это? Да как ты мог?!

— Тебе показать? Дать пару уроков? Я помню, у вас плохо с техникой... — скабречно ухмыльнулся Первый-из-красных и, пользуясь замешательством собеседника, продолжил: — Мы создадим рай, здесь — на отдельно взятой планете! Не для всех, разумеется... И раем этим будем править мы. Точнее, этим раем буду править я! А мои тупые подданные, которых я выведу из мрака невежества, станут преданно мне служить. А если кто-то вдруг решит, что это неправильно, он познакомится с боевыми големами, и у него пропадет охота перечить!

Первый-из-красных распалялся прямо на глазах.

— Всем вам будут боевые големы! — заорал он, уже не сдерживаясь. — И тебе, и твоим друзьям, что изо всех сил вцепились в чертову Первую директиву!

Бывший Второй выглядел бесноватым: глаза налились красным, волосы встопорщились, лицо исказила странная гримаса.

— Так что теперь ты можешь взять свою директиву и подтереться ею, а потом пусть ею подотрутся все прочие недоумки, что как бараны слушают тебя, вместо того чтобы наконец

включить мозги и начать жить! Жить, а не выполнять изо дня в день опостылевшие служебные предписания!

— Ты уже показал местным боевых големов? — обреченно спросил Первый-из-желтых, и голос его пресекся. — Ты даже не замаскировал их?

— С какой стати? Дикари лоб расшибли от усердия, восхваляя железных солдат Красного повелителя. Трясутся от страха и восхваляют без устали...

— Постой...

Первый постарался вернуть своему голосу решительность.

— Пока не поздно, ты и твои техники должны остановиться. Я не имею права знакомить тебя с этой информацией... но боюсь, если этого не сделать, будет только хуже...

— Что еще? — презрительно спросил его собеседник.

— Мы... кое-что нашли на спутнике...

Первый-из-желтых махнул рукой в направлении обзорного экрана, в который гляделась изъеденная оспинами кратеров луна.

— Возможные следы пребывания другой цивилизации. Очень развитой. Быть может, даже более развитой, чем наша...

— И что с того? — прищурился Первый-из-красных. — Я должен отказаться от персонального рая только потому, что ты отыскал какой-то древний хлам?

— Когда-то ты был более понятлив, — покачал головой Первый-из-желтых. — Вспомни, что говорится о такой ситуации во Второй директиве!..

— Все это бред, — перебил его Первый-из-красных, — выдумки крючкотворов, что сидят в десяти тысячах световых лет отсюда. Только вот ни ты, ни я их больше никогда не увидим, и они уже больше никогда не смогут наказать тебя за нарушение их тухлых инструкций... Возможные следы! Что это? Может, следы есть, а может, их и нет вовсе? Вечно ты перестраховываешься!..

Губы бывшего Второго искривила неприятная усмешка.

— Предлагаю лучше подумать над тем, как с наибольшим комфортом провести в этом захолустье остаток жизни. По старой дружбе я готов подарить тебе целый континент...

— Я... должен остановить тебя, — решительно сказал Первый-из-желтых и сделал шаг по направлению к собеседнику. — Я не позволю...

— Стоп! — Первый-из-красных сделал упреждающий жест рукой. — Стой, где стоишь. Я предполагал, что ты ляпнешь что-нибудь подобное, и приготовился.

В одно мгновение вся рука бывшего Второго до самого локтя оделась сталью, а на кончике указательного пальца вспыхнул неудержимый синий огонек.

— О, предки... — только и смог выдохнуть пораженный Первый. — Есть ли предел твоему падению? Ты вживил себе големские импланты!

Первый-из-красных усмехнулся со всем возможным злорадством.

— Я знал, что твой идиотизм неизлечим и ты с пеной у рта будешь защищать абстрактные предписания, не имеющие здесь и сейчас никакого значения и смысла. Я догадывался, что не смогу тебя переубедить. У тебя ведь несокрушимое чувство долга и непоколебимые при-и-и-инципы, — состроил Первый-из-красных язвительную гримасу. — И потому ты со своими принципами останешься здесь, а я отправлюсь вниз, к моим соратникам и подданным. Что до войны... Война закончится очень скоро, потому что мы попросту истребим вас всех, до единого. Надоело миндальничать с людьми, которые неспособны отремонтировать простейший репликатор! Все, что вы можете и умеете, это слова, одни слова. Но время разговоров прошло, и наступило время дел! Что у тебя есть, кроме высоких теорий? Первая директива? Я уже сказал, как ты можешь ее использовать... Зато у меня есть армия! И бабы, что нарожают много

солдат! — Первый-из-красных захлебнулся перспективами и закончил торжествующе: — Увы, ты не техник! И потому — в глубокой и безнадежной заднице...

Произнося эту речь, бывший Второй опасливо пятился к платформе транспортного.

— Я тебя остановлю, — слова давались Первому-из-желтых не без труда. — Видят предки, я хотел бы поступить иначе. Но ты наломал таких дров... Я уничтожу тебя, а затем исправлю все то зло, которое ты успел причинить... Как велит мне долг.

— Попробуй! — взвизгнул Первый-из-красных, ступив на платформу. — Ну, давай, попробуй! Ну же?!

Синяя молния сорвалась с его руки и метнулась прямо в лицо Первому-из-желтых. Не долетев до цели какие-то полметра, она внезапно натолкнулась на невидимую стену и в мгновение ока рассыпалась ворохом яростных искр.

— Как это?! — успел спросить Первый-из-красных, исчезая в луче транспортного.

— А вот так... — ответил опустевшему залу Первый-из-желтых. Он вынул руку из кармана и разжал кулак. На ладони лежала серебристая фигурка, изображавшая распустившего хвост павлина.

ЭПИЗОД 2

Книги в огне

Поднебесная, в нескольких часах пути от столицы, III в. до н.э.

Поленья весело трещали в костре, а над головой раскинулось бездонное черное небо, усеянное мириадами звезд.

— Что-то сотник задерживается, — задумчиво глядя в огонь, обронил десятник Лю.

— Такие дни, старший брат, такие дела, — мелко затряс жидкой бороденкой его помощник Ван, сидевший неподалеку. — Сюда поспеть, туда угнаться, а концы-то немаленькие! Велика держава, обширны земли ее, крепка рука владыки!

— Воистину, — старательно всматриваясь в пламя, поддерживал разговор Лю.

— Вот и я говорю! — Ван, тощий и длинный, придвинулся ближе, попытался заглянуть в лицо. — Это же какое радение о государстве надобно иметь, чтобы всех книжечеев проверить и отделить скверну от истины! Тут не до заботы о себе самом. Верно я говорю, старший брат Кан?

— Верно, верно, — согласно кивнул десятник, с трудом удержав в голосе неприязненные нотки. — Держава обширна, а государево дело не ждет.

— Вот! — торжествующе поднял к небу палец Ван. — И мы, слуги владыки, должны как один со всех ног исполнять повеления его, ибо он есть надежда наша и опора! Надлежит ско-

рейше положить заслон той скверне, что сердца мутит и умы смущает, дабы в Поднебесной воцарились мир и покой!..

Ван буквально захлебывался от охватившего его горячего восторга.

Десятник Лю, бывалый воин, вдруг почувствовал неудержимое желание впечатать кулак прямиком в эти слюнявые губы. Заткнуть захлебывающийся славословиями рот. Едва утерпел Лю, не дал себе воли, потому что при всей своей никчемности приходился ему Ван свояком, а семья — это святое. «Навязался на мою голову... — неприязненно подумал десятник. — Даже тут выслуживается... Перед кем?»

Лю не любил свояка.

Они сидели посреди внутреннего дворика небольшой усадьбы. Рядом развели костерок свободные от дозора воины. Глухие глинобитные стены, опоясывавшие двор, терялись во тьме наступающей ночи, которая едва-едва отступила от огня, но полностью воцарилась за дверьми одинокого флигеля, где запыльцованного сотника дожидалась выявленная библиотека, а вместе с нею и владелец — крепко скрученный волосатым арканом некий господин Фэй, очевидный книголюб и предполагаемый вольнодумец.

Впрочем, над этими тонкостями пусть сотник голову ломает, а то и еще кто рангом поболее. Не случайно в поисках книг вместе с ними ездит таинственный высокопоставленный чиновник, имени которого Лю не знает и справляться о нем почему-то не имеет никакого желания: меньше знаешь — крепче спишь.

Лю видел высокое лицо уже не раз. Едва вышел указ о проверке всех книг в Поднебесной — с целью отделения крамолы от истины, десятник и его люди наряду с другими отрядами потянулись по усадьбам да поместьям. И если находили собрания свитков, тут же посылали нарочного за сотником Ма, а в важных случаях и за высоким лицом, ибо откуда им, простым и

бесхитростным воинам, разобраться в книжной премудрости? Лю Кан и читать-то не умел, не то что его смысленный младший братец Лю Бан! Что уж говорить про Вана и простых солдат... Да и зачем им это? Сила воина не в книжках обретается.

Вот и сегодня десятник привел своих людей в очередную усадьбу — в паре часов пути от столицы. Место было старое и, казалось, заброшенное, но у него нашелся хозяин — тот самый господин Фэй, а при нем и слуга сыскался. Привычно объявив волю владыки, Лю предложил выдать книги, но понимания в хозяине не встретил никакого, а слуга его, крепкий, надо признать, малый, и вовсе повел себя отчаянно - бросился на незваных гостей с палкой.

Да только что такое палка против десятка пик? Теперь тело рьяного слуги валяется на пустыре бездыханным, связанный книжник размышляет о бренности жизни в темноте своих покоев, а десятник Лю сидит у костра, дожидаясь приезда сотника и слушая поднадоевшую болтовню никчемного свояка.

— Скажи Сяо, пусть готовят еду! — Лю тяжело поднялся с земли. — По всему выходит, раньше утра мы отсюда не тронемся.

— Сей момент! — свояк рванулся было ко второму костру, но тут же оглянулся и спросил: — А ты куда, старший брат Кан?

— Пойду, смутьяна проверю, — кивнул в сторону дома Лю, на ходу запаливая короткий факел. — Не помер бы ненароком.

На самом деле проверять пленника нужды не было. Просто Лю хотел хоть на минуту отделаться от назойливого свояка.

Десятник направился к одинокому флигелю, но на полпути остановился. Что-то стремительно мелькнуло слева — там, поверх окружавшей усадьбу стены. Или причудилось? Десятник развернулся к стене, выставил факел вперед, на всякий случай крепко сжал в руке копьё и стал пристально вглядываться в ночь.

Ночь была безвидна и тиха, лишь едва потрескивали поленья, да слабо мерцал огонь костра.

Показалось? Все же целый день на ногах... Показалось! Да и кто осмелится тут объявиться, если во дворе отдыхает добрый десяток гвардейцев первого и единственного отныне и на многие годы императора — истинного владыки Поднебесной, что покорил непокорных и объединил разъединенных, собрав под своей рукой все чаемые земли?

Лю засунул копье за пояс сзади, благо длина древка позволяла, осмотрелся еще раз, затем достал из-за пазухи тряпицу с вяленным мясом, рванул зубами кусок и медленно двинулся вперед, жуя на ходу.

Во флигеле стояла непроглядная темень. Десятник обошел помещение кругом: неровный свет факела то и дело выхватывал из мрака теснившиеся у стен плетеные короба, в которых хранились книги. Коробов было много. И даже слишком много для такой захудалой усадьбы.

Книжник Фэй лежал связанным почти у самого входа и внимательно наблюдал за перемещениями десятника. Он был совершенно спокоен. Его лицо, худое и бледное, в свете факела казалось высеченным из молочного нефрита, а глаза, озиравшие Лю с непонятной настойчивостью, сверкали, точно пестроцветная яшма в лучах солнца.

— Что ж господин книги для осмотра сам не выдал? — десятник посмотрел на пленника сверху вниз. — Указов не соблюдает или же крамолу таит?

— В глуши живу, — отвечал Фэй, — отшельником, а новости к нам спешают медленно.

— Стало быть, знать ничего не знал? — усмехнулся Лю и откусил еще мяса. — И ведать не ведал?

— В глуши живу, — стоял на своем Фэй.

— Слово владыки для всех священо, — прожевав мясо, сказал, как отрезал, Лю. — «Аще кто за тридцать ден не истребил все крамольные книги, тот да будет клеймен и на строительство Великой стены выслан», — процитировал он многократно

слышанные строки указа. — Плохи твои дела, господин Фэй... как там тебя?

— Фэй Лун, — не сразу ответил пленник, а потом вдруг зачастил, как сорока: — Крамола? Ты не понимаешь, служивый! Эти книги — бесценная сокровищница мудрости, передаваемая в нашем роду из поколения в поколение, сберегаемая из века в век! Мой прадед передал библиотеку деду, дед приумножил ее и вручил на хранение отцу, отец потрудился — и отдал мне. Я не мог истребить эти книги!.. Как ты не понимаешь? Ты же человек не злой...

Внезапно книжник замолчал, внимательно вглядываясь в лицо десятника, а затем вдруг сказал:

— Ты бы отпустил меня, Лю Кан? Ты ведь Лю Кан, а твоего младшего брата зовут Лю Бан, ведь так?

— А тебе что за дело? — насторожился десятник, от волнения прихватывая зубами слишком большой кус мяса.

— Скажи мне, ты и впрямь Лю Кан?

— Сказать? — десятник наконец управился с едой, а вместе с нею — и с волнением, вызванным неожиданным вопросом, и шумно отрыгнул. Отер рот рукою и выдохнул: — Я и впрямь Лю Кан, и у меня действительно есть младший брат, которого зовут Лю Бан. Оба мы — верные слуги владыки. И что тебе это дало?

— Ничего, — вдруг улыбнулся книжник. — Просто мне нужно было знать наверняка.

— Фэй Лун! — грозно, но без злобы взмахнул факелом десятник Лю, прикрикнув для острастки: — Довольно пустых разговоров! Признавайся лучше, все ли книги здесь, не утаил ли ты чего, не припрятал ли?

— Он припрятал, непременно припрятал! — вдруг выскочил из темноты свояк Ван. — Такие завсегда припрятывают! Ну, говори! Говори, подлая душа, где у тебя ухоронка?

Ван метнулся к коробам и, полный служебного рвения, стал срывать с них крышки, вываливая книги наземь.

— Где крамола, где?! — брызгал слюной не на шутку разошедшийся свояк, расшвыривая по сторонам свитки и связки. — Ты думаешь, я не сыщу крамолы, книгочей? Шалишь! У меня нюх на nepoтpeбcтвa!

Опустошенные короба разлетались прочь.

— Брат Ван, — решительно шагнул к нему десятник. — Ты что творишь? Уймись!

— Да как же это, старший братец, чтобы унятьcя?! — обернулся Ван в совершенном негодовании. — Нам же велено крамолу обнаружить и истребить всю, без остатка! А я с самого начала увидел, что этот грамотей что-то скрывает! Но меня не обманешь! У меня нюх!

Опрокинув очередной короб, Ван схватил родственника за плечо и жарко задышал тому в лицо:

— Нам главное что? Чтобы держава!.. Повеление владыки исполнить чтобы! А для того вредные книги надо сыскать до самой последней... И все их извести под корень, все изничтожить!.. — желтые огни безумия зажглись в глазах Вана. — Или ты, может, против? Или ты вдруг сам тайный книгочей, старший братец, а я про то ничего не знаю? А?!

— Думай, что говоришь, брат Ван. Я и читать-то не умею...

Лю Кан поймал себя на том, что оправдывается перед свояком, и озадаченно замолчал на полуслове, а Ван, злорадно усмехнувшись, уже более спокойно и чуть даже покровительственно продолжил:

— Да знаю я, старший брат, все знаю, не беспокойся... Но раз так, явим усердие и, покуда не прибыл сотник Ма, обыщем тут все хорошенечко. Раз и навсегда покончим с этим гнездом крамолы! И едва сотник объявится, тут же ему доложимся. Заслужим благодарность и награду! Верно ли?

— Верно, — покорно кивнул Лю, расслабляясь. — Верно...

Укрепив факел повыше, рьяные искоренители крамолы оттащили короба на середину флигеля и стали простукивать

стены. Бывали уже случаи, и не однажды, когда книги прятали в пристенных тайниках. Повезло и на этот раз: Ван так яростно предавался выстукиванию, что внезапно из-под его пальцев посыпалась труха, затем обвалилась штукатурка и всеобщим изумленным взорам явилась небольшая ниша, в которой покоился некий сверток, обернутый запылившейся тканью.

— Ага! Я не зря чуял! Меня не обманешь! — торжествующе воскликнул Ван, шустро протягивая руки к свертку.

Не тут-то было: десятник, почувствовавший себя при исполнении служебного долга, а потому заметно осмелевший, решительно отстранил свояка и завладел находкой первым:

— Что здесь?

— Не трогайте! — вскричал пленный книжник. — Заклинаю, не трогайте! Возьмите все книги, но только это не трогайте!

— А почему же тогда сам не сознался в непотребных делах своих, а, мерзавец? Теперь, вишь, заскулил, ан поздно! — Ван подскочил к Фэю и от души пнул его, а потом добавил еще разок для понятливости, сопровождая пинки вразумлениями: — А я пальцы обстучал до костей! Но не зря, не зря! Я знал потому что! У меня нюх потому что! На грамотеев всяких поганных и схроны их тайные!

Выйдя на свет, Лю положил сверток наземь — тот оказался довольно увесистым, затем осторожно отряхнул ткань, и в неверном свете факела она неожиданно заискрилась и заиграла как живая.

— Верните на место! Ибо не ведаете, что творите... — бормотал Фэй, точно в забытии, но при этом внимательно наблюдал за десятником. — Не ведаете...

— Очень хорошо ведаем! Очень хорошо! А что нашему уму недоступно, для того у нас есть великий и мудрый владыка, многая ему лета! А уж ему даже повеления Неба ведомы! — Ван снова с чувством пнул пленника. — Понял ты? Понял?!

— Погоди-ка, брат... — десятник взялся осторожно разворачивать сверток: искрящаяся ткань удивительным образом холодила руки и, казалось, даже слегка покалывала их. — Давай-ка посмотрим...

— Нам ведь только книги нельзя брать... — начал было враз присмиревший свояк. — Про остальное речи не было... ведь правда, брат Кан?

Ван помолчал, а потом все-таки решился сказать:

— Мы с тобой не такие зажиточные, как твой младший братец, в уездные смотрители рылом не вышли... Нам лишняя денежка не помешает...

Лю глянул на родственничка в упор.

— Да я что?.. Я ж не только про себя думаю... — криво заулыбался свояк. — Одна ж семья!

Тяжело вздохнув, десятник откинул края необыкновенной ткани: она скрывала под собой три туго собранные свитка, составленные из бамбуковых дщиц¹.

Снова книги. Разве что более старые и ценные...

— Десятник Лю! Десятник Лю! — раздался снаружи крик. — Едут! Сотник Ма прибыл!

— Поспешаем! — молодцом взвился на ноги Лю, бросаясь к выходу и прихватывая с собой таинственную находку. — Быстрее! Команда на построение!

Прямо на бегу десятник попытался замотать сверток назад и тут неожиданно почувствовал, как что-то скользнуло в ладонь. Глянул мельком: плотный шелковый мешочек. Видно, под свитками лежал.

— Десятник Лю! — надрывался дозорный.

«Потом разберусь!» — подумал Лю, сунул мешочек за пазуху и рысью бросился к воротам, зажав под мышкой свер-

¹ В древнем Китае для письма использовали узкие и длинные бамбуковые дощечки, на которых писали сверху вниз; исписанные дощечки соединяли вместе с помощью шнурков, продеваемых в специально просверленные отверстия. Затем текст скатывался, и получался своего рода свиток (или связка) из бамбуковых дщиц. Несколько связок образовывали книгу. Вскоре на смену бамбуку пришел легкий и удобный шелк, а спустя века в широкий оборот вошла бумага. Привычный нам вид книга в Китае получила в X веке.

ток с книгами. Фэй Лун проводил его внимательным взглядом. На губах его играла едва заметная и чуть виноватая улыбка.

И опять: или почудилось на бегу десятнику, или же вправду в ночной непроглядной темноте метнулась поверх стены какая-то тень?..

Ван едва успел выстроить воинов в две шеренги, как в ореоле трепещущего света факелов в ворота въехали конные: сотник Ма и высокое лицо. Следом за ними трусили пешие воины сопровождения.

— Сотник Ма! — склонил голову Лю Кан. Ван, стоявший позади него, согнулся и вовсе в подобострастном поклоне.

— Десятник Лю... — протянул, внимательно оглядывая двор, сотник. — Что тут у тебя?

— Докладываю: клад книг и книгочей! — не поднимая головы, отчеканил Лю.

Прибывшие с сотником воины — еще один десяток — быстро рассредоточились по двору.

— И где?.. — сверкнув отделанным бронзовыми пластинами панцирем, кряжистый сотник легко спрыгнул с коня, игнорируя одного из ратников, рухнувшего у стремени на четвереньки. — Приехали, господин советник.

Высокое лицо спешилось не так ловко, как Ма, и не погнушалось ступить на солдатскую спину.

Советник выглядел гордо и внушительно и роста оказался подходящего. Средних лет, в тяжелом шелковом халате, с волосами, шпильками собранными на затылке. Лицо узкое и бледное — трудное лицо, смягчаемое лишь аккуратной бородкой. Глаза пронизательные и смотрят с недобрым прищуром. Лю едва глянул и тут же опустил взор: показалось, что советник заметил его интерес. Нехорошо.

— Где тут книгочей этот? Показывай! — скомандовал сотник Ма.

— Сюда! — указал путь десятник и первым пошел к флигелю.
— Книгочей Фэй Лун здесь и собрание книг его тоже!

— Ты сказал — Фэй Лун? — подал голос советник. И голос тот был низкий, властный. — Книгочей точно зовут Фэй Лун?

— Точно так, господин, — почтительно отвечал Лю Хан.

— Вам он знаком, господин советник? — уважительно спросил сотник Ма, останавливаясь. — Быть может, встречались?

— Быть может... — задумчиво огладил бородку советник. — Пошли же.

Во флигеле все было по-прежнему: книги в коробах и разбросанные по полу, связанный Фэй, догорающий факел на стене, забытый впопыхах.

— Большая библиотека... — задумчиво пробормотал сотник Ма, когда сопровождающие осветили помещение. — Как поступим, господин советник? Прикажете развести костер пожарче?

— Погодите, Ма! — жестом руки остановил его советник и пошел вперед, внимательно оглядывая картину разорения. — Хочу сначала осмотреться.

Откинув крышку с ближайшего короба, советник стал перебирать книги — некоторые вынимал, разворачивал, бегло проглядывал начало и небрежно ронял наземь. Пришла очередь второго короба, третьего...

Сотник Ма, десятник Лю и трое солдат сопровождения в полном молчании ожидали решения высокого лица. Связанный книжник Фэй Лун безразлично лежал на земле в неудобной позе и смотрел куда-то в потолок. Тишина прерывалась лишь шуршанием шелковых одежд советника, перестуком бамбуковых дщиц в книжных свитках, да треском огня.

— Нет, нет, нет! — вдруг крикнул советник, в раздражении отталкивая от себя последний короб, откуда с глухим стуком посыпались книги. — Не то! Все не то!

— Господин советник, — дал о себе знать сотник Ма, — вы хотите сказать, что в этих книгах нет крамолы? Мы напрасно сюда ехали, господин?

— В этих?! — советник подхватил с пола ближайшую книгу, распустил завязку свитка и тот послушно открылся на всю длину. — Здесь самая что ни на есть крамола! Вот — «Книга песен»², а вот, — он ткнул пальцем с длинным ногтем куда-то в темный угол, — «Книга истории»³, обе донельзя лживые и крамольные! Здесь все, все нужно сжечь! Велите вашим людям выносить короба к костру.

Ма тотчас же махнул рукой, и двое солдат, укрепив факелы в стенах, взялись за ручки ближайшего короба. Подняли, потащили к выходу... Десятник Лю хотел было присоединиться к ним, но вспомнил о тяжелом свертке, что до сих пор удерживал под мышкой.

— Сотник Ма...

Тот недовольно обернулся:

— Чего тебе?

— Осмелюсь доложить! — Лю почтительно, двумя руками подал сверток начальству. — Это было обнаружено нами в стене...

— В какой стене?! — советник в мгновение ока (а по виду и не скажешь, что он такой прыткий!) оказался рядом и прежде, чем Ма успел коснуться искрящейся ткани, выхватил сверток из рук десятника. — Какая стена? Говори!

Сердце Лю замерло — столь страшен был голос советника! В горле внезапно пересохло и все существо десятника заледене-

² «Книга песен» — «Ши цзин», древнейшее собрание поэтических текстов в китайской истории, один из самых почитаемых конфуцианских памятников. Считается, что известный нам ныне текст «Книги песен» был отредактирован самим Конфуцием. Песни, вошедшие в «Книгу песен», относятся к XI—VIII вв. до н. э.: это 305 ритуальных гимнов, од и народных песен. Русский читатель может познакомиться с ними в прекрасных переводах А. Штукина (1904—1963).

³ «Книга истории» — «Шу цзин», еще один из наиболее почитаемых древнекитайских письменных памятников; собрание преданий, мифов, легенд, записей исторических событий, правительственных распоряжений и пр., по времени относящихся к XXIV—VIII вв. до н. э. Составление и редактирование «Книги истории» также приписывается Конфуцию. Изначальный текст этого памятника был утрачен при династии Цинь (221—207 гг. до н. э.). Известный ныне «Шу цзин» состоит из пятидесяти восьми глав, из которых только тридцать три не вызывают сомнений в подлинности.

ло в предчувствии неминуемой, неотвратимой беды... Всех его сил хватило лишь на то, чтобы указать рукою в глубь помещения, туда, где они со свояком обнаружили потайную нишу.

Шорох шелка, и советник (вот только что был здесь, а уже гляди-ка где, глаз за ним не поспевает!) стоит у развороченного тайника. Поднес факел вплотную к стене, обшарил, едва не обнюхал нишу.

— Это лежало здесь? — указав на сверток, спросил он уже спокойнее.

— Точно так, господин!

— Вы не разворачивали? Нет?!

— Мы... не осмелились, господин! — Лю, сдерживая предательскую дрожь, изо всех сил старался, чтобы голос звучал твердо. Кажется, ему это удалось. Или же советник был недостаточно внимателен? Вот сотник Ма, напротив, глядит на своего подчиненного с удивлением и явно хочет что-то спросить...

— Огня сюда! — внезапно проревел советник.

Десятник от греха подальше стрелой выскочил на улицу, крикнул Вана и велел нести больше факелов.

— Что случилось, старший брат? — шепотом спросил подбежавший свояк, но Лю только отмахнулся: не до тебя! Потом! После!

— Книги — в костер!

Коробов было много. Сотник Ма, раздраженно вышагивая по двору, то и дело порывивал на и без того поспешавших солдат: быстрее, быстрее! Советник же, отослав всех прочь, тщательно обыскивал потайную нишу, не гнушаясь запачкать широкие рукава роскошного халата.

Едва зал вконец опустел, советник подошел к Фэй Луну, присел с ним рядом и показал пленнику таинственный сверток.

— Ты думал, я не найду? — спросил он насмешливо. — Ты всерьез рассчитывал, что, скрывшись от мира и замуравив книгу в стене, сумеешь мне помешать?

Советник стал осторожно разворачивать ткань.

— Я думал, ты хоть что-то понял. Вот что я думал... — ответил Фэй Лун.

— Конечно, — улыбнулся советник, и улыбка эта раскроила его бледное длинное лицо, точно черная расселина. — Я многое понял. В том числе и то, чего никогда не мог, а теперь уже и никогда не сможешь понять ты, поскольку будешь в числе прочих особо ретивых распространителей крамолы приговорен к казни во славу нашего владыки-императора, да живет он многие лета... Тебе интересно, как и когда? Я скажу: ровно через десять дней тебя и еще четыре с лишним сотни грамотеев закопают на рассвете в землю. Живьем, что особенно радует.

— Не смерти я боюсь. Ты же знаешь, — в свою очередь улыбнулся Фэй Лун, но его улыбка вышла открытой и светлой. — Неужели ты думаешь, что сможешь утаить это, — пленник кивнул на сверкающий сверток, — от ока императора?

— Это? — советник засмеялся, тихо и утробно. — Нет, мой старый приятель, это я ни от кого утаивать не собираюсь! — Он стал бережно перекладывать свитки с ткани на землю. — Император велик в своей мудрости, и мы, его верные подданные, обязаны сделать все, что в наших силах...

Тут советник внезапно замолчал, непонимающе разглядывая удивительную ткань, затем схватил одну из книг — уже безо всякого почтения, развернул, стал трясти; потом вторую, третью...

Фэй Лун смотрел с насмешкой.

— Где?.. — страшным шепотом спросил советник, убедившись, что книги ничего не скрывают. Он склонился над связанным, замахнулся. В свете факелов сверкнули длинные ногти. — Где амулет?!

Фэй Лун в ответ лишь коротко рассмеялся, безо всякого страха глядя советнику в глаза.

— Ты не видишь. Ты забыл главное. Ты...

— Сотник Ма!!! — прервал Фэй Луна отчаянный вопль снаружи. — Сотник Ма!..

Крик внезапно оборвался. Лязгнули мечи.

Дверь распахнулась — в помещение влетел взъерошенный десятник Лю и тут же перекатился по полу в сторону от входа. Бежавший вслед за ним Ван не был столь проворен: он успел перенести ногу через порог и сделать пару шагов, но тяжелый метательный нож остановил его бег.

Перехватив удобнее верное копье, десятник Лю, чутко вглядываясь в дверной проем и слегка задыхаясь от пережитого, крикнул:

— Господин советник, докладываю: люди в черном... напали неожиданно... Все погибли... сотник Ма зарублен, я остался один!..

Снаружи донесся пронзительный, полный животного отчаяния крик, перешедший в визг — будто на бойне завизжала свинья.

— Вот и все, — безразличным голосом произнес в наступившей тишине Фэй Лун. — Вот и они.

Крыша легко скрипнула: кто-то быстро пробежал по ней.

— Ты не спрашиваешь, откуда они и кто? — спросил пленник советника, который в этот самый момент лихорадочно заворачивал книги в сверкающую ткань. — Тебе не интересно, кто же отправит тебя наконец к Желтому источнику?

— Молчи! — надменно крикнул советник и отшатнулся: сквозь окно беззвучно скользнула тяжелая арбалетная стрела и с глухим стуком впилась в деревянную колонну аккурат над его головой.

— Советник... — решился напомнить о себе притаившийся у двери десятник Лю. — Кто на нас напал?.. Что теперь делать?

— Беги, — даже не взглянув на Лю, небрежно бросил советник. А сам, выхватив из-за пазухи длинную полосу плотного шелка, в мгновение ока обмотал ею сверток с книгами и лов-

ко перекинул его за спину, туго завязав концы на груди. Еще миг — и долговязый, неуклюжий на вид советник невесомо скользнул вверх по деревянной колонне, исчезнув в темноте потолочных балок. Послышался треск, на мгновение явился кусочек звездного неба, потом звезды заслонила человеческая фигура. Тут же что-то хищно лязгнуло, кто-то застонал, что-то покатилося с крыши, раздался грохот падения... — и опять пала тишина, прерываемая шипением угасающего факела, последнего, что еще горел.

— Куда? — запоздало спросил Лю, в ужасе озираясь. — Куда бежать?..

— Туда, — мотнул головой в сторону Фэй Лун. — Где ты книги разыскал. Сильно бей в потайную нишу, откроется проход. Беги по нему, пока не выберешься. У самого выхода из всех сил дерни за толстый корень. Он там один такой. Проход засыплет. Нет, меня не трогай, оставь как есть. Не теряй времени. Беги. К брату своему Лю Бану. И постарайся остаться в живых. Теперь на тебя вся надежда...

Последней фразы Лю Кан уже не услышал.

ЭПИЗОД 3

Внутренний Китай

Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года

Кот Шпунтик желал питания.

Это вовсе не означало, что он был голоден. Однако же за свою семилетнюю жизнь бывалый кот Шпунтик твердо усвоил простую и непреложную вещь: необходимость правил и традиций — они должны быть, и точка!

Куда ни погляди, вся окружающая действительность так или иначе подчиняется определенным правилам. Например, если толкнуть со стола лапой коробок спичек, то он упадет — и непременно вниз. Не вверх, не в сторону, а вниз, на пол. А если долго орать у закрытой форточки, то рано или поздно ее откроют, и Шпунтик сможет выбраться во внешний мир и заняться личной жизнью.

Все это — правила, согласно которым мир и существует именно так, а не иначе. Правильно то есть существует.

Сходным образом дело обстоит и с едой: еда должна быть. Еда должна поступать регулярно и в нужных количествах, а лучше — чуть больше надобного, даже если в данный момент есть совсем не хочется. А для того чтобы еда поступала, необходимо совершить некоторые предварительные действия, как в случае с падающим вниз коробком, который ведь никогда не падает сам по себе. С той только разницей, что смахнуть что-то со стола совсем легко, а вот подвинуть

хозяина на выдачу еды — да еще ранним утром! — намного сложнее.

И тем не менее еда должна быть. Настало утро — покорми кота! Это неотменимое правило.

И потому умудренный жизненным опытом кот Шпунтик подходил к делу утренней кормежки издалека и далеко не всегда по зову желудка. Подготовка к подаче в миску еды занимала в среднем от пяти до двадцати минут и проходила по традиционному сценарию: Шпунтик, кот крупный и увесистый, хотя и беспородный, являлся в хозяйскую спальню, единым махом взлетал на кровать, неторопливо взбирался хозяину на грудь и, улегшись там всей тушкой, принимался громко и вызывающе мурлыкать.

Хозяин, ясное дело, просыпаться не желал: он выпускал звуки недовольства, дрыгал ногами, а иногда даже махал руками, сгоняя животное прочь. Но Шпунтик знал жизнь: дождавшись, пока хозяин успокоится и снова начнет посапывать, кот прежним порядком взбирался ему на грудь.

Далее события могли развиваться по двум сценариям. В первом случае хозяин разлеплял глаза, ссаживал Шпунтика на пол и, теряя тапки и сердито бурча на ходу (кот не вдавался в нюансы человеческого недовольства, справедливо полагая подобное поведение надуманным), шаркал в сторону кухни, где извлекал из недр холодильника чаемое питание и наполнял им кошачью миску. Во втором случае хозяин открывать глаза категорически отказывался и продолжал дрыхнуть, игнорируя действительность во всех ее проявлениях. Опытный Шпунтик хорошо знал, как тут следует поступить! Какой-нибудь другой, не столь сообразительный кот, быть может, и пришел бы в замешательство, но только не Шпунтик. Не прекращая трубного мява, кот осторожно, не выпуская когтей, начинал легонько бить лапой спящего хозяина по носу. Обычно после пятого или шестого удара наступало пробуждение, а дальше события раз-

вивались по сценарию номер один: тапки, бормотание, кухня, холодильник, миска.

Нынешнее утро, на взгляд мудрого Шпунтика, от любого другого ничем принципиально не отличалось. За окном стоял погожий майский день, в открытую форточку неслись одуряющие весенние запахи, на кухне были замечены четыре бойкие мухи и один одуревший от борьбы с оконным стеклом шмель... Разве что в это утро Шпунтику действительно хотелось есть: подрастерял кот силы во время ночных бдений на крыше, но это с каждым может случиться, дело житейское.

Изничтожив одну муху из четырех (остальные тут же взвились на потолок, а туда коту было никак не добраться) и оставив шмеля на потом, Шпунтик степенно прошествовал по длинному коридору напрямик в хозяйскую спальню, оглядывая попутно свои владения на предмет непорядка или нестроения. Основания для того имелись: в последнее время квартира пошаливала, и особенно — ночью. Шпунтик неоднократно слышал всякие подозрительные шумы и скрип паркета в абсолютно пустом коридоре, а еще были холодные сквозняки при закрытых окнах, а позавчера, ближе к утру, в кухонное окно заглянула совершенно омерзительная, с точки зрения кота, плоская рожа. Шпунтик успел вовремя: вспрыгнул на подоконник, глянул на рожу зорким кошачьим глазом, и та сразу куда-то испарилась.

Конечно, старые дома — они все такие, память многих судеб и жизней не дает им спокойно спать по ночам, вызывая к жизни тени прошлого. Однако две прошедшие недели заставили мудрого Шпунтика пристальнее вглядываться в домовладение, которое он разделял с хозяином на правах общей жилплощади, в поисках непорядков и тех самых нестроений. К счастью, странные вещи случались только ночью, а днем квартира затихала, не давая коту решительно никаких поводов для беспокойства. Но на всякий случай Шпунтик был настороже: мало ли что...

Сначала ночами ходят, а потом и днем припрутся: квартира, ведь, лакомый кусочек, целых пять комнат и с коридором!

Вот и сейчас — непорядка не обнаружилось, а нестроением даже и не пахло, но кот бдительности не теряет.

Он без приключений прибыл в спальню, обошел тапки в виде идиотских, на его просвещенный взгляд, глазастых мышей розового цвета, вскочил на кровать, забрался, подергивая хвостом, на широкую хозяйскую грудь и приступил к привычному процессу заклинания еды: замурлыкал.

Как обычно, хозяин не явил своему питомцу ни малейшей душевной чуткости: он нахально продолжал спать и даже похрапывал! Шпунтик всмотрелся в полуоткрытый хозяйский рот и поборол привычное желание запустить туда лапу, да еще с когтями: все же родной человек, пусть и заблуждающийся по поводу своей значительности... К тому же привычный и хорошо изученный за долгие годы совместной жизни. А кроме того, высокий и сильный, при случае может поймать и, подняв за шкурку, прочесть длинную лекцию на тему «что такое, брат кот, хорошо, а что такое, брат кот, плохо», будто не он сам и виноват, что забыл вычистить кошачий туалет! Лекции в жизни Шпунтика случались пару раз, и никогда еще кот не тратил время столь бездарно...

Жить с хозяином в мире и согласии было несложно. Главное, не злить его попусту — это знание кот вынес из младых лет, когда вел жизнь разгульную и местами непотребную. Именно тогда перед ним были нарисованы радужные перспективы: «а вот если я тебя веником?».

Долгими зимними вечерами Шпунтик приглядывался к венику и даже пробовал его на зуб, но более тесное знакомство нашел преждевременным и отягощающим кошачье существование, а потому стал вести себя скромнее и умерил требования к жизни.

Кстати, когда Шпунтик так и сяк дербенил и грыз веник, тот ни разу не возразил. Это вовсе не означало, будто между котом

и веником установились если не теплые, то хотя бы понятные отношения, так что Шпунтик не позволял себе расслабиться.

Наконец, жилье, которое они делили с хозяином, Шпунтика более чем устраивало: пять комнат, выстроившихся вдоль коридора и выходивших окнами в типичный петербургский двор-колодец — не райское наслаждение, но для двоих недурно. В прежние времена это была часть большой дореволюционной барской квартиры, но при советской власти ее поделили надвое, и квартир стало две. Кому-то достались комнаты с окнами на улицу, а хозяин унаследовал комнаты с окнами во двор. Зато здесь карниз широкий, и к водосточным трубам подходит вплотную — удобно залезать на крышу и с крыши удобно слезать тоже.

Единственным, что слегка раздражало Шпунтика в квартире, были потолки — слишком высокие, а по занавескам лазать хозяин запретил настрого, чем нагло пользовались мухи и ночные бабочки. Еще волновали нынешние ночные неясности, но кот приписывал это возрасту: все же пожил дай Бог каждому! Да еще левое ухо изранено в боях за любовь, и слух не так чтобы...

Кот уповал на то, что все рано или поздно приходит в норму, а неправильное обязательно сменяется правильным. Надо только подождать.

Шпунтик вздохнул и увеличил градус мурлыкания. Ноль внимания. Поерзал по хозяйской груди задницей, встал, потоптался, не сводя пристального взора со спящего: никакой реакции. На крайний случай можно было, конечно, заорать от души, но Шпунтик не привык без особой необходимости прибегать к подлым приемчикам. Поэтому, потоптавшись, он улегся на место, осторожно вытянул лапу и мягко заехал хозяину по носу.

Хозяин всхрипнул и перестал свистеть носом. Кот ударил его по носу еще раз и, не ожидая реакции, тут же — еще. Хозяин

испустил нутряной скрежет, глубоко выдохнул и приоткрыл глаза.

— А... Это ты, мой хвостатый друг... Что, жрать хочешь?

Хозяин звался Константином Чижиковым, а для друзей – Котей. Он совершенно единолично, не считая кота, проживал в огромной квартире на втором этаже дома номер восемнадцать по Моховой улице. У кота Шпунтика было свое мнение на предмет владения жилплощадью и кто здесь на самом деле главный, но Константину не приходило в голову этим мнением интересоваться, а кот во избежание проблем не особенно на нем настаивал — лишь изредка давал понять, что он тут не гость и не приживала какой-нибудь.

Чижиков жил один, потому что все его родные уже умерли. Родители Константина погибли, когда ему было всего четыре года, и с тех пор мальчика растил и опекал дед по отцу, Вилен Иванович, однако два года назад и он покинул этот мир. Так что по сути кот был единственным родственником Чижикова, о чем ему Шпунтик и напомнил очередным ударом лапы по носу.

— Встаю, встаю... — пробормотал Чижиков, вынул руку из-под одеяла и спихнул тушку Шпунтика на пол. — Что ты за зверь такой дремучий, поспать не даешь... По виду никак не скажешь, что ты в голодный обморок рухнешь. Все бы ты жрал да жрал!..

Привычно обличая кота, Чижиков поднялся, нашарил тапочки и как был, в одних трусах, направился на кухню, протирая рукой глаза. Шпунтик шествовал перед ним.

— На, ешь! — Чижиков поставил перед котом миску, куда накрошил вареной рыбы пикши. — Ешь! И не говори, что я тебе никогда ничего не давал.

Шпунтик посмотрел на хозяина недоуменно: когда это я такое говорил? А если ты намекаешь на того воробья, так его сам Бог послал! Но Чижигов уже от кота отвернулся и включил чайник.

Начинался обычный, ничем не примечательный день — из тех, что шли сплошной чередой в нынешней жизни Чижикова. Был он ныне безработный, поскольку так называемый «глобальный кризис», быть может, и не забушевал как следует в российской экономике, но уж точно пустил корни в сознании многих и многих собственников и предпринимателей. Один из таких предпринимателей бесчувственно сократил Чижикова, мотивируя свой поступок отчаянным положением мировой экономики. Чижигов не очень удивился, он вообще был спокойный от природы. Чижигов даже не слишком огорчился, потому как не мог считать венцом карьеры пост менеджера в строительной фирме средней руки.

Константин, насвистывая, вернулся домой и сообщил своей подруге Тамаре, что он уволен и теперь безработный. Тамара среагировала в лучших традициях бушующего на дворе кризиса: стремительно собрала вещи и в тот же вечер покинула неудачливого возлюбленного. Одни только розовые тапочки в виде глазастых мышей оставила — позабыла, видимо. Чижигов опять же не слишком удивился: их отношения с Тамарой, девушкой яркой и с запросами, в последние пару месяцев дали ощутимую трещину. Исход Тамары был вполне ожидаем, но как всегда «случился неожиданно». И потому Котя, закрыв за собой сердца дверь, позвонил приятелю Сереге, потом сгонял в магазин и... Сколько они за вечер усидели водки, страшно было вспоминать.

Если бы разочарованной в лучших чувствах Тамаре в тот вечер случилось заглянуть на просторную чижиговскую кухню, то она вопреки ожиданиям и надеждам не застала бы там коллективных рыданий по лучшим загубленным годам, а напро-

тив — услышала бы радостное, хотя и нестройное пение. Особенным успехом в этот день пользовалась песня «Ну-ка, мечи стаканы на стол». Но оно и понятно.

Однако оптимизм оптимизмом, а деньги откуда-то брать надо. Это только коту Шпунтику с хозяином повезло, хотя у самого кота наверняка имелось на сей предмет иное мнение, — но даже элементарное содержание столь обширной квартиры обходилось, прямо скажем, недешево, не говоря уже о ежедневных потребностях здорового тридцатилетнего организма, до недавнего времени два раза в неделю посещавшего спортзал. Поэтому, проснувшись поутру и проводив Серегу, Чижиков задал корма коту, а сам, сварив себе мозголомного кофе, уселся с сигаретой на кухне и, глядя на глухую серую стену дома напротив, задумался о дальнейшем житье-бытье. Работать ему не хотелось, причем — совсем. «Менеджер — это не специальность», — говорил его дед, и был прав.

И тогда стихийный оптимист Чижиков придумал выход: дедова Коллекция!

Дед у Чижикова был замечательный, и всю жизнь проживший с ним Котя тяжело и долго переживал его смерть. Дед был тем единственным звеном, которое связывало Котю с давно погибшими родителями, дед был при нем с малых лет, воспитывал его, учил, делился своими воспоминаниями и житейской мудростью.

Дедовы воспоминания были яркими и необыкновенными и никогда не наскучивали Коте. Они были пестрокрылой бабочкой в скучной действительности его школьного детства, незаметно, но ежедневно влияли на мальчика, предопределив в итоге и круг его интересов, и неизбывную мечту, ради которой, впрочем, Котя не слишком старался, потому что жизнь — жиз-

нью, а мечты — мечтами. Зачем ловить бабочку из сна? В этом смысле Котя был не то чтобы пофигист, но скорее — даос⁴.

Сокровенной мечтой Коти был Китай.

И виноват в этом был именно дед.

В пятидесятые годы XX века, во времена «великой дружбы», когда Советский Союз активно и щедро помогал становлению нового Китая, Вилен Иванович Чижиков, как и многие другие советские специалисты, был послан партией и правительством работать на благо братского народа, только что провозгласившего создание независимого государства и испытывавшего трудности и нехватку буквально во всем.

Нужно было прокладывать дороги и мосты, возводить жилые дома, а также фабрики и заводы. Вилену Ивановичу повезло трудиться на строительстве некоторых металлургических гигантов, что и по сей день играют важную роль в китайской тяжелой промышленности. Дед строил домны и мартены в Батоу, что во Внутренней Монголии, и в Аньшани, что в северо-восточной провинции Ляонин. Годы, проведенные в городах и весях Китайской Народной Республики, стали самыми памятными для Вилена Ивановича, человека простого, бесхитростного и не вдруг приносившегося к иному жизненному укладу, обычаям и традициям. Дед оказался в китайской народной гуще, и был этим поражен в самое сердце.

Детство Коти было пронизано бесчисленными рассказами деда про Китай. Котя жил и вырос среди удивительных вещей, которые дед Вилен в изобилии привез из Поднебесной и которые он называл волшебным и емким словом «Коллекция». В прятки играли, хоронясь за тяжелой лаковой ширмой с изображением восьми бессмертных. Вместе с оловянными солдатами в детских игрушечных сражениях участвовали маленькие фигурки животных, вырезанные из мыльного камня.

⁴ Речь идет об особенностях даосского мирозерцания, предполагающих известную долю фатализма, покорность судьбе и жизненным обстоятельствам.

Даже первая разбитая Котей чашка и та оказалась китайской! Ее одинокая, расписанная синими цветами крышка и поныне лежала на рабочем столе Чижикова, между пепельницей в виде свернувшегося дракона и бамбуковым толстостенным стаканом, из которого торчали всякие ручки и карандаши.

С раннего детства у Чижикова был свой собственный Китай. Китай, при виде которого самые шумные и озорные одноклассники, приходившие в их с дедом квартиру, враз становились тихими и задумчивыми — все эти ширмы, вазы и картины на стенах, бывшие для Коти радостной обыденностью, создавали у них впечатление, что они в музее на экскурсии.

Котя не устал рассказывать о своем Китае, нещадно при этом выдумывая и привирая, хотя, как выразился бы Чижиков нынешний, и основываясь на подлинных рассказах деда Вилена. Котя был в бесспорном авторитете вплоть до восьмого класса средней школы, когда вдруг выяснилось, что на китайскую тему есть и другие источники информации помимо Чижикова. Последнее Котю неприятно поразило, но, как ни странно, не послужило стимулом зарыться в книги. Котя легко смирился с таким положением вещей, ведь у него был свой Китай — внутренний. Как Внутренняя Монголия.

На восточный факультет большого университета Чижиков, против многих ожиданий, документов подавать не стал. В знатоки сокровенных азиатских учений, как прочили некоторые, не подался. И даже языка не выучил, хотя появилась такая возможность.

Чижиков без особых проблем поступил в строительный институт, который некогда закончил дед, и без каких-либо потрясений отучился там пять лет, по счастью избежав армии. Потом начал работать — много где и много кем, но все больше на подхвате и не по специальности.

Внутренний его Китай держался теперь на трех безусловных китах: первым были китайские фильмы (особенно с Джеки Ча-

ном и Джетом Ли); вторым — восточные единоборства, в коих Чижигов несколько лет не без успеха подвизался под руководством китайского наставника Чэня, прибывшего в Петербург в послеперестроечное время, да так здесь и осевшего; а третьим, самым мощным и непотопляемым китом была Коллекция.

Мечта Чижигова с годами преобразилась в неосознанное толком желание уехать в Китай и остаться там навсегда. Вовсе не потому, что его не устраивали Россия в целом и Петербург в частности — просто Китай долгое время был краем чудес, недостижимой счастливой страной, куда Чижигову попасть не суждено, но ведь никто не может запретить ему мечтать на эту тему? И хотя, повзрослев, Котя при первой же возможности отправился в Пекин, неделя, проведенная в столице Поднебесной, никак не повлияла на «его» Китай. Парки и храмы были великолепными, но в детских мечтах Чижигова они были еще прекраснее. Кухня оказалась отменной, но далеко уступала тем сказочным блюдам, что подавали на стол в его фантазиях. Котя даже рад был, что пробыл в реальном Китае всего неделю, потому что боялся разочароваться, но нет, не успел.

Зато Коллекция всегда была при нем, и разочароваться в ней было невозможно! Котя мог часами переставлять резные статуэтки на книжных полках, вытаскивать из лакового сундука и складывать обратно роскошную шелковую одежду, шитую драконами и другими невиданными зверьми, перекладывать с места на место узорчатые сандаловые веера, перебирать в пальцах буддийские четки, пересчитывать связки потемневших от времени монет с дырками посередине и даже разглядывать дедово собрание бюстиков Мао Цзэ-дуна.

Чижигов выучил Коллекцию наизусть, он принял ее после смерти деда и продолжал хранить, заботясь о собрании по мере сил и возможностей и строго выговаривая коту Шпунтику за малейшие поползновения покуситься на любую составляющую Коллекции. Впрочем, основная ее часть была сосредоточена в

отдельных двух комнатах, одна из которых была дедовым кабинетом, и кот Шпунтик туда, как правило, не допускался, хотя и не раз пробовал проникнуть, находя любые запреты ущемляющими его права и свободы.

При этом Чижилов вовсе не отличался щепетильностью музейного хранителя и при случае, в наплыве прекрасодушия, мог запросто подарить понравившемуся человеку какую-нибудь безделушку — Котя не цеплялся за вещи, а вещи не липли к нему. И поэтому, едва возник вопрос о содержании и финансовом обеспечении квартиры, себя любимого и кота Шпунтика, Чижилов легко и просто согласился в душе с тем, что для решения этого вопроса придется из Коллекции что-нибудь продать.

Коллекция была достаточно обширна, а в глазах Чижилова — неисчерпаема.

— Ну что, мой хвостатый друг, — обратился Чижилов к коту Шпунтику, сидевшему на кухонном столе напротив него и строго следившим за тем, как хозяин пьет кофе. — Пора нам с тобой навестить Вениамина Борисыча?

Шпунтик медленно смежил веки, а затем недоуменно уставился на Котю круглыми холодными глазами: «Кому это нам?»

— И нечего со мною в гляделки играть, — отвел Чижилов воображаемый протест. — Между прочим, сегодня пятнадцатое число, квитанция за свет у нас уже сколько кукует неоплаченная? То-то же!

Кот Шпунтик ничего против квитанции не имел, она ему ни в чем не препятствовала. Утолив первичный голод, Шпунтик снисходительно созерцал хозяина и размышлял о том, как провести предстоящий день. Хорошей идеей было поваляться на диване в библиотеке, однако впереди ждала работа: следова-

ло заняться давешним шмелем, уже который час пытавшимся пробить своей тупой башкою оконное стекло. Так что никакой Вениамин Борисыч в планах Шпунтика не значился.

— Ну, значит, ты тут выруливай, а я пошел!

Чижигов раздавил окурок в пепельнице и решительно поднялся.

— Всех впускать, никого не выпускать. Ну, ты понял!

И Котя шагнул к входной двери.

А Шпунтик метнулся к шмелю.

— Заходите, заходите, молодой человек!

Вениамин Борисович, уютный, почти лысый старичок в неизменной коричневой вязаной кофте с отвисшими карманами и сдвинутыми на самый кончик длинного носа очками, приветливо смотрел на Котю из-за прилавка, потирая по привычке сухие ладошки.

В этот небольшой антикварный салон на улице Чайковского Чижигов, приняв однажды судьбоносное решение покуситься на Коллекцию, стал заглядывать регулярно. Котя приносил в салон кое-какие китайские вещицы и предлагал Вениамину Борисовичу для продажи, а тот с удовольствием брал их и каждый раз выгодно пристраивал, обеспечивая Коте относительно безбедное существование. Конечно, улыбчивый антиквар благотворителем не был и, реализуя очередную статуэтку или картину, ни разу не забыл о собственных интересах, зарабатывая на Коте подчас вполне прилично. Однако, будучи человеком расчетливым, Вениамин Борисович помнил о справедливости. Занимаясь торговлей антиквариатом давно и прочно, он не пытался сорвать большой куш одновременно, предпочитая сделки равномерные и стабильные. Старательно обхаживал постоянных клиентов, заводил с ними дружеские отношения. Ибо, как говорила покойная

бабушка Вениамина Борисовича, «курочка по зернышку клювает и тем довольная бывает». Не всем же быть баловнями судьбы подобно Степану, младшему брату Вениамина Борисовича, известному миллиардеру, давно осевшему в Москве и ворочавшему крупными делами в корпорации Андрея Гумилева.

Вениамин Борисович всегда шел своим путем, на брата не равняясь, да и к чему, если тот посвятил себя науке, а Вениамину Борисовичу всегда были милы картины да статуэтки, общество которых доставляло ему куда больше удовольствия, нежели общество людей? У каждого своя судьба: кто-то всю жизнь лезет на вершину, а кто-то довольствуется малым. Старые вещи и чудаковатые люди — разве этого недостаточно, чтобы ощутить жизнь полной? Тем более, что и там, наверху, нет-нет да и возникнет нужда в нас, в простых и незамысловатых людях — вот вчера младший брат Степан смирил гордыню (а то все нос воротил!) и позвонил с просьбой: так, мол, и так, спроси своих поставщиков... Слово-то какое: поставщики!

С некоторых пор в число «поставщиков» антиквара попал и Чижигов. Вениамин Борисович держался с ним неизменно ровно и любезно, был внимателен и дружелюбен. Он сразу понял, что Котя — не разовый продавец, и при известном старании может стать постоянным. Когда антиквар увидел первую же принесенную Чижиковым вещицу, он сразу сообразил, что молодой человек, скорее всего, распродает доставшееся от предков имущество, поскольку вещица оказалась штучной, не ровня современному китайскому ширпотребу. Подобные вещицы делали в прежние времена и в те же времена из Китая привозили — в годы, когда такое еще было возможно. Привозили как сувениры, не понимая истинной ценности простеньких, казалось бы, поделок.

Антиквар увидел перспективу. Оттого, услышав треньканье дверного колокольчика и завидев Котю, Вениамин Борисович неизменно расплывался в улыбке.

— Добрый день, Вениамин Борисыч! — приветствовал его Чижигов. — Как дела, как здоровье?

— Спасибо, молодой человек, все благополучно.

Котя симпатизировал маленькому антиквару. Было в Вениамине Борисовиче нечто удивительно располагающее, с ним хотелось болтать просто так, ни о чем, часами сидеть на кухне и пить чай с вареньем и сушками. До сушек у Чижигова и антиквара пока не доходило, но поболтать им случалось. Журчание тихого голоса Вениамина Борисовича действовало на Котю умиротворяющее. И Чижигов с удовольствием разговаривал со старичком, особенно в такие дни, как сегодня, когда в салоне почти не было других посетителей: лишь какой-то высокий молодой человек в синем вельветовом пиджаке и с длинными волосами, собранными на затылке в хвост, изучал в дальнем углу старинные миниатюры. Несмотря на царивший в салоне полумрак посетитель был в черных очках, чему Котя мимолетно удивился и тут же забыл об этом.

— А про вашу монетку, Константин, я таки выяснил, — с торжеством сообщил Чижигову антиктвар. — И вот что я вам скажу, молодой человек. Знающие люди объяснили мне, что она отнюдь не китайская, да-с. А вовсе даже корейская.

— Это из чего следует, Вениамин Борисыч? — заинтересовался Котя.

— А следует это из надписи, молодой человек, из надписи!

Антиктвар открыл ящик и достал оттуда прозрачный пакетик с монетой, которую Чижигов оставил ему на прошлой неделе:

— Посмотрите сами.

Вениамин Борисович положил монетку на бархатную подушечку, щелкнул выключателем лампы и вооружился лупой.

— Вот, видите два иероглифа? Чтобы вы знали, Константин, это девиз правления. А девиз правления — это хронологические, если так можно выразиться, координаты. У каждого китайского императора был свой девиз правления, а у некоторых

и не один. Что-нибудь красивое, возвышенное... например, «Великое процветание». Да-с. Так вот, когда чеканили монеты, то на них всегда писали девиз правления, чтобы обозначить, когда это произошло, понимаете меня?

— То есть по иероглифам, — ткнул пальцем Чижииков, — мы можем точно определить возраст монеты?

— Можем, молодой человек, — улыбнулся Вениамин Борисович. — Но не точно. Точно мы можем сказать лишь, в какой период она была сделана. Потому что девиз правления охватывал разное количество лет, от года до полувека, понимаете?

— Все равно здорово! — Чижииков взял монету и повертел в пальцах. — Молодцы китайцы.

— Да, молодцы. Но здесь мы с вами имеем не китайцев, как я вам уже сказал, а корейцев. У них были свои девизы правления, и на этой монете указан корейский, да-с, — тут антиквар скорбно вздохнул. — Восемнадцатый век. Только должен вас огорчить, Константин. Стоит сия монетка сущие гроши.

— Понятно...

Чижииков убрал пакетик в карман.

Собственно, все, что сказал ему Вениамин Борисович, он и без того знал: выяснил заранее у своего бывшего одноклассника и давнего друга Федора Сумкина, который, увлекшись детскими экскурсиями по квартире Чижииковых, поступил-таки, в отличие от Коти, на восточный факультет и стал дипломированным китаистом, со знанием языка и тому подобного. Монетку антиквару Чижииков принес скорей из озорства: проверить квалификацию Вениамина Борисовича. Ну что ж, антиквар экзамен выдержал с блеском.

— Ну и славненько, — увидев, что Котя совершенно не огорчился, антиквар заулыбался. — Однако я вижу, вы принесли мне что-то новое?

— Да, Вениамин Борисыч, — Чижииков выставил на прилавок небольшую статуэтку. — Вот такую штучку хочу вам предложить.

— А! Какая миленькая штучка!

Старичок аккуратно, двумя пальцами переставил статуэтку на бархатную подушечку, в свет лампы. Внимательно осмотрел, только что не обнюхал:

— Авалокитешвара!

— Я думал, Гуаньинь... — разочарованно протянул Чижи-ков, возлагавший на статуэтку определенные финансовые надежды.

— Это одно и то же, Константин, одно и то же, да-с. В Индии - Авалокитешвара, в Китае - Гуаньинь. Богиня милосердия, — пояснил Вениамин Борисович. — Поздравляю вас. Кажется, это настоящая слоновая кость. Надо, конечно, проверить, но на первый взгляд... Хорошая вещь, старая. И сколько вы за нее просите, молодой человек?

— Ну... я даже не знаю... — замялся Котя. — Хотелось, конечно, побольше. Ну — попросить побольше. В смысле, денег.

Антиквар проникательно посмотрел на Чижикова поверх очков.

— Вот что я вам скажу... Прямо сейчас могу дать вам... скажем, шесть тысяч рублей, но если вы подождете с недельку, я найду хорошего покупателя и получится больше, понимаете меня?

Котя понимал, но деньги нужны были срочно.

— Может, хотя бы тысяч десять, а, Вениамин Борисыч?

— Только из расположения к вам, Константин... восемь! В другое время я бы мог сразу дать больше, но теперь... — антиквар поморщился. — Вы же лучше меня знаете, что все на каждом углу твердят про кризис. Я не знаю, как там с этим кризисом обстоит дело на производстве, но в головах кризис случился определенно! Все хотят сэкономить, никто не хочет дать справедливую цену... Из расположения к вам: восемь, да-с.

— Согласен... — махнул рукой Котя.

— Кстати, про деньги. Знаете что... — отсчитав восемь тысячных бумажек и прибрав статуэтку, антиквар поманил Чи-

жикова пальцем: просьбочку брата Степана он не забыл. — У меня появился один клиент, такой... ну вы понимаете... из весьма состоятельных. И вот он, представьте, интересуется одной китайской вещичкой... — Вениамин Борисович заговорщицки подмигнул Коте. — Я вам почему рассказываю? Потому как давно заметил, что вы человек понимающий, с интересом, да-с. Так вот, вещь, о которой я говорю...

Вениамин Борисович сделал паузу и оглядел салон.

— Мой... э-э-э... клиент очень хочет старый китайский сундук, такой небольшой, полметра на полметра, красный, лаковый, а на крышке... — антиквар понизил голос, — а на крышке у него вот такой узор изображен. Смотрите, молодой человек.

И Вениамин Борисович выложил перед Котей факс с грубым карандашным наброском: круг и в том круге — равномерно расположенные изображения пяти существ, из которых опознать можно было разве что тигра и дракона. Три другие были какие-то странные: одно напоминало оленя, но таковым без сомнения не являлось, другое было похоже на черепаху, перевитую змеей, а третье походило на птицу.

— Такой вот весьма необычный рисуночек... — потер ладошки антиквар. — Я прожил долгую жизнь и много чего в ней видел, но прежде ничего подобного мне встречать не приходилось, да-с. Я даже спросил своего клиента: а ты... гм... вы уверены, что это Китай? Потому что у меня такой уверенности не возникло. И он ответил: да, совершенно. Я тогда спросил: а вы уверены, что это не новодел какой, а действительно старая вещь? И он ответил: да, совершенно. Удивительно, правда? — Вениамин Борисович подпер щеку рукой. — Я, конечно, не специалист, но когда за вещь предлагают такие деньги... — Тут старичок шепотом назвал сумму, и Котя от удивления непроизвольно вытаращил глаза. — Вы же знаете, молодой человек, что к таким вещам понимающие люди относятся со всей серьезностью. И если вы действительно хотите иметь деньги, а не бегать в скупку каждую

неделю, то я вас душевно прошу, поспрашивайте знакомых, не знает ли кто из них, где такой сундучок может сейчас находиться, а я вас щедро отблагодарю. Понимаете меня?

Чижигов кивнул на автомате, потому что душа его пребывала в совершеннейшем смятении. Сумма, названная Вениамином Борисовичем, была по его представлениям куда как велика, а сундучок с очень похожим узором на крышке входил в состав Коллекции и пребывал в настоящее время в одном из шкафов в дедовском кабинете. Перед мысленным взором Чижигова мгновенно встала заманчивая картина беззаботной обеспеченной жизни, когда не надо будет думать о том, на что сегодня купить еды себе и коту Шпунтику и чем завтра заплатить за свет и газ. Черт, да вообще ни о чем не надо будет думать!

— Уже вижу, что вам, Константин, стало любопытно, — кивнул Вениамин Борисович, глядя на Котю, на лице которого непроизвольно расцвела счастливая улыбка. — И я вам даже скажу больше: цифра, которую я назвал, — чистые деньги, которые мой... гм... клиент согласен уплатить за этот сундучок. Моего интереса здесь нет, мой интерес учитывается отдельно, понимаете, молодой человек?

— Да-а-а... — протянул Чижигов, с трудом взяв себя в руки. — Еще бы знать, где этот чертов сундучок обретается! И кстати, что в нем такого особенного? Ведь сумма-то, извините...

— Для меня это тоже загадка! — развел руками антиквар. — Я даже спросил моего клиента, не сошел ли он случайно с ума, но клиент заверил меня, что очень хорошо понимает, что делает и за что платит. Москва-с!

— Вольному воля, — согласился Котя. — Тем более что этот сундучок может быть вообще где угодно, в той же самой Москве или вообще в Новосибирске.

— Мой клиент сказал, что имеет верные сведения: сундучок точно в Питере! — улыбнулся Вениамин Борисович. — Так что, могу я на вас рассчитывать?

— Можете, конечно, — кивнул Чижиков. И из природной осторожности добавил. — Сделаю, что смогу, поспрашиваю. Деньги мне сейчас очень нужны.

— Ну вот и славненько, — уютно потер ладошки антиквар. — Вот и ладненько, да-с.

Засунув полученные восемь тысяч в карман джинсовой куртки, Котя улыбнулся Вениамину Борисовичу на прощание и направился к двери. Взялся за ручку — привычно звякнул колокольчик — и нос к носу столкнулся с тем самым человеком в вельветовом пиджаке, что совсем недавно разглядывал в салоне старинные миниатюры: тот как раз собирался войти и уже протянул руку, чтобы открыть дверь.

— Извините, — машинально произнес Котя, глядя в непроницаемые черные очки, уродовавшие непристойно бледное лицо. — Простите.

— Ничего, — буркнул человек, нервно дернув краем рта, и боком протиснулся в дверь.

Было в этой ничем непримечательной встрече что-то настолько несуразное, что, оказавшись на улице, Чижиков непроизвольно оглянулся и пару минут наблюдал за салоном через витрину: вошедший, не снимая очков, без задержки пошел к миниатюрам, которые незадолго до этого уже разглядывал.

— Странно... — пробормотал Котя. — А когда же он вышел? Я и не заметил...

ЭПИЗОД 4

Богатырь из Пекина

Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года

Всю дорогу до дома Чижиков, выбросив из головы странного бледного незнакомца, размышлял над проблемой продажи дедова сундучка. С одной стороны, было совершенно очевидно, что продать сундучок жизненно необходимо — в прямом смысле этого слова, поскольку нигде не работающий Котя нуждался в средствах. Он был нетребователен к жизни, вел тихое и незаметное существование, проводя время в чтении книг или просмотре американских фантастических сериалов, то есть довольствовался малым, а значит, вырученных за сундучок денег ему должно было хватить надолго. С другой стороны, Котю беспокоила неожиданность предложения и сопутствующее ему странное стечение обстоятельств. Некий загадочный клиент, по уверению старичка-антиквара, не только знал о существовании совершенно конкретного сундучка, волею судьбы оказавшегося у Чижикова, но еще и был убежден в том, что нужный ему предмет находится как раз в Петербурге. Не в Самаре, не в Салехарде, а именно в Петербурге! И вот Котя приходит к антиквару сдать очередную статуэтку, а Вениамин Борисович делает ему недвусмысленное предложение насчет сундучка. Как вам это понравится? Человеку внимательному есть от чего задуматься...

И Чижигов, сворачивая с улицы Чайковского на родную Моховую, конкретно задумался. Было во всей этой истории что-то неправильное, но что?

Продать, не продать? Вдруг сундучок стоит больше? Вдруг продавать его вообще нельзя? И каковы могут оказаться последствия продажи? Сворачивая в арку своего дома, Чижигов решил, что вечером как следует обмозгует все за и против. И только после этого примет решение о продаже.

Внезапно в кармане запиликал мобильный телефон.

— Да?

Чижигов приложил трубку к уху.

— Алло! Котя? Привет, это Дюша! — загрохотало в ответ.

— Дюша! Да ну? Ты где?

— Где-где... В такси! Еду к тебе! Через... — пауза, неразборчивые голоса. — Драйвер говорит, если в пробку не попадем, где-то минут через сорок у тебя буду. Встречай, брат!

С этими словами Дюша отключился. В этом был он весь — Дюша, Андрей Громов, могучий, даже огромный человек с медвежьими хватками и вполне отвечающим фамилии голосом. Он сваливался как снег на голову, наполнял чижиговскую квартиру зычным рыком и неистребимым весельем на неделю-полторы, а потом снова исчезал на неопределенное время.

С Громовым Чижигов познакомился в Пекине несколько лет назад.

Совершенно обалдевший от первого в жизни восьмичасового перелета, Чижигов в составе небольшой туристической группы высадился на долгожданную китайскую землю. Прошел границу, получил багаж, группа двинулась на выход — и тут-то он впервые увидел Дюшу. В толпе встречающих их поджидал почти двухметровый детина, под мышкой которого крутилась китайская девушка, представитель местной турфирмы. Увидев соотечественников, человек-гора громоподобно провозгласил: «Добро пожаловать в Пекин!». Затем жизнерадостно оглядел

прибывших и, махнув ручищей, скомандовал: «На выход, мужики!», — хотя мужиков, включая Чижикова, было из десяти человек трое. Пораженные туристы покорно потянулись на выход, а что им еще оставалось?

Таков был Андрей Громов, ныне — частный предприниматель в знаменитом пекинском чайном районе Маляньдао. А во время чижиковского визита в Поднебесную Дюша делал еще самые первые, хотя и вполне размашистые шаги по китайской земле, работая в турфирме, обслуживавшей российских любителей восточной экзотики. Котя удивительно быстро сошелся с этим простым и открытым парнем: уже в первый пекинский вечер они сидели в баре гостиницы и вовсю попивали пиво, тогда как вся остальная группа, изрядно утомившись за долгий день, дрыхла по номерам без задних ног. К Чижикову же сон не шел: он был слишком возбужден свиданием со страной мечты, чтобы тратить время впустую, и когда Громов предложил посидеть в баре, с радостью согласился.

К моменту их первой встречи выпускник физкультурного института и бывший вольный борец Громов жил в Пекине уже полтора года. Приехав по туристической визе, он удачно зацепился на местности и довольно быстро вжился в китайскую столицу. На первых порах ему пришлось нелегко, но Дюша не терял надежды, всем своим немалым организмом ощущая, что он находится в правильном месте и в правильное время, и еще немного — и дела попрут в гору. Действительно: Дюша благодаря своей недюжинной комплекции и внешности умудрился сняться в нескольких китайских сериалах — играл вышибал и русских бандитов (венцом его карьеры стала роль советского полковника в фуражке и с автоматом Калашникова наперевес — на фоне кашгарских гор), попутно он давал частные уроки русского языка, а еще пристроился гидом в местную турфирму. Денег лишних не бывает.

— ...И ты понимаешь, брат, мне здесь нравится, — заливая в себя вторую литровую кружку пива, гудел Дюша. — Китайцы — они хорошие, жизнь здесь, если в ней разобраться, совсем простая, а порядка тут гораздо больше. На языке я худо-бедно уже говорю, вот только иероглифы надо подучить. Такие дела, брат...

С тех пор Громов и Чижиков стали видаться достаточно часто, хотя и нерегулярно. Бывший питерец Дюша наезжал в родной город внезапно, а поскольку квартиру свою давно продал, то как-то само собой получилось, что он стал останавливаться у Чижикова, благо в его пятикомнатных апартаментах имелась «гостевая». Последний раз Дюша прилетал около полугода назад и привез хорошие новости: на паях со знакомым китайцем он собирается открыть в Пекине чайную лавку, так что теперь ездит в Питер не просто так — увидеть любимый город и немногочисленных дальних родственников, но чтобы «порешать деловые вопросы по-взрослому». По обрывкам телефонных разговоров Котя понял, что дела Дюши связаны с обеспечением поставок чая в Россию, а глубже в «вопросы» ему вникать не хотелось, потому что визиты Громова были наименее приятными сюрпризами в довольно однообразной чижиковской жизни. Кроме того, Дюша приезжал не откуда-нибудь, а из страны его мечты.

Улыбнувшись замолчавшему мобильнику, Чижиков круто развернулся и поспешил в ближайший магазин, радуясь тому, что он сегодня при деньгах.

— Ну, здорово, брат, здорово! — Громов ввалился в прихожую, швырнул на пол два преизрядных баула, украшенных аэрофлотовскими бирками, и раскрыл Коте объятия. — Как ты тут без меня?

Котя со смехом обнял друга. Это получилось, как всегда, с трудом: несмотря на свои метр восемьдесят и в общем и целом довольно неплохую физическую форму, Чижииков смотрелся рядом с громадным Дюшей мелкогато, и его привычные хлопкн по обшнрной громовской спине выглядели, прямо скажем, жидко. Уж очень могуч был Дюша.

— А ты, я вижу, завел бороду, — отстранившись, констатировал Котя.

Действительно, за полгода Громов оброс аккуратной бородкой, удивительно шедшей его круглой физиономии, украшенной шикарным носом-картошкой. Видно было, что Дюша бородой гордится, холит ее и лелеет.

— Это, брат, целая история... — улыбнулся в ответ Громов. — Подрядился я играть главаря американской мафии... И нечего смеяться! У них там, знаешь, какая мафия! Нет, ты не знаешь. Словом, пришел я на съемки, они меня так и этак посмотрели и говорят: все, брат, халас, будем тебе бороду клеить. Ну и приклеили, черти... Я посмотрел и ахнул: ну мурло мурлом! Аж страшно. Я им говорю: братцы, да ведь это не мафия, это какой-то хунхуз из амурских дебрей выскочил! Говорю: не позорьтесь, братцы, Будда вам никогда не простит. Едва отбился. Стали другие бороды клеить — полдня провозились. Наконец, нашли какой-то вариант... А потом был перерыв в съемках, и за это время я собственную бороду отрастил, естественную. Они так обрадовались: во, говорят, самое то! Даже предыдущие эпизоды пересняли, прикинь! А мне и самому понравилось, так что вот... ношу. Ничего, да?.. Ну-ка, принимай гостинцы!

Отбиться от дюшиных подарков было невозможно. Пожив первый раз у Чижиикова, Дюша как следует осмотрелся и в следующий визит приволок целую сумку разных, как он их называл, «гостинцев», подобранных исходя из Дюшиных представлений о том, чего хорошему человеку Чижиикову не хватает в жизни. Например, пары килограммов разнообразной китайской лапши.

Или толстой стопки cd-дисков с записями китайской эстрады. Или средних размеров полукруглой сковородки, которая заняла почетное место на стене Котиной кухни — на специально для нее вбитом гвозде, поскольку питерская плита по определению не могла дать такого пламени, какое было необходимо для правильного использования сковородки. И так далее.

Правда, попадались среди «гостинцев» и крайне привлекательные: например, чай. Китайский чай Чижилов любил безоглядно еще в Пекине и прикупил с собой некоторое количество. Эти запасы Котя растягивал, как мог, но все прекрасное рано или поздно кончается. Некоторое время Котя пытался покупать китайский чай в петербургских магазинах, но то, что ему продавали под всякими экзотическими названиями, было или бесконечно далеко по вкусу и качеству от привезенного из Пекина, или же стоило каких-то немислимых денег. Так что, когда среди прочих «гостинцев» Дюша выложил несколько довольно больших серебристых пакетов с чаем, Котя возликовал. Громов запомнил его простодушную радость и в следующий раз приволок Чижилову не только чаю, но еще и замечательный набор из бамбукового низенького столика, чайника, чашек, а также всяких приспособлений для заваривания. Котя растаял, но принимать дары наотрез отказался, на что прямолинейный Громов заявил ему, что если Чижилов такой принципиальный товарищ, то тогда он, Дюша, прямо сейчас начнет платить ему за постой живыми деньгами. И сказано это было с такой очевидной обидой, что Котя раз и навсегда смирился с «гостинцами».

— Ну что, картошечки-то наварил? — гудел Громов, извлекая из баулов разнообразные пакеты и пакетики и равномерно заставляя ими кухонный стол. Явился кот Шпунтик, оглядел беспорядок и вскочил на подоконник.

— Привет, котяра... — Дюша протянул руку погладить кота, а тот в ответ слегка, исключительно для вида, уклонился и обозначил ответный удар лапой, когтей, впрочем, не выпустив. Это

тоже была сложившаяся традиция. — Как он тут, а, Шпунь? Не озорует?..

Шпунтик молча моргнул Громову: нормально.

В ответ Громов достал из баула искусственную мышь — коричневую, с хвостом и бусинками вместо глаз, и торжественно положил перед котом.

— Владей, брат.

Шпунтик посмотрел на мышь, потом на Громова, затем снова на мышь — взял подарок в зубы и рысью удалился владеть.

— А вот... — Дюша достал очередной пакет, взвесил в руке. — Где твоя эта... — гигант затруднился с определением и покрутил в воздухе толстыми пальцами. — Девушка Тамара где?

— А-а-а... — отмахнулся Чижииков. — Была да сплыла.

— Да? — Громов с сомнением оглядел пакет, что-то прикинул и швырнул его назад в баул. — Ну... и правильно. Она мне никогда не нравилась.

И взглянул на Котю осторожно: не сказал ли лишнего? А Чижииков в это время смотрел на Дюшу и удивлялся: ну до чего же он с этой бородкой похож стал на былинного русского богатыря! Илью Муромца или Алешу Поповича.

— Расскажешь? — спросил богатырь.

— Да что рассказывать... Нет, не расскажу.

— Ну дело твое, — кивнул Громов. — С этим всем ты потом разберешься, — махнул он рукой в сторону стола. — А вот где картошечка, огурчик, помидорчик?..

За стол сели в гостиной. Так называлась комната, где у стены стоял громадный дореволюционный буфет, а в центре располагался большой круглый стол, покрытый толстой скатертью с тяжелой бахромой.

На массивной тумбочке красовался плоский японский телевизор, контрастировавший со старорежимной обстановкой гостиной. Чижииков небрежно щелкнул пультом. На экране возникла тщательно выбранная физиономия диктора программы «Вести»:

— ...подготовка очередной экспедиции к Северному полюсу подходит к концу, — жизнерадостно вещал он. — Известно, что научным руководителем экспедиции станет прославленный полярник, депутат Государственной думы Артур Чилингаров. Финансирование ледового похода осуществляет фонд «Новые рубежи» известного предпринимателя Андрея Гумилева. Среди задач экспедиции — изучение хребта Ломоносова на дне Северного Ледовитого океана, а также...

— Выключи ты этот ящик, — попросил Дюша. — Давай, как нормальные люди, посидим в гармонии с окружающим миром.

Чижилов спорить не стал, телевизор выключил и принялся расставлять на столе всякие закуски и заедки, принес с кухни картошку и чаемые огурчики с помидорчиками. Определил место для рюмок и потянулся было за бутылкой водки, заботливо охлажденной до нужного градуса, но Дюша остановил его:

— Ну нет, брат!

Из баула, последовавшего за Дюшей в гостиную, явились две пары кроссовок — здоровые такие кроссовки, богатырские. Из кроссовок были извлечены во множестве небольшие укутанные полиэтиленом свертки. А из свертков, повинувшись толстым, но ловким пальцам Громова, вылупились небольшие, на сто граммов каждая, зеленые бутылочки с красными этикетками.

— Вот что мы будем пить! — торжественно указал на бутылочки Дюша.

— А что это? — с любопытством спросил Чижилов.

— Народная пекинская водка эрготу. Точнее, самогон. Пятьдесят шесть градусов.

— А... почему в кроссовках?

— Ну ты даешь, брат! — изумился Дюша. — Так в багаже же. В багаже! С собой нельзя, запрещают: безопасность... Вижу, ты сейчас спросишь, а почему в полиэтилене. — Чижилов тут же кивнул. — Да потому что вонючая она, зараза. А багаж-то груз-

чики, кидают, как неродной. И если оно в сумке разольется — мама не горюй! Сумку целиком можно выбрасывать.

На этом нововведения не кончились.

Еще Дюша потребовал немедля достать чайный набор, а точнее — чайник и две чашки. Вернулся на кухню, оглядел горку «гостинцев», выдернул один, открыл — там оказался чай, который Дюша назвал «пуэр», и произнес убежденно, что народную пекинскую водку лучше всего потреблять, запивая горячим пуэром.

— Тебе понравится, — авторитетно заверил он Чижикова, споласкивая чайник кипятком. — Я всегда так делаю.

И, надо признаться, Коте действительно понравилось.

Чай пуэр оказался черным как деготь. Дюша объяснил, что это нормально и в качестве иллюстрации привел пример с пивом.

— Вот, брат, есть светлые сорта, темные, есть всякие другие, но так или иначе укладываемые в какую-то классификацию. А есть гиннесс, — сказал Громов, отвинчивая пробку с первой зеленой бутылочки. — И гиннесс как бы вне классификаций, потому что один такой. Так и пуэр, не относится ни к светлым, ни красным, ни к белым, ни к каким другим чаям. Он сам по себе — навроде гиннесса, брат. Во-о-от... — протянул Дюша, разлил китайскую водку по рюмкам, взял свою, поднес к носу и аж зажмурился от удовольствия. — Эх, родная!

Котя по примеру Громова понюхал содержимое: в ноздри ударил резкий сладковатый аромат.

— Здесь важно что? — продолжал учить его уму-разуму Дюша. — Если ты пекинской народной еще не пил, то нюхать не надо. А надо, брат, немедленно выпить. И следить за ощущениями. Ну, за встречу!

Прозрачная жидкость оказалась огненной и слегка противной на вкус, но всю прелесть пекинской народной Чижиков ощутил только тогда, когда она медленно протекла по пищеводе: Котю охватила томная волна умиротворяющего тепла.

— А теперь пуэрчика!

Отведав горячего чая, Чижигов тут же признал, сколь прав оказался Дюша, настаивая на запивании водки этим чаем. Сочетание получилось на редкость удачным — да что говорить, с безликой русской водкой никакого сравнения! Мертвая вода.

— Если в компании, где пьют пекинскую народную, кто-то один к ней не приложится — потом страдает весь вечер, — хрустя огурчиком, поделился опытом Громов. — Вонючая она, зараза, и ото всех употребивших идет чудовищный выхлоп, для русского носа непривычный. Выпившие уже не чувствуют, а кто отказался — он нюхает, ох, нюхает. Так-то, брат... Вообще наши в Китае четко делятся на две группы: те, кто пьют привычную водку, и те, кто пьют китайскую. Бывают, понимаешь, такие люди, которые отказываются от этой прелести, — щелкнул Дюша ногтем по зеленой бутылочке. — На дух не переносят, бедняжки. А по мне, эрготоу — одно из величайших китайских изобретений. Чистая, как слеза, крепкая, и голова с утра не болит. Знающий жизнь человек никогда от такой не откажется.

— Да-а-а... — протянул Котя, прислушиваясь к новым ощущениям организма. — Давай еще по одной?

— Молодец, брат! — заулыбался Громов. Было видно, что он с волнением ожидает окончательной реакции Чижигова на новый для него напиток, и увиденное Дюшу порадовало. — Это ты верно, брат, это ты правильно! Кипяточку только не забывай в чайник доливать, пуэр — он чай долгоиграющий. С ним да с пекинской народной любая пьянка превращается в изысканное отдохновение.

Изысканное или нет, но отдохновение в тот день и в последующий вечер действительно имело место. Котя с Дюшей степенно, не суетясь, сидели за столом, неторопливо и малыми порциями выпивали, лишь иногда отлучаясь на кухню заварить еще чаю, и беседовали. Дымя сигаретой, Чижигов вдруг подумал, что сильнее всего радуешься тем симпатичным тебе

людям, которые живут далеко и приезжают редко, но тут же с негодованием отогнал эту мысль как недостойную.

— Я, брат, теперь совсем зажиточный стал, — сообщил Громов. — У меня теперь в Пекине чайная лавка, ага.

— Ну? — обрадовался за друга Котя. — Как это?

— Ну как... Не так просто, между прочим! — Громов налил себе чайку. — Я всегда чаем интересовался, люблю я чай. Нравится он мне. Ну и стал им приторговывать понемногу, в Москву и Питер по случаю гонять. А тут где-то с полгода назад повстречался мне в одной компании китаец по имени Гу Пинь, и как-то мы с ним разговорились и глянулись друг другу. А недавно он мне предложил открыть на двоих лавку на Маляньдао, это такой район в Пекине, где чайная торговля. У меня тогда как раз свободные деньги были... Ну я и вошел в дело. Он все оформил — аренду, бумаги необходимые, я деньгами да связями в России вложился, и пошел процесс, брат! И вот что я хочу тебе сказать... — глаза Дюши заблестели. — Мне в жизни не так часто везло по-крупному, все больше по мелочам, но в этот раз, кажется, я поймал удачу за хвост. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

— А в чем везение? — спросил захмелевший от удивительной китайской водки Котя.

— В Гу Пине. Ты понимаешь, брат... — Громов задумался на мгновение. — Он сам словно талисман, страшно везучий мужик. Я когда только начинал с чаем работать, уже тогда слышал о китайце, которому в этом бизнесе удача так и прет. А тут — опа, сам с ним познакомился, в дело вошел. И смотрю: все правда! Какую сделку не заключает — она наивыгоднейшая, условия — просто пальчики оближешь!.. Что такое, думаю? А тут мы на открытии нашей лавки выпили, и Гу Пинь признался, что он — особенный.

— В каком смысле? — заинтересовался Чижиков.

— Ну вот особенный! Сказал, что у них это семейное, отец тоже удачливый был, и дед, и прадед... Сказал, что объяснить этого

рационально не может, да только у них в роду по мужской линии все до одного везунчики! И еще у Гу есть отличительная черта — глаза разного цвета. Знаешь, брат, я не то чтобы суеверный или там в чудеса верю, но у Гу Пиня один глаз зеленый, а другой голубой, и я ни одного больше такого китайца не знаю... Впрочем, это все неважно, все это фигня... — Дюша разлил по рюмкам очередную бутылочку. — Лично я, брат, думаю, что Гу Пинь просто создан для бизнеса, это у него в крови, а мне чертовски повезло, что мы с ним теперь работаем вместе. Вот где-то так.

— Здорово! За твою удачу! — поднял рюмку Чижиков.

— Ну а ты что сейчас поделяваешь, брат? — спросил, выпив, Громов. — Чем нынче занимаешься?

— Про меня неинтересно, — отмахнулся Котя. — Чем я могу заниматься? Да ничем. С работы прежней меня вежливо попросили, а новую я, честно сказать, найти и не пытался...

— То есть ты — простой российский безработный? — восхитился Дюша. — А на что же живешь-то?

— Да так, проживаю бывшие запасы, — улыбнулся Чижиков, вовсе не желавший рассказывать о том, что понемногу распродает коллекцию, и рано или поздно придет черед нести в скупку вещи, которые ему особенно дороги и с которыми совсем не хочется расставаться.

— Слу-у-ушай! — Громов даже вскочил и горою навис над Котей. — Так бросай все и давай ко мне, а? В Пекин. Мы с Гу Пинем как раз расширяемся, еще одну секцию берем в аренду, работы будет — во! — Дюша на собственном горле ребром ладони обозначил, сколько конкретно будет работы. — Бизнес сейчас отлично идет, так что... Слушай, брат, по-моему, это превосходная мысль!

— Да, но... — несколько оторопел от предложения Чижиков.

— Никаких «но»! — разгорячился Дюша и взмахнул рукой, едва не сбив на пол чайник. — Что тебя тут держит? Квартира? Так она у тебя приватизирована и никуда не денется. Найдешь

человека надежного, поселишь тут, чтобы присматривал, пока тебя нет. Что еще? Может, девушка-красавица?

Вспомнив про Тамару, Котя лишь скривился и головой помотал.

— Бабы...

— Ну вот! — хлопнул ладонью по столу Громов. — Так что бросай эту всю ерунду, собирайся и поехали!

— Прямо сейчас? А... А Шпунтик?

— Что — Шпунтик? Выправим мы твоему Шпунтику кошачий паспорт, и полетит он в даль светлую в собачьем ящике. Тоже мне, проблема! Значит, так, брат. Есть у меня один человек... Я с ним завтра же свяжусь и по поводу кота договорюсь, он все оформит. Заполнишь бумажки, какие человек скажет, дашь денег... немного. Все будет отлично, брат! А в Пекине я вас встречу. Лады? А?

— Ну, я даже не знаю...

Ошеломленный напором Громова, Котя слегка встряхнулся и попытался задуматься в указанном Дюшей направлении. По всему выходило, что Дюша дело говорит: стоит ли и дальше киснуть в Петербурге без каких-либо перспектив на горизонте? Котя в целом свете был один как перст, не считая, конечно, кота Шпунтика, а тут голосом Громова его позвала к себе страна мечты. Мощно так позвала, громко. Конечно, существовала опасность, и немалая, что при ближнем знакомстве страна мечты его разочарует, но, черт возьми, нужно же когда-нибудь совершать решительные, даже судьбоносные поступки!

— А... я по-китайски не умею, — по инерции воздвиг последний бастион Котя. — Совсем.

— Все не умеют, — легко отвел возражение Громов. — Научишься, делов-то! Там и не такие дубы попада... ой, извини, ну словом, было бы желание, брат.

— Ну... — нерешительно протянул Чижиков, но закончить не успел: вечернюю тишину со стороны кухни прорезал пронзительный кошачий вопль.

Громов вскочил, Котя, опрокидывая стул, вскинулся тоже, а вопль тем временем перешел в низкий утробный вой.

— Что это?! — ошеломленно спросил Дюша. — Не твой котейко?

— Шпунтик!!!

Друзья кинулись на кухню. Кругом скрипело и шуршало, но ни Дюша, ни Чижикив внимания на это не обратили, ибо на кухне нечеловеческим голосом орал кот.

Шпунтик сидел на столе, прямо среди «гостинцев», и грозно был, вытаращенными глазами уставясь в совершенно пустой угол. Короткая шерсть кота стояла дыбом, спина была угрожающе выгнута, толстый как полено распушенный хвост судорожно лупил по столешнице... Чижикив впервые в жизни видел своего питомца в таком состоянии.

— Шпунь... — застыв в дверях, тихо позвал Котя взбесившегося кота. — Шпунь... ты чего это, а?

Шпунтик не обратил на хозяина никакого внимания. Он продолжал смотреть в пустой угол и угрожающе завывать.

— Он что, рехнулся? — шепотом спросил Громов. — Часто это у него?

— Понятия не имею... — тоже шепотом ответил Чижикив. — Никогда раньше не было...

— Может, он в Китай не хочет? — предположил Дюша.

Тут Шпунтик грозно зашипел, подпрыгнул, с устрашающим мявом полоснул воздух когтями и серой молнией соскочил на пол, пролетев между Дюшей и Котей. Канул в глубине квартиры, стучась о стены и мебель, когда инерция бега оказывалась слишком велика для грамотного поворота. Негромко звякнуло: видимо, от сотрясения с одного из шкафов свалилась какая-то статуэтка.

— Ни фига себе... — только и выдавил пораженный Громов.

Котя тем временем вошел в кухню и внимательной ее оглядел. Кухня как кухня. Привычная, ничего нового.

— И что, спрашивается, он тут увидел? — пошарив на всякий случай рукой в совершенно пустом углу, задумчиво спросил Чижигов. — Здесь же ничего нет...

...Оказалось, что Шпунтик своротил со шкафа один из гипсовых бюстиков Мао Цзэ-дуна. При падении бюстик пострадал: треснул. Пьяненький Чижигов поставил Мао на свой рабочий стол до утра, чтобы потом, на трезвую голову устранить повреждение и воссоединить Председателя с другими его скульптурными изображениями.

Сам же виновник погрома обнаружился на карнизе в гостиной, куда вопреки запрету забрался по занавеске и откуда не желал спускаться ни при каких условиях — лишь устало шипел и дергал хвостом.

— Ну, брат, ты и придурок! — покачал головой Громов, глядя на взъерошенного кота снизу вверх. — Ты только ничего подобного на китайской границе не выкини, а то тебя в два счета депортируют на историческую родину...

— Да бог с ним, — махнул рукой успокоившийся Чижигов. — Пусть сидит. Наверное, у него майское замыкание... Пошли спать.

Своим наистраннейшим поведением кот Шпунтик совершенно отбил у приятелей желание допивать оставшиеся три бутылочки пекинской народной, а разговор о Китае они договорились продолжить завтра.

И пошли спать.

Шпунтик же просидел на карнизе до самого утра. И не зря: пока охмелевшие Дюша и Котя беззаботно видели сны, нестрое-ние в квартире разошлось не на шутку! В кухне отчетливо шуршали многочисленные пакеты с «гостинцами», два раза открылась и закрылась дверь одного из шкафов в коридоре, а в окно опять заглядывала плоская рожа, да не одна, а целых три. Шпунтик мужественно боялся всю ночь, так глаз и не сомкнул.

ЭПИЗОД 5

Сундучок

Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года

С утра, когда Громов жизнерадостно отбыл — «ускакал», как он выразился, — по своим петербургским делам, Чижи-ков, ощущая во всем теле легкую теплую истому, дошел до кухни, добыл из холодильника бутылку холодной минерал-ки, залпом выпил первый стакан, налил второй и поставил кипятиться чайник, после чего уселся за захламленный «гостинцами» стол. Как и обещал Дюша, от выпитого вчера голова совершенно не болела, напротив — организм пребы-вал в состоянии приятного обалдения, граничившего с без-мятежностью, а майское солнышко столь славно наяривало в окно, и воробьи столь заразительно чирикали на карнизе, что Чижииков быстро почувствовал себя счастливым и уми-ротворенным. Он навел относительный порядок, то есть рассовал по стенным шкафам большинство Дюшиных паке-тов и пакетиков, мимолетно удивившись тому, что многие из них оказались вскрыты, а некоторые даже самым варвар-ским образом разорваны — видно, хорошо все же вчера вы-пили! Затем приготовил себе кофе и только тут обнаружил, что Шпунтика нигде не видно.

— Интересно... — хмыкнул Котя, вспоминая вчерашний ко-шачий концерт с воем и прыжками. — И где же ты есть? Эй, кот-кот-кот! Кот-кот-кот!

Шпунтик показался на кухне, когда Чижикову уже надоело его призывать. Он вошел настороженно, прижав уши, внимательно огляделся и посмотрел на хозяина укоризненно: во-первых, кто это тут «кот-кот-кот», а во-вторых, ты вот ночью дрых, а я непорядки отслеживал. И где, спрашивается, обильное и высококалорийное питание после всего этого? Где?

— Что ж ты вчера отколол такое, зверь? — насмешливо спросил ничего не знавший о ночном бдении кота Чижиков, нехотя поднимаясь с табурета и загружая в миску чаемое питание. — Псих хвостатый...

Шпунтик проглотил оскорбление молча и приступил к еде с таким видом, будто делал Коте громадное одолжение, за которое любой человек с мозгами по большому счету должен, просто обязан, платить Шпунтику очень хорошие дополнительные деньги или же весь день его ублажать, например, правильно почесывать и поглаживать.

— Ну-ну, — усмехнулся Котя и вернулся за стол. Сделал себе кофе, закурил, чтобы привести в порядок мысли.

Чижиков жил на Моховой, практически ее не покидая, более тридцати лет, однако вчера Громов сделал ему предложение, от которого Котя чувствовал себя не в силах отказаться. Прочие обстоятельства в виде змея-искусителя Вениамина Борисовича также складывались весьма благоприятно, если не сказать — удивительно благоприятно и крайне вовремя. Вот тебе страна мечты, а вот тебе — деньги на поездку. И теперь Чижиков изыскивал причины, чтобы не продавать сундучок и не менять свою жизнь столь кардинально. Котя сомневался. Некоторые люди, впрочем, называют подобное поведение разумной осторожностью.

Чижиков прислушивался к себе две сигареты и полторы чашки кофе подряд. Внутри было смутно: боролись противоположности. Часть Котиного организма готова была идти к антиквару, а потом в кассу за билетом хоть сейчас. Другая была первую

по виртуальным рукам и вскрикивала: «Ах, а вдруг я там пропаду! Ах, а вдруг все получится не так, а совсем даже иначе? Мама, мама, что мы будем делать?..»

— Да в самом-то деле! — решительно погасил сигарету Чижигов и пошел в дедов кабинет — поглядеть со всем вниманием на предмет сомнений, то есть искомый сундучок. Ведь именно от него во многом зависела дальнейшая судьба Коти. Если, конечно, это тот самый сундучок, который нужен клиенту Вениамина Борисовича.

Сундучок оказался небольшим и в общем и целом довольно невзрачным. Если бы Чижигов не прожил всю жизнь в окружении китайских вещей различной степени потрепанности и увидел сей предмет впервые, то, возможно, он воскликнул бы: что за дрянь, а не сундучок! Кому такой вообще может понадобиться? Да еще за деньги. Да еще за такие деньги!

Внутри сундучка издавна прописались всякие мелочи: папочки для еды, разные, много; несколько ниток деревянных резных четок; «Цитатник» Мао Цзэ-дуна 1966 года издания, а также ряд других, похожих на «Цитатник» красных книжечек, названия которых Чижигов прочитать по неграмотности не мог, но резонно полагал их раритетами того же бурного времени. Выгрузив все это добро на диван, Котя подхватил пустой теперь сундучок и понес к столу, чтобы рассмотреть без помех. Усаживаясь поудобнее, он случайно, мельком мазнул рассеянным взглядом по окну, и вдруг ему причудилось там странное плоское лицо, будто бы оно внимательно вглядывается в комнату, странное такое... то ли призрачное, то ли прозрачное. Чижигов встрепенулся, поглядел внимательнее: нет, ничего такого, стекло как стекло, правда, не слишком чистое.

— Тьфу ты, господи, привидится же... — пробормотал Чижигов.

Все же пекинская народная, видимо, не так проста и легка в усвоении, как ее красочно воспевал вчера Громов: голова-то не болит, а вот легкие глюки, кажется, присутствуют. Тряхнув

головой для прояснения мыслей, Котя поставил сундучок на стол, отодвинув в сторону поврежденный гипсовый бюстик Председателя Мао, и начал внимательно рассматривать старинную вещицу.

Сундучок, некогда покрытый ярко-красным лаком, ныне выглядел совершенно непрезентабельно — весь в царапинах, облупленный. Местами лак совсем сошел, обнажив темное дерево. Крышка крепилась на трех бронзовых петлях, спереди имелись ушки для замочка, но самый замочек отсутствовал.

На крышке имелся рисунок. В силу обстоятельств жизни Чижигов был привычен к традиционным китайским орнаментам, но этот не походил ни на один, когда-либо виденный Котей.

Посередине круг, ровный, но не очень большой. Чижигов измерил линейкой — тридцать с хвостиком сантиметров в диаметре. Круг обозначен жирной черной полосой, явно выжженной. Внутри него на равном удалении друг от друга — полусхематичные, одинаковые по размеру изображения пяти фигурок. Одна определенно тигр, а другая — дракон. Третью сходу идентифицировать не удалось: олень или какое-то другое копытное, спиной горбатое, на голове — причудливые рога. Дальше — черепаха, которую почему-то обвивает змея. Чижигов некоторое время обалдело смотрел на рисунок, потом хлопнул себя по лбу: ну конечно! Нечто похожее он уже видел. Пойдите, где же? Да-да, в какой-то книжке. Где же она...

Книжка под названием «Бамбуковые страницы: Антология древнекитайской литературы» нашлась на посвященных Китаю полках. Прямо на обложке был вытеснен дракон.

Последней была птица — крупная, похожая одновременно и на орла и на павлина. «Видимо, феникс», — подумал Котя, потому что ничего иного ему в голову не приходило.

Ну и ладно.

Придерживая крышку, Чижигов осторожно перевернул сундучок и внимательно осмотрел дно: ничего примечательного

— за исключением давних царапин. Никаких надписей. Скучная и очень пожившая вещь, чуть не на помойке найденная, случайная. Однако последнее — вряд ли. Потому как в дедовой Коллекции встречалось всякое, но каждая вещь попадала в нее не абы как, но по какой-то причине. Были тут памятные подарки и вещи, которые годами сопровождали Вилена Ивановича с одной казенной китайской квартиры на другую. Были предметы, в которые дед влюбился с первого взгляда. Был во множестве Председатель Мао — в бюстниках и значках с его изображениями, которых набралось несколько больших коробок. И только невзрачному сундучку Котя не находил никакого разумного объяснения. Больше того: сколько помнил Чижилов, дед, так любивший вместе с внуком копать в Коллекции, что обычно сопровождалось увлекательными рассказами о Китае, когда старый и малый забывали обо всем на свете, ни разу про сундучок не упомянул. Он его, казалось, вообще игнорировал и на давний вопрос внука, что это за вещь, лишь отмахнулся, мол, подобное старье по совести давно пора выбросить на помойку. Тогда Котя не обратил внимания на необычное поведение деда, а сейчас припомнил и ясно понял: старший Чижилов не просто пренебрегал сундучком, он его очевидным образом не любил. Но в то же время хранил, не выбрасывал. Были и другие странности: дед, к примеру, запрещал трогать многочисленных Мао Цзэ-дунов, самолично вытирая с них пыль!

Последнее еще можно было понять и объяснить: русский с китайцем братья навек, Сталин и Мао слушают нас и прочие отголоски пятидесятих годов. Но что такого особенного было в сундучке? На этот вопрос у Чижилова ответа не было.

Он снова перевернул сундучок, откинул крышку и уставил-ся в пустое нутро, на потемневшее от времени некрашеное дерево. Потом исследовал внутреннее устройство сундучка на ощупь, едва не занозив палец.

Ни-че-го.

И вот спрашивается: почему некто хочет заполучить сундучок за сумасшедшие по котиным меркам деньги? Если внутри пусто, а внешне вещь выглядит простецки, деревяшка деревяшкой?

Всех особенностей — необычный узор на крышке. Котя вытащил мобильный телефон, задействовал фотоаппарат и сделал несколько снимков: общий вид плюс каждое животное отдельно.

На память. Или на всякий случай.

А, может, московский богатея — фанат китайских сундуков? У Коти от напряжения даже голова заболела.

Пришел кот Шпунтик, легко вспрыгнул на стол, настороженно глянул в окно, обнюхал вещь, чихнул.

А, может, там есть тайник?

— Спасибо, мой хвостатый друг! — с чувством сказал коту Чижики и взялся простукивать сундучок со всех сторон, чутко наострив уши. Шпунтик помогал вовсю: смотрел вытаращенными глазами на явно свихнувшегося хозяина и даже пару раз ударил сундучок лапой, направляя Котины действия.

Простукивание указало на явные пустоты в боковых стенках, а когда умело примененный столовый нож подцепил край внутренней планки, та легко поехала вверх — и обнажилось выдолбленное в дереве углубление, небольшое, сантиметров пять-семь в диаметре и два-три в глубину. К великому разочарованию Коти, там ничего не было. И в другом тайнике — тоже.

Чижики посмотрел на Шпунтика. Шпунтик посмотрел на Чижики.

— Здесь что-то было, — сообщил Чижики коту. Шпунтик согласно моргнул. — Интересно, что?..

Теперь у Чижики появилась хотя бы одна правдоподобная версия: видимо, покупателю нужен был не сам сундучок, но то, что он в себе таил на протяжении веков.

— Ай да дед!

Одобрительно хмыкнув, Котя упаковал сундучок в газету и положил сверток в пакет: раз уж тайники пустые, следует и вправду побыстрее сбыть сундучок с рук. Ему ведь никто не говорил про то, что в сундучке что-то должно быть. Никто ни о чем подобном не предупреждал. Надо поторопиться, покуда неизвестный покупатель не спохватился и не выдвинул дополнительных условий, вроде наличия тайников в стенках, да не просто тайников, а — тайников с содержимым.

— Ну ты понял: всех впускать, никого не выпускать! — по привычке велел коту Чижигов и, подхватив пакет, отправился к Вениамину Борисовичу.

Услышав новость, антиквар стал радоваться как ребенок: видимо, проценты пообещали ему весьма значительные.

— Отыскали? Ах, молодой человек, я всегда в вас верил! — Вениамин Борисович всплеснул ладошками и бережно, будто редчайшую ценность, принял из рук Коти пакет. — Сейчас, сейчас! — И собрался было унести пакет в недра салона, но Чижигов остановил его.

— Нет, Вениамин Борисыч, давайте уж сначала покончим с нашим делом, а любоваться потом станете, хорошо?

Котя действовал неосознанно, инстинктивно. Обнаружив в боковинах сундучка пустые тайные ниши, он внезапно со всей ясностью понял, что ему надо ехать в Китай. И потому рисковать деньгами не хотел и не собирался. Старичок-то старенький, но кто его знает... Может, шустрый и быстро бегают. Или еще какая напасть.

Антиквар послушно остановился, поставил пакет на прилавок, поправил очки и согласно закивал:

— Да-да, конечно. Но я могу хотя бы взглянуть на вещь?

— Пожалуйста, — разрешил Котя. — Сколько угодно.

Вениамин Борисович все так же бережно извлек из пакета газетный сверток, развернул его, разгладил газету на прилавке и, не дыша, уставился на сундучок. Схватил огромную лупу, стал разглядывать рисунок на крышке, чуть не обнюхал стенки, дно...

Когда антиквар наконец закончил и обратил взор на Чижикова, на лице его цвела широкая улыбка.

— Превосходно, превосходно, молодой человек, да-с! Я вам чудовищно благодарен!

— Ну, а... э-э-э... — протянул вопросительно Котя. — И как эта благодарность выразится... в денежном эквиваленте?

И Чижиков замер выжидательно, весь напрягшись от волнения, поскольку вполне логичным полагал услышать в ответ: сначала оповестим клиента, потом клиент даст деньги, и вообще — приходите послезавтра, а лучше на следующей неделе. Однако ничего подобного не произошло. Напротив, случилось чудо.

— Конечно! Конечно! Сейчас! — антиквар метнул взгляд на Котю, потом на сундучок, потом снова на Котю. — Могу я вас нижайше попросить поскучать тут с вашей вещью буквально минут пять, пока я схожу в закрома?

Чижиков не возражал. Радужные перспективы грели ему душу.

Вениамин Борисович появился действительно минут через пять и в руке у него был белый бумажный сверток толщиной в хороший кирпич.

— Вот, прошу вас, — улыбнулся он, протягивая сверток Коте. — Не извольте беспокоиться: у меня все как в банке. Сумма точная. Или желаете пересчитать?

— Я... вам верю, — машинально сглотнул Чижиков. — Я вам вполне доверяю.

Но край свертка все равно надшипнул и убедился, что кирпич денег состоит из пятидесяти тысяч бумажек.

— Все в порядке, — неверным голосом произнес Котя.

— Ну, что-с, — Вениамин Борисович протянул ему руку. — Поздравляю нас обоих с удачной сделкой!

Котя пристроил деньги во внутренний карман куртки, отчего сразу стал походить на гангстера, не слишком озабоченного прятать оружие, и пожал протянутую руку.

— Спасибо, Вениамин Борисыч. С вами очень приятно иметь дело.

Старичок залучился ответной улыбкой: конечно, разумеется, дай Бог каждому!

— Вы простите мою невоспитанность, но... где у вас туалет?..

В туалете Котя закрыл дверь на задвижку и достал кирпич денег. От вида такого количества пятитысячных купюр у него на миг закружилась голова. Чижииков даже вспотел, озирая свои богатства. Хлестнув себя пару раз по щекам, он наконец успокоился и принялся за работу: поставил ногу на унитаз и задрал штанину. Разделив пачку денег пополам, он засунул одну половину в специальный кармашек на эластичной ленте, которая туго обхватывала середину левой икры. Вторая половина отправилась в кармашек на правой ноге. Сглотнув и отерев пот, Котя выбросил упаковку в унитаз, шумно спустил воду и покинул туалет.

— До свидания, Вениамин Борисыч!

Майское солнце слепило, а ноги подгибались. Выбравшись из салона, Чижииков пересек улицу и зашел в небольшое кафе: организм настоятельно требовал холодной воды и сигарету. Сел за столик у окна.

«Надо было все же спросить, что особенного в этом сундучке, — подумал Котя, заказав бутылку минералки и судорожно закуривая. — Или нет, не надо было?.. Как старичок резво выметал деньги на стол!.. Дело нечистое, хорошо, что мы теперь с Борисычем долго не увидимся. Что-то тут определенно не так...»

Чижииков отхлебнул воды и машинально поглядел в окно — прямо через дорогу располагался антикварный салон Вениами-

на Борисовича. Туда как раз кто-то вошел, и Коте показалось, что мелькнувшая в дверях спина ему смутно знакома.

Где он ее видел?

Где?

А! Ну как же! Когда он в прошлый раз был у антиквара, этот мужик — с бледным лицом, в черных очках и с пижонским хвостом — изучал в углу старинные миниатюры. Точно. Его спина. Вот ведь повадился...

Что теперь?

Несколько вещей: уладить дела, то есть запустить кого-нибудь надежного в свою квартиру пожить, еще врезать надежные замки на комнаты с дедовой коллекцией, чтобы не лазали, а дальше — в Китай, в Китай. Нужны виза, авиабилет, страховка... и Шпунтик. С ним-то что делать?

С котом у Чижикова были долгие и тесные отношения. Несмотря на широко разрекламированную независимость кошачьего племени, которое самым вызывающим образом гуляет само по себе, конкретно взятый Шпунтик, внешне проявляя все обязательные признаки легендарной независимости, был тем не менее к Чижикову привязан на каком-то полусобачьем уровне. Само собой, кот, как и положено, совершал длительные ночные походы по крышам и прочим значным местам, о которых Котя старался не думать, и несколько раз возвращался из своих путешествий с явными признаками выяснения отношений с конкурентами. Однако судя по тому уважению, которым он пользовался у окрестных котов и неизменному расположению окрестных кошек, столкновения эти всегда заканчивались в пользу Шпунтика.

Кот вообще вел себя разумно: никогда не задерживался на улице дольше необходимого и, казалось, был искренне привязан к своему дому, где имел не только гарантированный кусок рыбы с мясом, но и доброе к себе отношение. У него даже были добровольно принятые на себя домашние обязанности.

Так, например, помимо исполнения важной функции будильника, кот надзирал за входной дверью и, если в темное время суток на лестнице случался какой-то шум, сигнализировал об этом низким утробным мявом. Именно поэтому, уходя по делам, Котя отдавал Шпунтику указание насчет «впускать — не выпускать»: кот вполне мог и иногда даже хотел сыграть роль сторожевого пса. Шпунтик находился в самом расцвете кошачьих сил, опыта и умудренности и, в отличие от собаки, мог забраться на шкаф и прыгнуть оттуда на незваного гостя всей своей увесистой тушкой, попутно нанося противнику урон всеми имеющимися когтями. Весьма острыми, надо признаться.

Разъяренный кот — это специальный аттракцион, с которым трудно управиться. Чижииков справедливо полагал, что, пока его нет дома, Шпунтик сумеет достойно присмотреть за квартирой, а потому настоящую сигнализацию почти никогда не включал. Котя Шпунтика любил, ценил и уважал — и не только за мощь когтей и высоту прыжков, но в первую очередь за неуловимое внутреннее единство, которое между ними за совместно прожитые годы установилось. Так что уехать в Китай без кота представлялось Чижиикову решительно невозможным. Это было бы просто предательством.

Котя достал мобильный и набрал номер Громова.

— Да! — перекрикивая шум каких-то механизмов, проревел тот, и при первых же звуках его голоса на Чижиикова мгновенно снизошло спокойствие.

— Привет, Дюша. Это я, Котя. Я что хочу сказать... Я принимаю твоё приглашение. Ну — насчет Китая.

— Ну и молоток! — одобрил Громов. — Ну и правильно. В нашем возрасте уже пора надолго выйти в люди... Ты как в целом?

— Все в порядке, Дюша, — улыбнулся Чижииков. — Теперь все в порядке.

— Тоже славно! Как сказал персонаж одного кинофильма, твой выбор был мудр. А я и не сомневался, между прочим.

— Только знаешь что... — Котя замаялся. — У меня ведь кот...

— Шикарный кот! — подтвердил Громов. — Я полюбил его с первого взгляда. И что?

— Ну... ты, вроде, сказал что-то насчет кошачьего паспорта...

— А, так вы все же вместе поедете? Правильно! Русские своих не бросают... Все сделаем, не бойсь. Я подсуетился, как и обещал. Сейчас сброшу тебе на мобильник номер... Позвонишь, человек уже в теме, зовут Петр Сергеич, все тебе скажет и все вопросы с котом порешает. За некоторое вознаграждение, понял?

— Понял. А виза?

— Что виза? Визу, брат, на границе получишь, прямо в аэропорту. Будет немного дороже, а так без проблем — я все оформлю и тебя встречу. Или это тебе критично, что дороже?

— Нет-нет.

— Ну и ладненько. Вечером увидимся... Эй, брат, я тебя не слышу. Тут такой шум!

— Договорились!.. Договорились, говорю!!!

— А теперь дуй в кассы Аэрофлота и покупай билет. Деньги-то есть?

— А то, брат! Теперь есть.

Чижигов дал отбой и стал соображать, как с Чернышевского удобнее всего добраться до международных авиакасс.

ЭПИЗОД 6

Император и убийца

Поднебесная, Сянъян, дворцы Цинь Ши-хуана, III в. до н.э.

Владыка Поднебесной был мрачен.

С некоторых пор дворцовая челядь стала замечать, что император все чаще пребывает не в духе, и старалась казаться незаметной, не попадаться лишний раз повелителю на глаза. От этого возникало впечатление, будто приказы императора исполняются сами собой.

Погруженный в одному ему известные думы, император мог часами в полной тишине мерить шагами обширные залы громадных дворцовых покоев, переходя из одного в другой: двери бесшумно распахивались перед ним, а потом неслышно закрывались — Цинь Ши-хуан не обращал внимания на незримо сопровождавших его слуг, а те были только рады. Ибо в последнее время владыке случалось внезапно впадать в безудержный гнев, и тогда наказания следовали направо и налево. Взгляд императора в такие дни бывал настолько ужасен, что удостоившиеся взора владыки слуги цепенели, покрывались от страха липким вонючим потом и не могли думать ни о чем ином, кроме как о дозволении убраться прочь. Челядь очень старалась быть незаметной.

Ближние советники и министры тоже нервничали: немыслимый груз по обустройству Поднебесной, взваленный на себя императором, был так громаден, что было решительно невоз-

можно понять, как у владыки до всего доходят руки. Строительство Великой стены, прокладка новых дорог, усмирение беспокойных северных варваров, возведение городов и крепостей — не говоря уже о вещах существенно более мелких, но столь многочисленных, что голова шла кругом!.. Невиданное в истории дело — объединение веками живших наособицу и по своему земель в единую державу — и пугало, и манило одновременно.

Прошлое уходило в муках, новое рождалось в страданиях.

Было еще что-то. Нечто такое, о чем владыка думал еже-часно, сверх прочих дел и забот. Нечто, не дававшееся императору в руки — при всем его могуществе. Нечто, о чем, по наблюдениям самых внимательных обитателей дворцов, помимо самого императора знал еще только один человек — советник Гао.

Гао постоянно был в разъездах — повеления владыки бросали его из одного конца империи в другой, но как только советник возвращался в столицу, Цинь Ши-хуан заметно оживлялся и немедля требовал Гао пред свои очи. Правда, после того, как аудиенция заканчивалась, а советник покидал город, отправляясь выполнять очередное тайное распоряжение, император чаще всего впадал в неистовство — видимо, вести, доставленные советником, совершенно не соответствовали его ожиданиям, но иногда бывал и благостен, даже милостив, и становилось ясно, что Гао приносит не только дурные вести.

— Прибыл советник... — прошелестел павший ниц слуга, не смея шевельнуться.

Цинь Ши-хуан оторвался от раздумий, лицо его просветлело.

— Звать немедля!

Слуга метнулся исполнять. Владыка, шелестя полами облачения, быстрым шагом пересек громадный пустой зал и вошел в малый зал для приемов. Нетерпеливо поднялся на возвыше-

ние, сел. На столике по правую руку от владыки тут же сама собой возникла чаша с подогретым вином. Император, придерживая тяжелый шелковый рукав, поднял чашу.

Открылись резные двери, и в сопровождении двух рослых гвардейцев пред очи императора явился советник — высокий и нескладный, с лицом узким и бледным. Вошел и низко склонился перед императором.

— Оставьте нас! — легко повел рукой Цинь Ши-хуан в сторону гвардейцев и пригубил вино.

Гвардейцы исчезли.

Резные двери бесшумно затворились.

Император отставил вино и поднялся на ноги.

Советник поднял голову, взглянул на него, потом осмотрелся по сторонам.

Цинь Ши-хуан молча подошел к стене за возвышением, на котором восседал, нажал на выступ в затейливой резьбе и с усилием отодвинул в сторону массивную панель. Кивнул советнику Гао — тот бесшумно приблизился и канул в открывшемся проходе. Оглянувшись, император последовал за ним. Панель встала на место, скрыв малейшие признаки прохода.

Столичные дворцовые покои были поистине громадными. Отдавая приказ возвести их, Цинь Ши-хуан вовсе не ставил целью затмить роскошь и превзойти размеры покоев владетельных князей и правителей покоренных им китайских земель. Повелитель Поднебесной попросту выстроил самый большой дворец из известных — дворец дворцов, огромный и запутанный: многочисленные залы и крытые переходы переплетались в нем в сложный лабиринт, в котором и существовал император. Он постоянно перемещался по дворцам — никто не мог предсказать, где именно владыка встретит следующий день. И поскольку мало кто из знавших досконально все планы и закоулки строений, остался в живых, тот, кому в голову пришла бы вдруг безумная идея совершить на императора покушение,

не сумел бы и за много дней решить, где это можно устроить наилучшим образом. Передвижения владыки Поднебесной казались совершенно непредсказуемыми, а преданная императорская гвардия чутко стояла на страже покоя и самой жизни повелителя.

Были во дворцах и такие места, о существовании которых знал только сам владыка да небольшой круг доверенных слуг, и именно туда сейчас направлялся Цинь Ши-хуан вместе со своим таинственным спутником.

Узкий и длинный наклонный проход, скупо освещенный факелами, привел их в небольшое подземное помещение, стены которого были отделаны резным деревом, а все убранство составляли громадные деревянные короба, расположенные вдоль стен. В центре, вокруг жаровни, лежало несколько простых циновок — к ним император и советник и устремились. Если бы кто-нибудь удостоился чести взглянуть на дальнейшее, он сильно удивился бы: грозный повелитель Поднебесной сел на циновку, жестом пригласил своего спутника сделать то же самое, и тот без церемоний, всего лишь почтительно поклонившись, сел напротив Цинь Ши-хуана.

— Итак, советник... — Цинь Ши-хуан внимательно взглянул на Гао. — Каковы известия?

— Повелитель... — начал дозволенные речи советник. — Ваш слуга опасается, что его вести не придется владыке по сердцу. За последние месяцы я побывал в самых разных уголках страны и думаю, что теперь представляю положение дел по занимающему мысли владыки делу...

— Говорите! — велел император. — Говорите всю правду. Сейчас. Прямо.

— Раз владыке угодно... — советник низко поклонился императору. Потом выпрямился и взглянул на владыку, как тот и велел: прямо. — Мне совершенно ясно теперь, что вашему тайному указу определенно чинятся препятствия. И эти препят-

ствия возникают не из-за случайного стечения обстоятельств или в силу иных естественных причин. Против вас выступает некая могущественная сила, хорошо ведающая, что и зачем творит.

— Кто такие? — непримиримо сжал челюсти император. — Нет такой силы, которая может нам противостоять ни открыто, ни тайно. Все семьи владетельных родов разлучены со своими землями, лишены власти и связей с бывшими подданными. Все смутьяны казнены, а прочие послушники не имеют времени для вольнодумства, поскольку денно и нощно строят Великую стену. Не щадят при этом сил своих, а некоторые, как нам ведомо, настолько изнуряют себя трудами на благо державы, что даже расстаются от усердия с жизнью. Книжная крамола изничтожена под корень, а те, кто особо упорствовал в заблуждениях, не желая расстаться с лживой древностью, будут упокоены в земле. Мы не видим, кто может противостоять нашим делам и повелениям.

— И тем не менее такая сила есть... Владыка! — советник осторожно взглянул на императора. — Не раз я сопровождал ваших гвардейцев и служилых людей на поиски запрещенных книг, а также тайных предметов, о чем лишь вам ведомо. И не единожды на наши отряды совершались нападения, как мне случалось докладывать повелителю.

— Смутьяны! Бунтовщики! — возвысил голос император.

— Да, владыка, — кивнул советник. — Несомненно. Бунтовщики. И подлежат смерти...

— Отчего же они до сих пор живы?

— Это не простые бунтовщики, владыка, — советник Гао ничуть, казалось, не испугался грозного тона Цинь Ши-хуана. — Я только что прибыл из усадьбы известного вам книжника Фэй Луна. Мы добрались туда уже затемно, со мной были сотник Ма и десять гвардейцев, люди проверенные и умелые. Столько же людей дожидалось нас внутри поместья. И тем не менее я вер-

нулся один. Погибли все, и лишь мне удалось избежать смерти. Но я... не сумел поразить ни одного бунтовщика!

В комнате повисло молчание. Император смотрел в жаровню, обдумывая услышанное. Советник Гао почтительно ждал.

— Как это случилось? — наконец спросил Цинь Ши-хуан.

— Внезапно, — отвечал советник. — Неожиданно. Хотя я уже сталкивался с такими нападениями и принял меры. И все равно нас застали врасплох. Люди, одетые в черное, появились словно ниоткуда. Точно призраки, без единого звука они возникли из мрака ночи, и через несколько ударов сердца почти все наши люди были мертвы. Мне стыдно, повелитель, я был вынужден убегать по крыше, однако и там меня поджидали! Я был готов, и мне удалось отразить удар противника, но меч мой преломился. Стыд выедаёт мне глаза, это было воистину позорное бегство...

— Гао низко склонился перед Цинь Ши-хуаном. — Я опять не выполнил волю владыки и прошу даровать мне смерть.

— Нет, — качнул головой император. — Не смейте говорить нам об этом более.

— Повелитель! — в голосе советника слышалось отчаяние. — Вы приказали своему слуге во что бы то ни стало сохранять его ничтожную жизнь, и я не смею ослушаться приказа, но позор, которым я покрыл себя, столь велик, что...

— Замолчите, — велел Цинь Ши-хуан. — Или вы позволите себе судить о наших замыслах?

— Я не смею, повелитель...

— Очень хорошо, — хищно улыбнулся император. — Теперь скажите нам, что вам известно еще об этих черных людях?

— Немного, повелитель... Они появлялись лишь тогда, когда ваши посланники находили крупные хранилища книг, и нападали прежде, чем те успевали осмотреть собрания. Ни один из них ни разу не попался нам в руки, мы не видели ни крови, ни оружия, которое эти призраки обронили бы во время сражений, если можно так назвать эти побоища... И еще одна странность...

Советник замялся.

— Дозволяем продолжить! Говорите!

— Таинственные призраки нападали только тогда, когда мы собирались обследовать книгохранилища, о которых повелитель изволил предупредить меня отдельно. Там, где могли отыскаться древние амулеты... И вашему недостойному слуге почему-то кажется, что люди в черном знали о них тоже... Мой повелитель, я думаю, что это вовсе не люди, а посланцы иного мира! Их знания сверхъестественны, их боевое искусство совершенно! Их...

— Достаточно, — возвысил голос император.

Советник Гао проглотил рвавшиеся из уст слова и украдкой отер пот со лба.

— Вы в смятении, — сказал император. — Магические уловки последователей древней крамолы напугали вас, ввели в смущение ваш разум, поколебали крепость вашего духа.

— Мой повелитель... — Советник глянул на императора. — Позволено мне будет сказать о том, что я узнал у одного старика, когда в прошлый раз мы столкнулись с черными людьми?

— Что может знать о великих делах какой-то деревенский старик!.. — усмехнулся Цинь Ши-хуан.

— Ваш слуга склоняется пред мудростью владыки... Разумеется, мне не стоило придавать значения всяким глупостям...

— Однако что же сказал тот старик?

— Повелитель! — советник подался вперед и понизил голос почти до шепота. — Старик сказал, что это люди самого Желтого императора! Они приходят неведомо откуда и исчезают неведомо где. Они — хранители имущества Желтого императора, нашего великого первопредка!..

— Советник Гао! — Цинь Ши-хуан порывисто поднялся на ноги. — Мы повелеваем вам никогда и никому больше не повторять слова этого старика! И еще мы повелеваем вам тайно разыскать его и немедленно доставить в столицу. Возьмите самых проверенных ваших людей и привезите старика так, чтобы ни-

кто о том не дознался. Никто! Только вы, мы и двое ваших людей. А после того, как старик будет доставлен... — император замолчал, сверля бешеным взглядом распростершегося на циновке советника. — После этого пусть ваши люди воссоединятся со своими предками.

— Слушаюсь, повелитель... — глухо ответил советник, выпрямляясь. Если бы император мог видеть выражение его лица, то очень удивился бы, потому что советник Гао чуть заметно улыбался.

Но император не видел.

Пощипывая бороду, Цинь Ши-хуан принялся расхаживать по помещению — четыре полных шага в одну сторону, четыре обратно.

Владыка Поднебесной размышлял.

Советник Гао ждал.

— И вам не удалось обнаружить у книжника Фэй Луна ничего интересного? — мимоходом, не отрываясь от раздумий, спросил император.

— Только одну странную книгу, повелитель.

— Странную книгу... Странную книгу... — в задумчивости повторил Цинь Ши-хуан. Потом встрепнулся. — Какую именно?

— Вот, повелитель... — советник Гао достал из-за пазухи сверток, заискрившийся в свете факелов, и обеими руками со всей возможной почтительностью протянул его императору.

— Что это? Мы хотели бы взглянуть...

Мягкая ткань была точно живой металл, холодила руки и, казалось, покусывала кожу. Цинь Ши-хуан развернул необычайный сверток.

Три свитка из тонких бамбуковых дщиц. Древнее письмо.

Император развязал завязки первого свитка.

— Хэ Ма... — прочитал он. — Илиятэ. Что это, советник? Кто таков Хэ Ма? Мы никогда о таком философе не слышали. К какой школе он принадлежит?

— Ваш слуга про такого не слышал тоже, — отвечал советник Гао. — И что такое «Илиятэ», ему так же неизвестно. Пре-
страннейшие строки, коими открывается книга сия, пугают. В
них столько непостижимых слов...

— Воистину... — пробормотал Цинь Ши-хуан, поднося свиток
ближе к огню. — «Песни здесь возносят духам про гнев Акэлюсы.
Лишь этот гнев, грозный и бедонесущий, вверг людей рода акайя
во множество горестей страшных...» О, Небо! Что это? Кто таков
Акэлюсы? Что за народ акайя? Северные варвары? Или западные?

— Увы, повелитель, — отвечал советник Гао, и в голосе его про-
звучало искреннее огорчение. — Все это находится за пределами
скудных знаний вашего ничтожного слуги, который ни разу не
слышал ни имен таких, ни названий. Однако известный вам книж-
ник Фэй Лун хранил книгу сию отдельно от прочих: она была заму-
рована в стене его дома и обнаружилась по чистой случайности.

— Непостижимо... — Цинь Ши-хуан продолжал вглядываться
в текст. — «Множество душ могучих и славных героев в тьму
он послал, а тела бросил в поле диким собакам и птицам на
растерзанье», — император внезапно просветлел лицом. — Мы
чувствуем в этой книге удивительное! Быть может, она — то
самое, к обретению чего мы так стремимся... Мы признатель-
ны вам, советник, за то, что вы доставили нам книгу сию. Вы
будете щедро вознаграждены.

— Благодарю, повелитель.

— Отправляйтесь в путь незамедлительно! — Цинь Ши-хуан
бережно обернул свитки диковинной тканью и, разместив
сверток под мышкой, шагнул к выходу из тайной комнаты. —
Как можно скорее представьте пред наши очи того старика, а
также и книжника Фэй Луна. Если, конечно, таковой жив по сю
пору. Мы желаем с ним побеседовать.

— Повинуюсь, повелитель.

Прежним порядком вернувшись в малый зал для приемов,
император снова уселся на возвышении, положив сверток с за-

гадочной книгой справа от себя. Взял чашу с вином. Советник Гао застыл перед ним коленопреклоненный.

— Проводите советника.

Двери открылись и закрылись.

Зал опустел.

Император остался один.

Отпив вина, Цинь Ши-хуан снова взялся за книгу. Лицо императора, обычно властное и спокойное, становилось все более встревоженным. Слишком непонятным и пугающим оказалось то, что он читал. Слишком непривычным и не согласующимся со всем тем, что было известно владыке о подлунном мире. Может ли стать, что именно в этой книге, а не в тех удивительных амулетах, которые Цинь Ши-хуан который месяц разыскивал по всем уголкам Поднебесной, сокрыт секрет вечной жизни и вечной державы, которую император мечтал установить на многие века? Не эта ли книга назначена помочь ему, его воинам и всем тем, кого повелитель сочтет необходимым взять с собой, совершить великий переход — там, в подземных чертогах горы Лишань, что возводят уже столько лет? Не знак ли это, не ключ ли — к чаемой владыкой бесконечности в этом и том мирах?

Но как понять? Как истолковать? Неужели снова придется прибегнуть к помощи магов и хранителей тайного знания? А не повернут ли они эту книгу против самого владыки?..

Размышляя таким образом, Цинь Ши-хуан просмотрел первый свиток до конца — и не нашел ответа. Но странное дело: по мере чтения длинного рассказа о событиях непостижимых и неведомых тревога владыки удивительным образом истончилась и мало-помалу рассеялась, уступив место спокойной уверенности. Император чувствовал себя почти умиротворенным, как будто твердо знал, что теперь все пойдет как надо.

Решено: передать книгу наставнику Чжану. Он предан владыке, а кроме того — за ним хорошо присматривают. Очень хорошо. Наставника Чжана брать с собой в вечную жизнь повелитель Поднебесной не планировал — тот, как и многие другие, так или иначе оказавшиеся причастными к великой тайне, должен будет воссоединиться с предками сразу по завершении своей работы...

Чуть слышный шорох — сзади и откуда-то сверху, из-под сумрачных сводов зала, из переплетения расписных балок, на которых покоилась крыша, заставил императора сначала на мгновение застыть, а потом молниеносно сунуть руку за пазуху роскошного халата. Едва заметное дрожание воздуха, шелест — император выхватил из-за пазухи небольшую металлическую фигурку в виде распутившего хвост павлина, крепко сжал в кулаке... и три небольшие стрелы, нацеленные ему в спину, ровно туда, где бьется сердце, отскочили, не долетев, словно наткнулись на невидимую стену... А Цинь Ши-хуан уже взвился на ноги, выхватывая свободной рукой верный меч и крича:

— Стража!

Зал тут же наполнился лязгом оружия и звоном доспехов. Императора окружили, прикрыв собой, рослые гвардейцы. По потолочным балкам пронесся шум, несколько раз стукнула тети́ва — и к ногам первого ряда охраны, чуть ли не прямо на выставленные пики, свалилось сверху бездыханное тело, утыканное стрелами, застыло черным недвижимым свертком, неловко вывернув руку с зажатым в ней маленьким арбалетом.

Император раздвинул гвардейцев, подошел.

Повинуясь его жесту, тело перевернули лицом вверх. Несостоявшийся убийца был молодой, безусый, ничем не примечательный человек. Цинь Ши-хуан выхватил у ближайшего гвардейца факел, поднес ближе, взгляделся.

На лбу покойника густой охрой было выписаны два иероглифа: «Желтый император».

Владыка Поднебесной тяжело вздохнул.

ЭПИЗОД 7

Иногда они приходят дважды

Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года

Купить билет в Пекин на ближайшее время оказалось задачей нетривиальной, и Чижикив промаялся в кассе несколько часов, дожидаясь освобождения сделанной кем-то брони. Несколько раз он ловил себя на желании уйти и плюнуть на поездку, пару раз порывался купить билет на рейс через две недели, благо таких билетов имелось более чем достаточно, но какое-то неясное чувство не давало ему сделать ни первого, ни второго. И хотя Чижикив терпеть не мог ждать и не выносил стоять на месте, и хотя его мучило при одном только виде очереди, и хотя он всячески избегал малейших трудностей и препятствий, — в данном случае он терпеливо стоял и ждал, не понимая причин такого своего поведения.

Положенное время вышло, покупатель за бронью так и не явился, и Котя выкупил билет, испытывая двойственные чувства: с одной стороны, ненавистное ожидание закончилось, и это было счастье, с другой — он отрезал себе все пути к отступлению, и это его тревожило.

Тем не менее домой Чижикив возвращался в приподнятом настроении.

Однако настроение сразу испортилось, когда Котя застал дверь в свою квартиру приоткрытой. Из глубины доносился глухой, низкий звук, словно за дверью на низких оборотах бесперебойно работал небольшой, хорошо смазанный мотор. Чи-

жиков на цыпочках приблизился, замер, прислушиваясь: звук внезапно стих, — а потом пинком распахнул дверь.

В прихожей, строго по центру, перекрывая доступ в коридор, на четырех широко расставленных лапах стоял взъерошенный до неузнаваемости кот Шпунтик. Взор его был дик, а вид исполнен свирепости: казалось, на страже квартиры стоит не кот, но лютый тигр — не очень крупный, зато весьма страшный. На стук распахнутой двери Шпунтик отреагировал диким мявом, перешедшим в грозное шипение, но позиций не сдал, разве что слегка присел на задние лапы.

— Ты чего это?.. — обалдело спросил у кота Чижиков.

Кот еще раз зашипел, потом рывкнул что-то нечленораздельное, но несомненно ругательное, и пулей исчез в недрах квартиры, махнув на прощание толстым, как труба, хвостом.

— Ну ничего себе... — протянул потрясенный Котя, разглядывая замок. — Вот сволочи! И откуда ключи подобрали?.. А это что?

Он присел у входа, разглядывая паркет, щедро усеянный темными каплями, протянул палец, потрогал, поднес к глазам — кровь! Ну точно, кровь!

— Эй! — крикнул Котя вслед Шпунтику. — Эй, чудовище... Ты что, задрал тут кого-то?

Судя по разбросу, кровь из нарушителя спокойствия лилась обильно и из многих мест кряду — видимо, вставший на защиту квартиры кот вовремя и умело применил когти. Еще Котя нашел кровавые следы на дверном косяке и на внутренней ручке: незванный гость покидал квартиру в спешке, хватаясь за что попало. Однако на лестнице крови уже не было: наверное, налетчик зажал рану.

— Супер... — пробормотал Чижиков. — Ну просто супер!

Было ясно, что совсем недавно в прихожей квартиры на Моховой разыгралось настоящее сражение. Закрыв дверь, включив свет и как следует оглядевшись, Котя сумел в общих чертах

восстановить примерный ход событий. Неизвестный злоумышленник, вооружившись отмычками и пользуясь отсутствием хозяев, отпер дверь и проник в квартиру, дабы поживиться чужим добром. Он успешно пробрался в прихожую и тут его встретил Шпунтик, привлеченный нестандартными и оттого подозрительными звуками. Кот заранее занял удобную позицию на ближайшем шкафу и именно оттуда ринулся на грудь незадачливого вора, раздирая ее в прыжке когтями. Приземлившись на полу, Шпунтик продолжил атаку уже из партера, то есть по ногам, активно используя при этом боевые акустические приемы, то есть грозно орал, шипел, ревел и выл. Не ожидавший ничего подобного грабитель остолбенел, в мгновение ока оказался изодран в кровь и немедленно бежал, зажимая на ходу полученные раны.

— Тебе еще повезло, — усмехнулся Чижигов воображаемому налетчику, затирая тряпкой кровь. — Мог бы и глаз лишиться. Или еще чего ценного... Эй, боевой кот! — с этими словами Котя двинулся вглубь квартиры, оглядывая попутно свои владения.

Беглый осмотр подтвердил: злоумышленник не сумел продвинуться дальше прихожей. Шпунтик остановил его на взлете и тут же обратил в позорное бегство: никаких иных следов вторжения не нашлось, а все вещи стояли непо потревоженными и на привычных местах.

— Как хорошо, что я не успел занести домой деньги... — похвалил себя Чижигов, разыскав кота в дальнем углу, где Шпунтик ожесточенно вылизывался после битвы.

— Пойдем, мой герой!

Подняв Шпунтика с пола и проверив, нет ли у кота каких боевых ранений, Котя вернулся на кухню.

— Надо успокоиться, я понимаю...

Чижигов щедро нарезал в кошачью миску свежего мяса.

— Ну давай, успокаивайся, сторож ты мой...

Геройский кот ел охотно, но немного нервно, то и дело поглядывая по сторонам и раздраженно дергая уже пришедшим в норму хвостом.

— Спасибо, кот, — растроганно глядя на него, поблагодарил Чижииков. — Спасибо. Не ожидал я от тебя такого, не ожидал...

Впрочем, Котя всегда подозревал в Шпунтике множество скрытых талантов. Однажды он даже провел с котом беседу на тему вторжения в квартиру чужих — во время его, Чижиикова, отсутствия. Кот слушал внимательно. И вот — на тебе, запомнил!

— Ты что же, умный? — спросил он покончившего с едой кота. — Может, тогда уже перестанешь выпендриваться и ответишь мне по-человечьи? А? Расскажи мне, кто это так удачно к нам зашел? Как он выглядел? Ну — до того, как ты на него бросился? Приметы там особые, родимое пятно во весь лоб, сломанная в трех местах рука в гипсе...

Кот в последний раз дернул хвостом, развернулся к хозяину передом, а к миске задом, и внимательно уставился на Чижиикова. «Хочешь поговорить об этом?» — читалось в его безмятежном взгляде.

— Н-да, — констатировал Котя, доставая сигареты. — Жаль, что ты до сих пор шифруешься. Ведь я бы мог позвонить в милицию и сообщить приметы преступника. А так — что я скажу? Что мой кот почти поймал взломщика, но тот в последний момент ускользнул, и как он выглядит, кот умалчивает, да?..

Монолог Чижиикова оборвал звонок в дверь. Резкий, короткий, требовательный.

— Это к тебе? — спросил мгновенно насторожившегося Шпунтика Котя. — Потому что я Дюшу раньше семи не жду. Вот что, мой хвостатый друг, давай тебя на всякий случай запрем, а то ты все еще слишком взволнован...

Звонок повторился.

— Иду, иду! — крикнул Чижииков и, подхватив кота, на всякий случай закрыл его в ванной комнате: все же у животного был сильный стресс. Мало ли что. Еще кого не надо поцарапает.

— Кто там? — спросил Чижииков у двери. Глазка в ней не было: деду глазок был без надобности, а Котя так и не собрался его вставить и теперь жалел. Ведь только что к нему хотели вломиться самым беспардонным образом. — Кто?

— Вы меня не знаете, — глухо прозвучало с лестницы. Голос был определенно мужской. — Но нам надо поговорить.

— Может, я и не хочу вас знать, — резонно заметил Чижииков, не торопясь открывать. — Может, мне вас знать и вовсе не нужно. Может, даже будет лучше, если я вас никогда не узнаю.

— Мы с вами виделись... случайно... в магазине у Вениамина Борисовича Бунина, — был ответ. — Столкнулись в дверях, помните?

— Ни черта я не помню, — соврал одолеваемый нехорошими предчувствиями Котя. — И не понимаю, о чем нам с вами разговаривать.

Для убедительности Чижииков с грохотом заложил в кольцо тяжелый запорный крюк.

— Подождите! Ваш адрес мне дал Вениамин Борисович! — раздалось со стороны лестничной площадки. — Я только поговорить! Много времени не займу. Буквально пару слов... о том сундуке.

— О каком? — насторожился Котя.

— О том, который вы сегодня передали Вениамину Борисовичу, — быстро ответили из-за двери. — Я хочу кое-что уточнить. Буквально одну деталь. И сразу уйду. Меня зовут Сергей, я тоже коллекционер.

— И что же вы хотите уточнить?

— А... вы бы не могли впустить меня на минуту? Через дверь разговаривать неудобно.

Чижииков прикинул, что с одним злодеем — если это злодей — он как-нибудь справится: все же удар справа мастер Чэнь

ему неплохо поставил, а потому опять грохнул крюком и повернул ключ в замке.

Приоткрыл дверь.

У двери стоял тот самый человек, высокий — выше Чижикова на полголовы, с хвостом на затылке, в вельветовом пиджаке и черных очках. Именно его Котя, сам не зная отчего, и ожидал увидеть. Внимательно оглядев пришельца, Чижиков в очередной раз отметил странную бледность его лица.

— Ну проходите, коли так... гм... Сергей. Направо, на кухню.

Назвавшийся Сергеем юрко просочился в квартиру.

В ванной взвыл запертый Шпунтик.

— Что это? — замерев на полпути к кухне, вздрогнул гость.

— Это... гм... котик, — с удовольствием ответил Чижиков. — Серый. С плохой родословной. Двенадцать килограммов живого веса. У него сегодня был не очень удачный день. Котик переживает. Или, может, хотите познакомиться поближе?

— Может быть, позже, — отказался Сергей и вступил в кухню.

— Внимательно вас слушаю!

Котя широким жестом указал на табурет и сам присел к столу. Закурил.

— Кофе-чай не предлагаю. Ведь вы скоро уходите. Да и у меня времени свободного нет или совсем нет.

— Да-да, — несмотря на неестественную бледность, лицо Сергея было спокойным. Даже бесстрастным. — Собственно, дело в следующем... — Он бегло оглядел кухню, машинально потянулся к очкам, но в последний момент резво отдернул руку. — Я, как было сказано, коллекционер и интересуюсь разными старыми вещами. Я видел у Вениамина Борисовича китайский сундук, который вы принесли ему на продажу. Вениамин Борисович был столь любезен, что позволил и мне осмотреть эту редкую вещь. И вот что... Я знаю, что этот сундук не полон. Поэтому и пришел к вам.

— Этот, как вы выразились, сундук и был не полон, — кивнул Котя. — Выражаясь проще, сундук был пуст. То есть без содержимого.

— Нет-нет, — снова помотал головой Сергей. — Не так. Я не о том, я о другом... — тут он пристально уставился на Чижикова, словно прикидывая что-то в уме. — Видите ли... Я знаю, что тот сундук, который вы отнесли Вениамину Борисовичу, некомплектный.

— То есть? — вскинул брови Чижиков. — К нему прилагались еще какие-то прибабасы?

— Ну... вроде того.

— Нет, — решительно ответил Котя. — Мне сундучок достался таким, каким я принес его в скупку. Ни про какие другие штучки из комплекта мне ничего не известно. Извините.

— Да? Как жаль...

Сергей вовсе не выглядел расстроенным, и выражение его лица совершенно не изменилось.

— Какая досада, — сказал он деревянным голосом. — А как этот сундук к вам попал?

— От дедушки остался, — брякнул Чижиков и тут же пожалел. — А вообще это не ваше дело. Совершенно.

— А больше вам дедушка ничего не оставил? — напрягся гость. — Быть может, какие-то другие вещи?

— Я же сказал: это совершенно не ваше дело, уважаемый!

Котя демонстративно поднялся из-за стола:

— Извините, но ничем помочь не могу.

— Не можете или не хотите? — не тронулся с места Сергей.

— Послушайте, как вас там... — начал терять терпение Чижиков, прикидывая, как бы половчее выставить незваного гостя из дому. — Я ответил на ваши вопросы. А теперь извините: у меня дела.

— Я вам заплачу, — сообщил Сергей. — Много.

— За что, интересно?..

— Я... — начал было Сергей, но его прервал дверной звонок. В ответ в ванной снова взвыл Шпунтик.

— Да что же это! — всплеснул руками Котя. — Проходной двор какой-то!

— Вы кого-нибудь ждете? — Сергей живо поднялся на ноги. — Ни в коем случае не открывайте!

— Еще чего! — фыркнул Чижииков. — Я уж как-нибудь сам решу, что мне делать в собственном доме!

— Вы не понимаете... — снова затянул Сергей, но Котя прервал его взмахом руки.

— Слушайте, вы! — он придвинулся к Сергею. — Прекратите нести всякую чушь. Я от вас устал уже. Заткнитесь и убирайтесь из моей квартиры вон, ясно?

Входную дверь тем временем энергично пнули.

— Эй! Открывай, брат! Медведь пришел! — зарокотал голос Громова.

— Вы его знаете? — спросил Сергей.

— Вам-то какое дело? Выметайтесь!

Чижииков указал на прихожую. Потом подошел к двери в ванную комнату и сделал вид, что открывает ее.

— Шпунтик, проводи!

Отчего-то упоминание о Шпунтике на Сергея подействовало лучше всего: он оказался у выхода раньше Коти, а когда тот открыл входную дверь, выскочил на лестницу быстрее, чем дверной проем заполнил могучий организм Громова.

— Чего это? — ткнул пальцем за спину Дюша. — Что за таракан? Не спер ли чего? Может, догнать?

— Нет, брат, не надо, — улыбнулся Чижииков. — Все в порядке.

— Да? Ну тогда держи хавчик, — сунул Громов Коте внушительный пакет. — Сосисочки там, помидорчики... Слушай, не в службу, а в дружбу: сваргань поесть, а я пока в душ ринусь. Употел — сил нет!

— Легко! — еще раз улыбнулся Чижигов. — Осторожно, там Шпунт заперт. И он сильно не в духе.

— Как так? — изумился Дюша, распахивая дверь в ванную и ловко подхватывая кота, вознамерившегося прошмыгнуть у него меж ног. — Ты что, узник совести теперь? Мужичок, — обернулся он к Чижигову, возмущенно трясая Шпунтиком. — Вы почто животинку тираните?!

— Да тут у нас целая история вышла...

— Таракан в очках, да?

— Нет, это без него еще... Меня, понимаешь, попытались ограбить. Прихожу, а дверь открыта, представляешь? Ну не настезь, а так, слегка. И Шпунтик орет. Зверски просто. Я раньше и представить не мог, что он так умеет! Жуть, одним словом.

— Ну? — приподняв Шпунтика повыше, Дюша внимательно посмотрел коту в глаза. Кот свисал покорно и лишь мерцал зрачками в ответ. Громова он считал за своего.

— Вот и ну! Захожу — а на полу кровь, и этот зверь стоит против двери в третьей позиции: вот-вот вцепится.

— А ты что?

— А что я? Я зашел. Он меня увидел — и удрал.

— И что?

— Да то, что Шпунтик без меня от грабителей отбил, вот что!

— Ничего не сперли?

— Не успели!

— Ты им кровь пустил, да? — поинтересовался у кота Дюша. — Ты кровожадный, — нежно пробасил Дюша и прижал кота к себе. Кот пискнул и уперся ему в грудь лапами. — Ух ты животинка!.. Так, а ты вознаградил зверя обильной едой и правильным поглаживанием? — деловито спросил Громов.

— Конечно! А ты завязывай кота мучить!

Котя отобрал Шпунтика у Дюши и опустил на пол. Кот тут же принялся вылизываться.

— Вон, всего запачкал.
— Ладно, шутки шутками, а в милицию ты позвонил?
— Нет, и не собираюсь. Что я им предъявлю? Кота в качестве свидетеля? Ничего же не украли.
— Эх... легкомысленный ты тип, брат, — хлопнул Громов Котю по плечу. — Ладно, ставь сосиски вариться, я быстро в душ. Потом поговорим.
Дверь в ванную закрылась. Шпунтик неспешно удалился в глубины квартиры. Чижииков с пакетом в руке двинулся на кухню. Там на табурете — будто и не уходил никуда — сидел Сергей.

— Как?.. — вытаращил глаза Чижииков и уронил пакет. — Но ведь вы же... Я сам видел...

— Вам показалось, — бесстрастно ответил Сергей. — А все потому, что нам очень надо поговорить. И срочно.

Котя беспомощно оглянулся на входную дверь. Дверь была закрыта. Он посмотрел на окно: не в форточку же залез этот тип! Кот Шпунтик — тот бы смог, но Сергей для форточки крупноват. И тем не менее, вот он, нагло сидит на табуретке.

Чижииков ничего не понимал.

— Послушайте... — начал было изумленный Котя, но Сергей перебил его.

— Нет, это вы послушайте. В сундуке есть тайники, в боковых стенках, — торопливо заговорил он. — Всего тайников два. Оба пустые. Вы что-то доставали из них? Там что-то было?

— Э-э-э... — Чижииков наморщил лоб. — Какие тайники?

— Не валяйте дурака! — вскочил с табурета Сергей и шагнул к Коте. — Еще раз спрашиваю: было в тайниках что-то или нет?

Из ванной донеслось: «Ух, хорошо!» — и следом глухо: «Это май-баловник, это май-чародей веет свежим своим опаха-а-а-ало-о-о-ом...». Громов наслаждался помывкой.

Пришел Шпунтик и уселся в дверях.

— Как вы сюда попали? — спросил Чижиков. — Каким образом?

— Это сейчас неважно, — отмахнулся Сергей. — Ответьте на мой вопрос.

— И не подумаю, — мотнул головой Котя. — И вообще: не знаю, как вы тут опять оказались, но только убирайтесь из моей квартиры к чертовой матери. И быстро. Понятно?

— Понятно, — скривился Сергей в улыбке. И получилась она у него до того неприятная, что Чижиков внутренне содрогнулся. — Ваше поведение... очень рискованное. Вы даже не представляете, во что ввязались. И лучше бы вам ответить на мой вопрос, причем сказать правду.

— У меня такое впечатление, будто вы плохо понимаете по-русски, — Чижиков снова начал злиться. — Какая-то абсурдная ситуация. Я говорю вам: идите вон! А вы даже с места не двигаетесь. Такое впечатление, будто это я вломился к вам, а не наоборот. Даю пять секунд на размышление. Время пошло: или вы уберетесь сами и больше здесь никогда не появитесь, или я вас попросту спущу с лестницы.

— Что было в тайниках?! — взвился Сергей.

— Этта еще что такое? — Громов вышел из душа, утирая мохнатым полотенцем раскрасневшееся лицо. — Не понял. Опять этот тип, брат?

— Да, Дюша! — Чижиков скрестил руки на груди. — Представляешь, он тайно пробрался в кухню, сидит и задает идиотские вопросы. И не думает уходить, хотя я ему об этом намекнул недвусмысленно.

— Так, товарищ, не годится, — сообщил Сергею Громов, отодвигая Котю в сторону. — Вам помочь найти дверь? Я как раз случайно знаю, где она примерно находится. Ну?

— Уберите руки! — похоже, габариты Дюши произвели на незваного гостя подобающее впечатление.

— Да боже ж мой, кто же вас трогает-то? Оно мне надо? — Громов сграбастал Сергея за шиворот, небрежно перехватил руку, которой прищелец попытался заехать ему в нос, и в один момент выставил наглеца в прихожую.

— Котя, будь так добр, приоткрой на минутку дверь. Так, отлично. Придержи. Опс!

Изрыгающий проклятия Сергей полетел на лестничную площадку.

Котя на всякий случай заложил на двери крюк и вернулся вслед за Громовым в кухню.

— Как он просочился? — спросил тот, поднимая оброненный Чижиковым пакет.

— Представления не имею! — пожал плечами Котя. — Я тебя в душ запустил, выхожу на кухню — а он тут сидит! Представляешь?

— Не очень... — Громов взрезал упаковку сосисок. — Ковшик какой-нибудь дай... Да что ты суешь, брат! Ну как сюда сосиски влезут? Кастрюльку тогда давай... Нет, я не понял, как он опять сюда попал. Ты что, брат, дверь не запер?

— В том-то и дело, что запер! Закрыл на ключ!

— Странно... А чего ему надо-то было, таракану этому?

— Да я сам толком не понял... — слукавил Котя. Отчего-то ему не хотелось посвящать друга во все подробности истории с продажей китайского сундучка. — Мямлил ерунду какую-то.

— Как у вас тут все сложно... — хмыкнул Дюша, наливая в кастрюльку воду. — У нас как-то попроще. В квартиры никто не вламывается, люди из воздуха не появляются, покой и лепота. Ты билет-то купил? Ну, на самолет с серебристым крылом?

ЭПИЗОД 8

Тайна «Илиады»

Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года

Вечером кот Шпунтик опять повел себя неадекватно: снова бросался в пустой угол, рвал воздух когтями, ярился и орал ненормальным голосом, как и накануне в кухне. Только на сей раз это случилось в одной из комнат — там, где жила Коллекция. Громов с Чижиковым некоторое время молча наблюдали осатаневшего кота, а тот еще минуты три увлеченно бился с неведомым противником, и лишь потом, устало шипя, уселся на пол посреди комнаты и стал вылизываться. Победил?

— Слушай, брат... — задумчиво глядя на кота, прогудел встрепанный Громов: он уже лег спать и вопли кота разбудили его. — А он у тебя того... нормальный, а? Потому что если он что-то подобное выкинет в самолете, это ничего — в багажном отсеке все орут и воют. Но вот если на таможне... Китайцы могут не понять.

— Знаешь... — не менее задумчиво ответил Котя, — раньше подобного не случалось. Вот веришь, второй раз такое вижу. Всегда был удивительно спокойный и даже рассудительный кот... Может, у него сезонное обострение?

— Странно все это... — почесал бородку Дюша. — Ты его, брат, каким-нибудь кошачьим галоперидолом покорми на дорожку, что ли...

И Громов ушел спать. Завтра он улетал в Москву, а оттуда в Пекин, и возиться с котом, тем более что Шпунтик уже подуспокоился, даже на карниз не полез, Дюше было некогда.

Чижигов остался в комнате. Он взял Шпунтика на руки, посадил перед собой на стол и некоторое время беседовал, успокаивал и увещевал. Кот смотрел на хозяина круглыми глазами и молчал, но, едва тот закончил, тотчас спрыгнул на пол и с гордо поднятым хвостом проследовал на кухню, временами оглядываясь, идет ли Чижигов следом. Этот прием был не нов: Шпунтик возжелал питания. Питание должно поступать вовремя.

Накормив и погладив кота, Чижигов вернулся в кабинет, к треснувшему бюстику Мао Цзэ-дуна, сигарете и раздумьям. События последних дней развивались как-то слишком для него стремительно и даже бурно: внезапное предложение Громова поехать в Китай, удачная продажа сундучка, таинственная попытка взлома квартиры, визит человека по имени Сергей, его путанные речи, выкрутасы Шпунтика, наконец, странные звуки, которыми с недавнего времени ночами полнилась квартира, — все это приводило Чижигова в смятение. Он даже поймал себя на ощущении, что ему неуютно в старом и любимом доме.

Было о чем покурить и подумать. Или хотя бы попытаться выкинуть из головы все эти странности, поскольку отлет в Пекин был не за горами, а еще следовало поменять кучу рублей на кучку долларов и оформить кошачий паспорт.

В качестве средства для умиротворения и примирения с окружающим миром у Коти, помимо сигареты с чашкой кофе, в распоряжении был еще один действенный метод, приводивший его в чувство вернее и быстрее прочих. Это была знаменитая поэма Гомера «Илиада» — одна из любимейших книг покойного деда, сердечную склонность к которой Чижигов получил по наследству.

В домашней библиотеке было множество изданий «Илиады», но дед и внук отдавали предпочтение переводу Гнедича. Особ-

няком стояло издание, прошедшее вместе с Виленом Ивановичем весь Китай. Потрепанный томик в простом переплете обладал в квартире на Моховой неприкосновенностью, особенно после смерти деда. Чижиков никогда его не трогал, не желая тревожить старые страницы. У него была своя, личная книга, которую он непременно брал с собой во все нечастые отлучки из дому — не обязательно для чтения, но чтобы была под рукой, рядом. В минуты меланхолии или жизненного нестроения Чижиков всегда обращался к ней.

*«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалась Зевсова воля),
С оного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный...»*

Внутренняя мощь и гармония строк поэмы всегда успокаивали Котю. В отношениях между «Илиадой» и Чижиковым было нечто религиозное, книга дарила Коте умиротворение и утешение.

В кабинет неспешно вошел сытый Шпунтик, лениво вспрыгнул на диван и обустроился там, свернувшись уютным калачиком. Чижиков поглядел на него, а потом встал и пошел к книжным полкам. Бережно поводил по ним рукой, добрался до корешков «Илиады» и взялся за дедову книгу. Секунду подождал, привыкая — все же столько лет книга стояла непотревоженной! — а потом решительно снял томик с полки и присел с ним к столу.

Гипсовый Мао смотрел на Котю с легкой укоризной.

— Да-да, — рассеянно пообещал ему Чижиков, — завтра, я тебя склею завтра...

И открыл книгу наугад.

«Муж знаменитый! тебе ли, как робкому, страху вдаваться...»

Действительно.

Чижигов нежно погладил пожелтевшие страницы, провел пальцем по ветхому корешку. Где только ни побывал этот томик, чего только ни повидал!.. Гомер и Пекин. Гомер и «культурная революция». Гомер и Мао Цзэ-дун.

На форзаце в начале книги стояла витиеватая подпись деда, а выше его рукой было написано: «Из библиотеки главного инженера В. Чижикова». Форзац в конце книги был весь в пятнах и носил явные следы давней склейки, однако с тех пор угол плотной бумаги все равно отстал от картона обложки. Котя разглядел его, попытавшись вернуть на место — нет, не получается, тут нужен клей. Чижигов выдвинул ящик, достал тюбик и скальпель — поддеть край бумаги, чтобы было удобнее наложить клей, и вдруг увидел, что между бумагой и картоном что-то есть.

«Ныне меж вас да никто, на добычи бросаясь, не медлит!..»

Осторожно работая скальпелем, Котя отделил бумагу от картона, а потом пинцетом подцепил за край неожиданную находку и легко потянул на себя — на столешницу выпал четырехугольник из плотно сложенной тонкой рисовой бумаги.

Бережно развернув его, Чижигов обнаружил, что это три странички среднего формата, ветхие от старости и с обеих сторон исписанные знакомым дедовым почерком. Дед писал чернилами: кое-где они выцвели, местами листы были покрыты бурыми пятнами — видимо, от давно высохшей воды, все же книга много где и когда побывала. Удивительно, что этот тайник вообще сохранился.

Тайник! Опять тайник!

Чижигов всегда чувствовал, что у деда Вилена есть какие-то секреты, но никогда не относился к этому серьезно. Теперь же

кусочек дедовой жизни, неизвестный внуку, лежал перед ним на столе и взывал к прочтению. Вот только стоило ли это делать?

Ясно, что дед спрятал листки в книгу не зря. Так же ясно, что листки эти — из дневников Вилена Ивановича, которые он вел в Китае: та же бумага, тот же формат, вот и край один рваный. Котя в свое время листал дневники, это были довольно скучные описания ежедневной жизни советского специалиста — с ее повседневными заботами и проблемами. Интересное там попадалось редко, разве что описания разных достопримечательностей, а также многочисленных вкусностей. Дед никогда не прятал дневники, и Чижиков не замечал, чтобы оттуда были вырваны страницы.

Не замечал, потому что не думал об этом.

Не думал, потому что не мог предположить ничего подобного.

«Знаю, приятно тебе от меня завсегда сокровенно

Тайные думы держать...»

Читать? Не читать?

Возможно, как раз эти странички прояснят хоть что-то, дадут хотя бы какую-нибудь информацию о таинственном красном сундучке, столь удачно проданном Чижиковым антиквару? Или, может, в них скрыта романтическая любовная история? Не зря же дед столь старательно укрыл листки в любимой книге! Дед ничего не делал просто так.

Значит, читать!

«Прости, дедушка, если мне откроется то, чего ты стыдился или не хотел мне доверить. Прости», - Чижиков решительно разгладил листки.

«...Сегодняшнего вечера. Секретарь Чжао, как и было договорено, явился к нам в семь утра, и на двух машинах мы отправились в горы. Стоит выехать за городскую черту, и ты оказываешься наедине с природой. Места тут всюду дикие. Холмы до

горизонта, где встают размытые горы. По верхушкам холмов ютится хилая растительность. Все время дует ветер. Зимой ветер особенно противный, а на открытом месте пробирает до самых костей. Все одеваются очень тепло — накручивают на себя столько одежды, сколько есть. Местные похожи на войлочные бочонки, только черные волосы сверху торчат. Шапок они почти не носят. Всюду встречаются черные худые свиньи. Их мало, они шустрые и больше похожи на поджарых собак. Пока мы ехали, встречные крестьяне махали нам руками. Навстречу попало несколько убогих повозок, запряженных осликами. Нищета ужасающая. Нужно строить, больше строить, чтобы покончить с этой страшной отсталостью. И народ работает. Трудятся, не щадя сил. Мы спим в наших уютных гостиницах, а рабочие выходят на работу и по ночам. Вот где настоящий трудовой энтузиазм в строительстве новой жизни! Гордость переполняет сердце, когда видишь ту страсть, с которой они, как муравьи, снуют на возведении второй очереди нашего мартена. С каждым днем дело ширится и движется к недалекому завершению. Великий народ!

Сегодня воскресенье и на стройке затишье, но крестьяне уже на ногах. Мы проезжали мимо нескольких поселений — живут в вырытых в склонах холмов жилищах. Там дымят печи, бегают дети и все те же свиньи. Есть уже и дома. Индустриализация медленно вползает в дальнюю глубинку...

...До гор ехали примерно три часа. Дорога не очень хорошая, ухабистая, но есть накатанная колея. Ближе к горам колея пропала. Сюда ездят мало, больше ходят. Горы называются Цяньшань, что в переводе будет «Тысяча гор». Тут есть множество мелких храмов. Мы полезли по узкой тропке, забрались высоко. Местами казалось — один неверный шаг и падешь в пропасть. Нет никаких перил, ограждений. Голые камни и кусты. На полдороге нас встретил монах. Как объяснил товарищ Чжао, монах даосский. Тут все сплошь даосские монастыри и обите-

ли. Монахи тоже живут новой жизнью, участвуют, как сказал товарищ Чжао, в общем строительстве.

У входа в монастырь — красный флаг и лозунги. Мы зашли внутрь...

...Я не удержался и купил у монахов несколько безделушек. Четки и ароматические сандаловые курения, мне так нравится их запах. Предлагали приобрести еще несколько вееров, изумительных, ручной работы, но я не взял, у меня вееров уже много и если покупать, то такой, который ото всех прочих отличается в удивительную сторону. Этаких не оказалось. Зато на продажу у монахов еще сыскался небольшой красный сундучок, не первой новизны, но такой своеобразный! Я не смог удержаться и купил. Цена была небольшая. Монахи сказали, что сундучок самый простой и вульгарный, образец старого низкопробного искусства. Но мне онглянулся, и я купил. А все моя страсть к сундукам... О, лучше бы я не покупал эту проклятую вещь! Лучше бы не ездил в тот день в горы, а остался работать в гостинице! Или выбросил сундучок со всем его содержимым с самой высокой скалы..»

На этом первый листок обрывался.

Чижигов отхлебнул кофе и закурил.

Постойте-ка...

Котя отправился в одну из занимаемых коллекцией комнат, и открыл шкаф, где в углу на верхней полке хранились китайские дневники деда: пухлые тетради с листами из тонкой нелинованной бумаги, точно такие же, как и найденные в «Илиаде».

Сколько Котя помнил, дед упоминал, что во время строительства металлургического комбината в городе Аньшань китайские коллеги возили их смотреть местные достопримечательности, в том числе радоновые горячие источники и горы Цяньшань. Возможно, речь здесь идет именно об этом времени... Тут Котя вдруг сообразил, что всегда столь охотно рассказывавший о Китае дед про время, проведенное в Аньшани, отчего-то говорил скупом и неохотно. Чижигов никогда

не обращал на это внимания, но теперь, после того, как начал читать вырванные из дневника странички, понял, что у деда были, видимо, довольно веские основания обходить те давние дни молчанием. Что-то в Аньшани с дедом произошло. Что-то случилось в его жизни — настолько серьезное, что сейчас, просматривая дедовы записи, Чижиков убедился: Аньшани в дневниках уделено удивительно мало места. В сравнении со всем прошлым — можно сказать, почти и не уделено. Котя бегло просмотрел скупые, деловые записи: строительство, проект, первая очередь, какие-то графики, цифры... И нигде ни следа от вырванных страниц. Про посещение Цяньшани сказано коротко: «Сегодня китайские товарищи возили нас в горы Цяньшань. Мы забрались довольно высоко. Осмотрели много храмов. Красота необычайная, хотя и холодно. Вечером директор комбината товарищ Сюй давал ужин в нашу честь».

И все.

Котя вздохнул, забрал аньшанскую тетрадь с собой, вернулся в кабинет и взялся за следующий листок.

«...Мои ушибы постепенно проходят, а ссадина на лбу заживает. И только вечером, вернувшись домой, я вспомнил о своей невольной находке. Лучше бы не вспоминал! Но по порядку. Я достал из стола мешочек. Небольшой мешочек из непонятной ткани и внутри него — нечто. Материал невиданный, серебристый. Похож на ртуть. Легко покалывает пальцы и изрядно холодит кожу. Материал определенно наэлектризован, но каким образом и почему разряд сохраняется, — ума не приложу. Наверное, такие свойства самого материала. Я пытался тереть мешочек бархатной тряпочкой для чистки обуви: заряд никуда не делся. Такое впечатление, будто в нем есть собственный источник энергии, пусть и слабый. Сверху мешочек стягивается веревочкой, сделанной из того же материала. Я распустил завязку и вытряхнул содержимое. Оказалась фигурка. Плоская, но рельефная, из серебристого металла. Размер маленький. Изображение: дракон.

Дракончик. Самое странное, что очень похожий рисунок есть и на самом сундучке, а кроме него — еще четыре: тигр и три неведомые твари. Наверное, тоже из народных сказок. Во всяком случае, науке такие животные неизвестны... Дальше... Теперь я могу писать об этом спокойно. Дальше я осторожно, одним пальцем коснулся своей находки. Эффект был ошеломляющий. Меня будто пронзила невидимая молния, по телу моему словно пробежала мягкая и холодная волна. Перед глазами помутилось, я чуть не упал. Пришлось схватиться за стол. Я сразу отдернул руку, наваждение прошло, но ощущение непонятной легкости осталось... Завтра покажу свою находку товарищам. Быть может, они что-то подскажут. Надо провести анализ сплава, а это именно какой-то сплав, я уверен. Завтра...»

Невидимая молния?..

Чижилов не заметил, как сигарета между его пальцев дотлела до фильтра, обжегся и спешно раздавил окурок в пепельнице. Дракон, тигр, черепаха, обвитая змеей, еще две неведомые твари — все сходится один к одному! Речь идет про тот самый сундучок! Теперь понятно, что хранилось в одном из тайников: это был дракон.

Постойте, но ведь очкастый Сергей как раз о тайниках и допытывался, говорил о каком-то загадочном «комплекте»! Так вот что он имел в виду... Но откуда, откуда Сергей мог про то знать, если Чижилов совершенно случайно нашел тайные дедовы записки? И по всему ясно, что они хранились в книге в течение долгих лет! А уж если дед Вилен так тщательно их спрятал, то вряд ли рассказал о них кому-либо. Это же очевидно: «лучше бы не ездил! лучше бы не покупал! лучше бы не вспоминал!» Странно, что вообще не уничтожил, не сжег записи. И понятно, почему заново переписал те, что остались.

Кстати, а где сам дракон?..

Чижилов уже безо всякого почтения поднял дедову «Илиаду» и хорошенько потряс. Внимательнейшим образом осмотрел.

Взвесил в руке. Нет, по всем признакам книга посторонних предметов не содержала. Кроме трех листков, ничего другого в ней спрятано не было.

Котя тщательно перелистал страницы. Кое-где на полях были сделаны карандашные пометки — отчеркнуты некоторые стихи, рядом с ними стояли восклицательные и вопросительные знаки. На предпоследней странице против строки «Так погребали они конеборного Гектора тело» — Чижииков наткнулся на шесть криво выписанных иероглифов, два сверху и четыре ниже, и аккуратно сфотографировал их телефоном. Еще четыре нашлись на самой последней странице, и их Котя сфотографировал тоже.

Больше ничего не было.

Сергей. Сергей знает гораздо больше, чем сказал. Он даже деньги предлагал. Он подозревал, что Котя обнаружил в сундучке тайники и вытащил оттуда то, что в них некогда спрятали. А это, оказывается, много лет назад сделал дед Вилен!

Потрясающая история.

Может, не стоило выбрасывать Сергея на лестницу?..

Чижииков подумал было разбудить Громова, но вовремя спохватился: ведь дед принял все необходимые меры к тому, чтобы дело осталось в тайне. Значит, сначала надо выяснить как можно больше, а уж потом делиться с друзьями. Если вообще надо делиться. Вдруг это небезопасно? Иногда лучше молчать и делать вид, что ничегошеньки не знаешь!

Котя взялся за третий листок. Он существенно отличался от прочих: обычно аккуратный, почти каллиграфический почерк деда сделался неровным, буквы прыгали и разъезжались. Читать стало трудно. Впрочем, запись была самой короткой.

«...с самого утра. Меня приняли без очереди. Доктор, очень милый дядечка, товарищ Су, долго щупал пульс, потом сказал, что со мной все в порядке. Нашел у меня легкое сердечное смятение, присоветовал не волноваться и побольше отдыхать.

Знал бы он!.. Но я не мог сказать. И не смогу сказать никому. Ни сказать, ни показать проклятый предмет. Все мое существо атеиста и коммуниста противится этому: таких вещей нет и быть не может! Это бесовщина и поповщина. Но должно быть какое-то разумное объяснение. Не может человек просто так видеть наяву черт знает что, есть диалектический материализм в конце концов! Не каменный век! Товарищи уже и так обеспокоились, когда вдруг левый глаз мой стал зеленым. Гвоздев, будь он неладен, наверняка уже настрочил отчет, гнида. Что же будет, если рассказать про мои видения? Катастрофа, вот что будет. Конец всему! В двадцать четыре часа. Семь суток до Москвы и все, привет. Нет, нет, никому нельзя. Да еще родственничек этот проклятый, вдруг кто дознается... Я сделаю вид, что со мной простое переутомление, и все будет в порядке. Товарищ Пика отнесся к моему состоянию с большим пониманием, а на настырного Гвоздева даже шикнул, одернул. Дал мне два дня отпуска. Сажу в гостинице и пишу. Пишу и думаю: зачем пишу? Беда будет, если кто прочитает. Надо спрятать. Надежно. Жечь нельзя, Гвоздев может учуять запах. Спрятать. Или найти способ уничтожить. И больше никому. Никому. Никогда».

И это — спокойный и выдержанный дед Вилен, который одним своим видом приводил в чувство расхулиганившихся мальчишек на улице? Будто другой человек писал, какой-то параноик... Гвоздев может учуять запах?! Конечно, времена тогда были сложные, советский человек за границей постоянно находился под пристальным вниманием соответствующих органов, тем более на таком ответственном задании, как помощь братскому китайскому народу. Но ушибы, ссадины, видения и зеленый глаз? Котя никогда не видел у деда Вилена зеленого глаза: нет, глаза его были обычные, голубые. Тут или нервный срыв, или что-то иное... И что же должно было случиться, чтобы дед Вилен так запаниковал?..

«Муж знаменитый! тебе ли, как робкому, страху вдаваться.

Сядь, успокойся и сам, успокой и других меж народа...»

Котя в смятении вернулся к шкафу с дневниками, сгреб их с полки все, вывалил на стол, начал лихорадочно листать. Стиль и объем изложения во всех были сродни тем, которых дед придерживался на первом вырванном листке: местами корявые, но вполне подробные описания дел, событий, работы; иногда встречались пейзажные зарисовки, мелкие, но точные наблюдения над китайской жизнью — и только одна аньшаньская тетрадь была сухой и безжизненной. Такое впечатление, будто этот период своей жизни дед переписал заново. А может, так оно и было?..

Чижиков единым глотком допил кофе.

Талантливо отпрепарированная Шпунтиком китайская мышь-«гостинец» безучастно валялась посреди прихожей, являя миру вспоротое брюхо.

«И так будет со всяким, кто покусится», — обещали из темноты глаза кота Шпунтика.

ЭПИЗОД 9

Бюстик Председателя

Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года

Тополиный пух поплыл над городом.

Чижигов, благополучно поменявший часть рублей на доллары, шел вдоль державного течения Невы, касаясь рукой берегового ее гранита.

Ночь прошла ужасно: Котя почти не спал, так и этак прокручивая в голове историю с обнаруженными тайными листочками из дневника деда — внезапно выжившего из ума, а потом пришедшего в себя. К утру вконец истомленный Чижигов незаметно задремал, но сон его оказался недолгим. Котя внезапно, рывком проснулся — от невыразимого и необъяснимого ужаса, чувствуя, как на глазах покрывается липким холодным потом. В комнате было пусто, но Чижигов готов был поклясться, что он здесь не один, что рядом — буквально в двух шагах от кровати! — стоит кто-то невидимый и пристально сверлит Котю внимательным, изучающим взглядом. И это ощущение было настолько реальным, что Чижигов замер в страхе, постаравшись сделаться как можно меньше и незаметнее. Он лишь судорожно шарил взглядом по темным углам и, конечно же, никого в них не находил. Как в далеком детстве, когда маленький Котя, подобно многим, боялся темноты и того монстра, ужасного и беспощадного, что живет под кроватью и вот-вот оттуда вылезет. Спасение было в одном: замереть, чтобы монстр не

заметил, а еще лучше — как можно быстрее с головой забиться под одеяло. Побоявшись так какое-то время, Котя благополучно засыпал, а утром, при свете дня, бесстрашно заглядывал под кровать в поисках монстра, но ничего и никого там не находил — кроме пыли, разумеется.

С тех пор прошли годы, монстр истончился и исчез весь, а Чижигов стал сильный, высокий и взрослый. Он и помыслить не мог, что однажды проснется вот так — среди летней светлой питерской ночи и будет в ужасе вжиматься головой в подушку, стараясь не дышать и потеряв способность рассуждать хоть сколько-нибудь здраво!.. Внезапно в коридоре рывкнул Шпунтик — в потное лицо Коти ударил тугой порыв ветра, словно кто-то невидимый рядом с ним резко развернулся и быстро пошел прочь — и наваждение тут же рассеялось, пропало. Чижигов сел на кровати и трясущейся рукой натянул на себя съехавшую на пол простыню: ему было очень и очень неуютно.

Больше заснуть не получилось, и Котя пошел на кухню. Там он курил до остервенения, пока во рту от табака не стало совсем погано, а на душе не развиднелось. Мысли легли на вчерашний курс: Чижигов вновь и вновь пытался связать листочки из дневника деда с сундучком, который он продал антиквару. А еще был некто Сергей, имеющий обыкновение вновь появляться там, откуда его только что выгнали! Мозаика из столь разных элементов складываться никак не хотела... Конечно, проще всего было бы найти Сергея и попробовать вызвать его на откровенность, но такую перспективу Котя сходу отмел: Сергей ему крайне не понравился.

Зацепок практически не оставалось — за исключением найденных в «Илиаде» иероглифов.

Честно сказать, Чижигов не возлагал на иероглифы никаких надежд, но поскольку днем все одно собирался навестить старого приятеля Федора Сумкина, которого наметил пустить на постой

в свою квартиру, то решил: отчего бы заодно не показать эти иероглифы профессиональному китаисту. Авось и выяснится что.

Сумкин работал в одном из петербургских академических учреждений, слыл занудой и за чрезмерное пристрастие к посторонней женской красоте был неделю назад изгнан законной супругой из дому. Самое удивительное в этом было то, что женщины почти всегда отвечали Сумкину взаимностью. Об этом феномене Чижигов мог сказать лишь банальное: не понимаю, чем он их берет! Невысокий, мешковатый, с громадными залысинами и торчащими в стороны ушами, да к тому же в очках с чудовищными диоптриями, Федор Сумкин, на взгляд Чижигова, был совершенно неинтересен, а местами и отталкивающ. Вдобавок ко всему Сумкин редко брился, и в результате на его подбородке постоянно курчавилась рыжеватая неопрятная порось. Еще Сумкин курил как паровоз, и от него вечно несло дешевым табачищем, так что временами Чижигов, и сам куривший немало, с трудом удерживался, чтобы не скривиться. А вот поди ж ты: бабы любили!

Когда Чижигов позвонил Сумкину и предложил пожить в своей квартире, то выставленный на улицу Федор предложению очень обрадовался и выразил безусловную готовность бдительно следить за квартирой на Моховой в течение всего времени, пока Котя будет отсутствовать. Котя облегченно вздохнул: теперь квартира будет в порядке, потому что при всей своей внешней безалаберности Сумкин был крайне надежен и верен сказанному слову. Котя даже не пытался ставить ему условие не водить в квартиру баб, потому что тогда Сумкин не согласился бы, и благодарный за эту негласную уступку Федор заверил его в знак признательности, что головой отвечает за сохранность обстановки и квартиры в целом и что волоску с ее головы не даст упасть.

Теперь Чижигов был спокоен: квартира останется в хороших руках!

Теперь он мог с легким сердцем спросить про дракона и иероглифы...

— Здорово, здорово, старик! — Сумкин приветствовал Котю звучным хлопком по протянутой ладони. — Как ты в целом?

— Нормально я в целом, — улыбнулся в ответ Чижигов.

— Покурим-ка? — тут же предложил Сумкин и, не слушая возражений, потащил Котю по узкой темной лестнице в недра института. — Тут у нас типа курилку открыли, совмещенную с буфетом. Два в одном: и кофе, и покурить.

Они ссыпались по крутой лестнице и внезапно попали в свет: недавно отремонтированные бежевые стены были украшены художественными фотографиями всяких восточных древностей, с потолка мягко светили лампы.

— Эва... — Чижигов, не раз бывавший в институте и привыкший к его запущенности, откровенно удивился. — У вас что, ремонт сделали?

— Ну не везде... — Сумкин решительно завернул за угол, и друзья оказались в просторном сводчатом подвале, заставленном столиками. Пожилая женщина в белом халате руководила кофеваркой и выдавала бутерброды. — Не все сразу, старик. Нам из Москвы бабло понемногу поперло. Кто-то там слишком расслабился, вот и просочилось маленько. На буфет с курилкой хватило, а там...

Сумкин не закончил фразы и устремился к кофеварке.

— Два кофе, Валь Петровна!

Бросил на блюдце две смятые десятки.

— Это чего, у вас кофе всего по червонцу? — удивился Котя, когда они перешли в соседнюю комнату — собственно курилку. Здесь были мягкие диванчики, стол с пепельницами и натужно гудевшая вытяжка.

— Свет и воздух! — широко взмахнул свободной рукой Сумкин и плюхнулся на ближайший диван. — А кофе... Кофе у нас, старик, по бартеру и потому такой дешевый.

Сумкин достал из кармана обвисшего пиджака пачку «Кэме-ла», варварски оборвал у сигареты фильтр и щелкнул зажигалкой.

— Садись давай, Чижиков! В Китай, значит, собрался? Ух, и завидую я тебе!

Судьба профессионального китаиста Федора Михайловича Сумкина нечасто преподносила ему такие подарки, как поездка в страну изучаемого языка, а предпринять подобный вояж за собственный счет Сумкин возможности не имел — за скудостью бюджета российского востоковедения. Поэтому Сумкин завидовал Коте, но не по-черному. Зависть его была чистая. Сумкин вообще был светлый человек.

— В Пекин едешь? Слу-у-ушай, там есть один книжный магазин, вот я тебе нарисую... — Федор, посыпая себя пеплом, зашарил в карманах. На свет явились скомканный платок в клеточку, обломки от нескольких авторучек, замусоленные автобусные билеты и смятые визитные карточки, наконец сыскался маленький и тоже изрядно поживший блокнотик. — Я тебе тут нарисую, как добратся, название книжки напишу. купишь? — требовательно блестя очками, уставился на Котю Сумкин, за неся над чистой страничкой обкусанный карандаш.

— Куплю... наверное, — на всякий случай ответил Котя. Он еще не очень представлял себе, как сложится его жизнь в Китае, но друга огорчать не хотел.

— Я тебе денег сейчас...

Сумкин полез в брючные карманы, вытащил комок купюр, стал расправлять.

— Федор Михайлович!

— А? — поднял голову Сумкин, близоруко щурясь. — Погоди ты! Сбил. Снова придется считать!

И Федор беззвучно зашевелил губами, азартно считая деньги.

— Федор Михайлович!!

— Ну?!

— Сколько твоя книжка стоит?

— Ну... юаней тридцать. А что?

— Не парься, старик, — Чижиков достал сигарету и отхлебнул кофе из пластмассового стаканчика, и был тот кофе отвратительным. Он не знал, сколько это — тридцать юаней, но Коте очень хотелось побыть щедрым и великодушным. — Потом как-нибудь рассчитаемся.

— Серьезно?.. Нет, ты не думай, старик, я теперь кредитоспособный...

— Федор Михайлович, ты достал, — сообщил приятелю Чижиков. — Убери свои деньги. Понял?

— Понял! — Сумкин охотно скомкал купюры и сунул обратно в карман. — Сейчас план нарисую...

— Федор Михайлович, перестань суетиться, а? План мэйлом пришлешь, а то ведь я твои каракули в жизни не разберу.

— Это ты верно заметил, это ты правильно. Знаешь, как побольнее меня обидеть, — кивнул Сумкин. — Зато у меня прекрасный иероглифический почерк. Что, съел?

— Так. Вот тебе ключи. Ключики. От квартиры. Не потеряй. Я позвоню тебе из аэропорта, тогда можешь заселяться.

— Потерять? Да не в жисть! Когда ты вернешься, ключей будет в два раза больше, — туманно пообещал Сумкин. — Спасибо, старик. Нет, правда, громадное тебе спасибо. Ты меня буквально спас. А то Светка... — Федор трагически махнул сигаретой. — Хочешь, спляшу в твою сторону танец глубокой благодарности?

— Федор Михайлович...

— Ну ладно, ладно, — выставил перед собой ладони Сумкин. — Спасибо, просто спасибо, старик. Я буду платить за свет, воду и газ...

— И за телефон.

— И за телефон. А ты надолго вообще? Ну, в Китай?

— Сам еще не знаю, — пожал плечами Котя. — Как сложится.

— Эх... — Сумкин хлебнул кофе, откусил фильтр у второй сигареты и прикурил ее от первой. — Вот у людей жизнь с размахом! А тут сидишь, в словари зарывшись, и никакого тебе Пекина. Даже журналы не выписывают в библиотеку, — пожаловался он. — Денег, видишь ли, нету. У коммунистов деньги были, а у этих — нету! А потом говорят: что-то наша расейская наука ослабела, что-то за рубеж стала линять, что-то на родине ей не сидится, что-то молодежь в науку идти не хочет. Как бы это нам молодежь туда привлечь? Как тебе это нравится, старик? Да ты плати науке, если она тебе нужна, создай ей приемлемые условия — и она никуда не слиняет! Ты дай молодому специалисту возможность для работы и роста, покажи, что он стране нужен! А вместо этого...

Сумкин сел на любимого конька.

Чижигов понимал, что друг в общем и целом прав, и не только в отношении науки, но подобные разговоры его никогда не увлекали, а потому он обычно давал Федору какое-то время выговориться. Потом Сумкин успокаивался, и с ним уже можно было иметь дело.

Так случилось и на этот раз: через пять откусанных фильтров, две чашки кофе, за которыми был послан Чижигов, и трех сотрудников института, зашедших перекурить и принявших посильное участие в дискуссии о положении российской науки, Сумкин закончил обличать жестокий внешний мир и задышал мирно и спокойно.

— Слушай, Федя, — дождавшись, пока Сумкин замолчит, начал осторожно Чижигов. — А вот скажи мне, пожалуйста, это ведь дракон, да?

Котя вынул телефон, нашел снимок дракона, красовавшейся на крышке сундучка, и показал другу.

— Это? — Сумкин прищурился. — Ты прав, мой глазастый друг. Это схематическое изображение весьма напоминает нашего дорогого товарища китайского дракона.

— И чего он, этот дракон? — спросил Котя. — В смысле, что в нем такого особенного? Огнем дышит?

— Нет, ты меня поражаешь, Чижикив! По-ра-жа-ешь! — возмутился Сумкин. — Ты же с самого детства живешь среди всего этого, а до сих пор не удосужился узнать самые элементарные вещи! Я прямо не знаю, как это называется, старик. Ты какой-то костный и нелюбопытный сукин сын.

— Кончай ругаться и объясни толком, — попросил Котя. — Ну, прав ты, прав. Я серый, как штаны пожарника. Доволен? Теперь рассказывай.

— Чем, интересно, я должен быть тут доволен? — ехидно спросил Сумкин, тряся клочной бородашкой. — Тем, что ты, имея такого неординарного, талантливого и многознающего друга, как я, продолжаешь пребывать в тотальном невежестве? Тем, что я не сумел прорваться светлым лучом знания в твоё темное царство?

— Федор Михайлович!

— Ну ладно, ладно... — улынулся Сумкин, прикуривая очередную сигарету. — Только ты, старик, прямо сейчас забудь путать мягкое с теплым, то есть дракона европейского с китайским. Это, знаешь ли, две громаднейшие разницы. Хотя бы потому, что китайский дракон никогда не дышал, как ты замысловато выразился, огнем. Китайский дракон — он повелитель вод. Ну водоемов, понимаешь? Рек, морей, океанов. Прудов даже. Ну и, схематично говоря, размер и мощь дракона прямо зависели от водоема, в котором он окормлялся... Не слишком сложное слово? Нет? Ну ладно... То есть дракон, скажем, северного моря, был страшно могуч, а вот тот, что жил в соседнем пруду — так, мелочевка, но тоже кое-что мог...

— Так, получается, драконы что, в каждой луже жили? — вытаращил глаза Чижикив.

— Ну не совсем так. Не в каждой, даже не через одну, но по тем или иным причинам могли заселиться как в реку, так и в

пруд. Ну и китайский народ, еще до того, как партия и правительство указали ему верный путь, обычно драконам молитвы возносил — ну, например, чтобы реку переехать и не потонуть внезапно, если было известно, что в реке проживает дракон. Только не спрашивай, откуда это было известно. Считай, что на берегу стоял рекламный щит: тут живет дракон. Знали они. Знали. — И Сумкин с важным видом стряхнул пепел в кофе.

— Да-а-а... — протянул Чижиков. — Вот оно как...

— Это еще не все, — хмыкнул Сумкин. — Ты, старик, возможно где-то слышал случайно, что у китайцев была всякая самобытная философия... Не перебивай докладчика. Так вот, не перенапрягая твой хилый мозг несвойственными ему лишними знаниями, тезисно раскрою тебе, старик, что в основе так называемой китайской натурфилософии лежит учение о пяти первоэлементах, или стихиях, а именно — дереве, огне, земле, металле и воде, которые по кругу порождают друг друга и определяют базовые основы мироздания. Стихии эти соответствуют много чему — времени года, суткам, сезонам, цветам, в смысле красный, желтый и так далее, звездам, звукам пятичленной гаммы и, помимо прочего, животным и сторонам света. Север соотносится с черепахой и деревом, юг — с огнем и фениксом, центр... а чего ты смеешься? У китайцев есть такая сторона света: центр, и он соотносится с землей и со специальным китайским животным цилинем, которого некоторые по малой образованности зовут единорогом. Западу соответствуют металл и тигр, а востоку — вода и этот вот твой приятель, дракон, — постучал Сумкин по экрану телефона пальцем. — Это если говорить профанно и нефундированно, старик. Усвоил?

— Я тебя боюсь, — сообщил Федору Чижиков. — Ты весь такой фундированный и непрофанный, аж в пот бросает.

— Да, я такой, — приосанился Сумкин. — Посмотри на меня в профиль. Ну как? Правда, я чертовски величественен?

— Ничего, что я сию минуту в твоем присутствии, о величественный?

— Ничего. Присядьте пока, — приснул Сумкин.

— Значит, дракон — покровитель востока... А он крупный, этот китайский дракон?

— Ты понимаешь, старик, — продолжал Сумкин, — его давно никто не видел. Ну, типа в живой природе. Или чтобы он вот так запросто прогуливался, этот дракон, как курица какая-нибудь или кошка. Я тебе больше скажу: цилиня тоже давно уже никто не видел, и феникса, а свидетельства о появлениях драконов туманны и крайне неубедительны. Хотя, надо признаться, один китайский ученый...

— Погоди, погоди. То есть его нету, дракона-то?

— Нету, конечно! — кивнул Сумкин. — Ты, старик, про мифологию что-нибудь слышал хоть краем уха? Так это — она. В чистом виде.

— Ладно, — Чижигов отобрал у приятеля телефон и вызвал другую фотографию. — Ну, это уж точно никакая не мифология, а любезные твоему сердцу иероглифы. Что тут написано?

— Тут? — Сумкин задрал очки на лоб и приблизил телефон к глазам. — Ага... Ну и почерк! Сам писал, что ли? Как курочка лапкой. Тьфу. И кто тебя только учил иероглифы писать... Ах да, тебя никто не учил...

— Федор Михайлович!

— Докладываю, старик! — Сумкин снова схватил блокнотик и карандашиком записал на страничке четыре иероглифа. Сунул под нос Чижигову. — Это то, что внизу. Читаю по буквам, то есть знакам: «и ли я тэ».

— И что это?

— «Илиада». Бессмертное произведение великого греческого слепца Гомера. Китайская транскрипция. Ну, знаешь, старик, «я список кораблей прочел до середины...» Впрочем, это не Гомер, а вовсе даже Мандельштам. Как, ты не знаешь?!

— Так, а сверху что написано? — не обращая внимания на подколлки приятеля, спросил Чижигов.

Смутное предчувствие заставило его сердце биться чаще.

— А сверху... — Сумкин перелистнул страничку и изобразил два иероглифа. — «Гу ми»... Гм... Это... м-м-м... Хорошо бы контекст посмотреть, старик, — выжидательно глянул он на Котю.

— Да нет никакого другого контекста. Видишь: это книга, а иероглифы написаны на полях.

— Что за книга-то?

— Да «Илиада» и есть.

— Да? Ты что же, книги читаешь? Ну ладно, ладно!.. Гм... Между нами, должен тебе сообщить, старик, что древнекитайский язык многозначен. Говоря проще, контекст в нем играет решающую роль. Но, переводя по иероглифам... Смотри: первый «гу», то есть «старый», «древний», «древность». Второй — «ми», то есть «скрытый», «секретный», «тайна». Чуешь семантическое поле, старик? И выходит это «гу ми» не иначе как «старый секрет» или «древняя тайна». Или что-то подобное, только тебе на кой это все сплющилось?

— Потом как-нибудь расскажу, — ушел от ответа Чижиков.

— То есть это можно понять, как «древняя тайна "Илиады"»?

— Запросто! — легко согласился Сумкин. — Черт, сигареты кончились. Дай твоих, старик.

И отобрал пачку у Чижикова.

— Тогда последний вопрос, — Чижиков предъявил Федору очередной снимок. — А тут что написано?

— Тут? «Сталин и Мао слушают нас...» — пропел Сумкин лишенным приятности голосом. — Шучу-шучу. Ха-ха. Перевожу дословно и однозначно: «В председателе Мао». В смысле — внутри нашего горячо любимого председателя, в его, так сказать, сердцевине. Вообще, старик, ты как в Пекин приедешь, ради приличия уж устройся на курсы китайского языка, что ли, а то так и будешь ходить, как лох, с гостиничной карточкой: товарищ таксист, довези до дома, а то сами мы не местные... Кстати,

«товарищ» им не говори, могут не так понять, теперь в Китае «товарищами» гомиков называют...

Над городом плыл тополинный пух. Пока не слишком много — будущее у пуха еще впереди. Вот настанет июнь...

Чижигов возвращался домой в задумчивости. Два свежееоткрывшихся обстоятельства не давали ему покоя: «древняя тайна» и председатель Мао. И если со зверем «сюань-у» Чижикову все было более или менее понятно, то связь некоей тайны, да к тому же древней, с любимой им «Илиадой» — волновала. Притом написано-то об этом было на дедовском экземпляре книги. И написано, как определил Сумкин, криво, словно курица лапой, неумело, то есть навряд ли человеком, привыкшим писать иероглифы. Например, самим дедом Виленом. А почему бы и нет? Ведь дед говорил, что выучил несколько десятков фраз на китайском. Отчего бы ему не выучить и полтора десятка иероглифов?..

Чижигов реквизирует у Федора пару листков из его блокнотика, попросив написать рядом с иероглифами транскрипцию. Идучи домой, Котя то и дело доставал бумажки, читал и перечитывал: «И ли я тэ», «гу ми». Нет, ничего не складывалось из этих разрозненных звуков.

Далее — Мао Цзэ-дун. Как это нужно понимать: «в председателе Мао»? В каком, то есть, смысле — «в»? Внутри? В грудной клетке? В горячем сердце коммуниста? В пламенных идеях? Чижигов катал эту мысль так и этак вплоть до улицы Чернышевского, а когда свернул на Моховую, в голове внезапно щелкнуло: в коллекции же полно гипсовых бюстов Мао! Один из них, треснувший, как раз стоит на столе в кабинете! А вдруг дед спрятал что-то в одном из этих бюстиков?

Это нужно было срочно проверить, и Чижигов ускорил шаг — почти побежал. Он влетел в квартиру, чуть не наступив на

Шпунтика, швырнул куртку на пол и метнулся к шкафу, на котором выстроились бюстики председателя: раз, два, три, четыре... девять штук! Придвинув стул, Котя аккуратно снял Мао Цзэ-дунов и в два приема перетащил на стол в кабинете, так что председателей на столе теперь стало десятеро.

— Так... — сказал Чижиков, усевшись на стул и пристально оглядывая белолицых Мао. — И в котором же?..

На стол вспрыгнул заинтересованный кот, понюхал ближайший бюстик и чихнул: Котя давно не смахивал с председателей пыли.

— Это ничего, мой хвостатый друг, это ничего... — пробормотал Котя, переводя указательный палец с одного безмятежного Великого Кормчего на другого. — Это, кот, все ерунда...

Выбрав наугад, Чижиков внимательно осмотрел бюстик Мао со всех сторон и никаких отклонений от нормы не обнаружил. Гипс как гипс. Ничего особенного. Так, следующий...

С шестым бюстиком Коте повезло: на дне явно просматривались следы более позднего вмешательства. Чижиков не обратил бы на это внимания, если бы уже не осмотрел пять очень похожих изделий, ровных, с прямым зачищенным шовчиком на дне. А здесь шовчика не было. Складывалось впечатление, будто дно этого бюстика заново обмазали гипсом или чем-то очень похожим — как делают, желая восстановить поврежденную вещь, но не имея под рукой более совершенных материалов. Замазано было аккуратно, тщательно, но Котя — заметил.

Он взвесил бюстик на руке. Потом для примера попробовал вес одного из уже осмотренных. Кажется, или этот все же тяжелее?

Есть лишь один способ проверить. И Чижиков скальпелем стал осторожно ковырять бюстик председателя в том месте, где заметил след. Посыпалась гипсовая крошка, откололся кусочек, потом другой, покрупнее, и наконец с легким стуком на столешницу вывалилась вся заплатка, а следом за ней выпал

обрывок бумаги и небольшой серебристый мешочек, туго затянутый поверху шнурком из такого же материала.

Котя застыл, глядя на мешочек с открытым ртом. Кот Шпунтик мгновенно выгнул спину, распушил хвост и зашипел.

Так вот что значит «в председателе Мао»! Как просто! А я то!..

Чижииков опасливо коснулся мешочка: он был ощутимо прохладным. Кожу тотчас же начало мелко покусывать — в точности так, как описал дед Вилен.

Котя принялся распутывать шнурок, и тот неожиданно легко поддался. Кот Шпунтик зашипел снова, но как-то не очень решительно, с сомнением.

— Ничего, брат, — сказал ему Чижииков, храбрясь.

Приподняв мешочек за угол, Котя вытряхнул на стол его содержимое: в свете бьющего в окно заходящего солнца блеснула небольшая вещица — изящная фигурка дракона, та самая, что была изображена на крышке сундучка.

Любознательный Шпунтик вытянул шею.

— погоди, не лезь, — предостерег кота Чижииков, которого била лихорадочная дрожь открытия. — Так вот что ты искал, Сергей!

Он осторожно дотронулся пальцем до дракона.

ЭПИЗОД 10

Император и старик

Поднебесная, Сянъян, дворцы Цинь Ши-хуана, III в. до н.э.

Советник Гао вернулся через два дня.

Цинь Ши-хуан как раз выслушивал доклад министра Ли Сы, когда церемониймейстер, неслышно войдя в большой зал для решения государственных дел, пал ниц у дальней стены — с той стороны, где ожидали повелений гражданские чиновники, и замер в ожидании внимания владыки.

Император обратил на него взор, и церемониймейстер кивнул: он здесь.

— Мы услышали достаточно, — прервал Цинь Ши-хуан доклад министра. — Повеления последуют позднее. Оставьте нас.

Император не мог ждать.

Военные и гражданские чиновники торопливо покинули зал. Некоторые осмелились оглянуться: в последние дни владыка вел себя странно, выглядел озабоченным, однако же никаких распоряжений свыше обычных не давал — разве что чаще прочего интересовался ходом работ у горы Лишань, насыпанной по его указу. Гора представляла собой невысокий холм и скрывала внутри извилистый лабиринт залов и переходов между ними; множество людей, ремесленников и солдат было брошено на это грандиозное строительство выполнять очередную прихоть владыки, смысл которой чиновникам не был понятен — но кто они такие, чтобы судить о замыслах первого императора Поднебесной?

Когда зал опустел, владыка сошел с возвышения и, сопровождаемый пятеркой приближенных гвардейцев, удалился в темный боковой переход. Путь их был довольно долог — по длинной череде галерей и залов, пока наконец император не вступил в пределы небольшого внутреннего дворика, расположенного в отдалении от шумного и многолюдного центра дворцового комплекса: здесь, во внутреннем флигеле, владыка обычно занимался делами, которые не подлежали широкой огласке, главным образом вел тайные беседы. Ныне сюда был доставлен старик-простолюдин, коего отыскал по высочайшему повелению советник Гао.

Император пересек двор и вступил во флигель. Двери закрылись за его спиной. Гвардейцы остались ждать снаружи.

Старик оказался вполне деревенский: в выцветшей от времени грубой одежде с многочисленными заплатами, в плетеной из соломы обувке, седой, длинноволосый, с неухоженной куцей бородкой, с лицом, покрытым плотной сетью морщин. Он покорно сидел на пятках в дальнем углу, а рядом в ожидании прохаживался, шурша шелковым халатом, советник Гао.

При виде владыки старичок испуганно распростерся на полу, а советник преклонил колено.

— Это он? — спросил император.

— Точно так, повелитель, — склонил голову Гао.

Цинь Ши-хуан опустился на стоящее в центре походное сидение.

— Как твое имя, старик?

— Мы... Ваны мы, вашество... — заикаясь от страха, пробормотал старик, не смея шелохнуться.

— Называть императора повелителем! — рявкнул советник.

— Виноват, премного виноват... — затараторил старик в ответ. — Повелитель...

— А скажи нам, Ван... — Цинь Ши-хуан задумчиво посмотрел на старика: ну и убогий! — Скажи нам... Что ты рассказывал про Желтого императора?

— Так ничего, о повелитель, ничего такого не рассказывал... Император вопросительно поднял бровь, поглядел на советника.

Тот нагнулся, сгреб старика за шиворот, тряхнул как следует.

— Говори повелителю всю правду! Сейчас же! Ну?!

— Постичь не могу... чего желает повелитель... — старик дрожал всем телом. — Мы люди темные, убогие, наукам не обученные...

— Почтенный Ван, — вкрадчиво начал император, — нам ведомо, что ты рассказывал нашему ближнему человеку, вот этому, о Желтом императоре, нашем великом первопредке. Не бойся. Скажи и нам — и будешь щедро вознагражден.

— Слышишь, — легко ткнул ногой старика советник Гао. — Не бойся. Говори повелителю все без утайки.

— Что же я, убогий, могу рассказать, о повелитель... — пробормотал старик в пол. — Разве только наши байки деревенские... Не смею, не смею осквернять слух великого повелителя! Многая лета! Многая лета!

И он принялся биться лбом об пол.

— Почтенный Ван... — Цинь Ши-хуан начал хмуриться. — Мы желаем выслушать те байки, что рассказывают в вашей деревне!

— Если так угодно великому повелителю... Пусть повелитель простит меня, ничтожного! — старик перестал стучать лбом и монотонно заговорил. — Деды рассказывали, а им рассказывали прадеды, а их прадедам — их пращуры, что было далекое время, когда земля только отделилась от неба и многие твари и травы еще даже не имели названий... В это самое время жил великий властитель — Желтый император... Он спустился с небес в ослепительном пламени на высокие горы Куньлунь и там построил роскошные дворцы, откуда правил всем миром... Он поставил четырех своих верных слуг управлять четырьмя сто-

ронами света, а сам пребывал в центре... У Желтого императора было четыре лица и один небесный дворец, куда он возносился, когда хотел побеседовать с духами... Желтого императора окружали преданные и мудрые сановники, народ внимал ему и радовался, и всего было в изобилии... Желтому императору были подвластны все пять стихий, и он управлял ими с помощью драгоценного талисмана... И талисман тот был — древнее зеркало: с одной стороны зеркало было ровное, и в нем чудесным образом отражалось все то, что Желтый император желал видеть, а с другой стороны были изображены священные животные, числом пять, и приносило это зеркало в мир гармонию... Но случилось так, о повелитель, что один из верных слуг императора... да простит меня повелитель!.. по имени Чи-ю, четырехглазый великан с шестью руками и острым рогом во лбу, замыслил недоброе...

Старик замолчал.

— Продолжай, почтенный Ван, — поторопил его Цинь Ши-хуан. — Мы наслаждаемся твоим рассказом.

По виду императора не было понятно, правда ли это. Советник Гао отметил лишь, что слова деревенского старика не на шутку заинтересовали владыку.

— Не смею, о повелитель... — жалобно произнес старик. — Не смею говорить о подобном в твоём высочайшем присутствии, осквернять твой драгоценный слух своими вульгарными рассказками!..

— Говори, старик. Не бойся. Ну же!

— Ох, повелитель... Затаивший злобу и зависть в сердце, Чи-ю тайно спустился с гор Куньлунь к людям, чтобы подговорить их поднять мятеж против владыки мира... Он сошел в южные земли и научил людей бунтовать, сделал для них много оружия, в изготовлении которого был искусен: копья, топоры, крепкие щиты, луки и стрелы. Чи-ю привел с собой своих братьев, числом восемьдесят два. У них были медные

головы и железные лбы, и ели они, как и сам Чи-ю, камни, да песок, а сила их была такова, что никакой человек не мог с ними совладать, и даже десятеро, и даже сотня... Чи-ю возглавил армию из людей, своих братьев и злых духов гор, вод и лесов, и раздал воинам волшебные амулеты, обладавшие удивительной силой... Круша все на своем пути, Чи-ю двинулся свергнуть Желтого императора с его трона, чтобы самому захватить власть над миром... Очень огорчился Желтый император подлости ближнего слуги, разгневался и даже испугался. Он пытался урезонить Чи-ю словами, но тот ничего не слушал, и тогда разгорелась жестокая битва! — из голоса старика ушла дрожь, повествование увлекло его. — В войске Желтого императора были и духи, и люди, и звери самые разные: медведи, барсы, ягуары, тигры. Долго, ой долго длилась битва, и силы Желтого императора дрогнули! И тогда Чи-ю произнес заклинание и окружил его войско непроницаемым туманом, вселявшим ужас... Многие воины Желтого императора в страхе разбежались, и сам он не знал, как из того тумана выбраться, но потом с помощью мудрого советника нашел выход и спас войско... И тогда Желтый император тоже раздал своим воинам чудесные амулеты, а еще призвал на помощь драконов, рева которых злые духи боялись пуще огня. Драконы обрушили на Чи-ю дождь, но Чи-ю волшебными амулетами перенаправил его на войско Желтого императора, и снова многие его воины в страхе бежали прочь. И тогда Желтый император с помощью волшебного зеркала высушил воды солнечным жаром, а затем велел принести великий барабан из кожи одноногого животного куй. Волшебство этого барабана было столь велико, что войско Чи-ю не выдержало его грохота и в страхе рассеялось, а сам Чи-ю не смог больше ходить, попал в плен и был казнен — Желтый император не мог простить все то зло, которое Чи-ю ему причинил... Вот как рассказывали предки.

Старик замолчал.

— И что же случилось дальше? — в нетерпении спросил император.

— А дальше, о повелитель, Желтый император испытал глубокую обиду и отказался править миром. Он направил на мир волшебное зеркало, и мир изменился: зашатались горы, бурно вспенились и разлились воды, а сам император удалился в свой небесный дворец и с тех пор пребывает в нем, не желая возвращаться.

— И что же стало с волшебными амулетами?

— По приказу Желтого императора, повелитель, их вернули в сокровищницу на горе Куньлунь, — отвечал старик. — Но случилось так, что часть амулетов собрать не успели, и они остались среди людей. Сила их, как говорят старики, очень велика, и потому преданные слуги Желтого императора из числа людей из века в век охраняют их, оберегая от посторонних. Так завещали им их деды, а дедам завещали их деды, а их дедам завещали...

— Ну а волшебное зеркало, с помощью которого наш предок сумел изменить мир и смог подчинить само солнце? — перебил рассказчика император.

— Про то мне, убогому, ничего не ведомо...

— А где же найти тех преданных слуг, что оберегают волшебные амулеты нашего предка?

— Мне, ничтожному подданному твоему, о повелитель, известно лишь, что они тайно пребывают среди простых смертных, наблюдая за сохранностью амулетов и не позволяя людям овладеть ими, но где и как их найти, того я не знаю. Зовут они себя кланом Желтого императора, и говорят, что многие из них... — старик Ван понизил голос, — состоят в родстве с самим первопредком... Прости меня, великий владыка!

Старик звучно ударил лбом в пол.

Император поднялся.

— Советник Гао! Немедля послать верных людей в селение этого старика и дознаться, где искать слуг Желтого императора! Любое известие сообщать нам без малейшего промедления!

Гао поклонился, принимая приказ.

— А что делать со стариком?

Император шагнул вперед и негромко бросил через плечо:

— Отрубите ему голову.

ЭПИЗОД 11

Его звали Цинь Ши-хуан

Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года

— ...А я как чувствовал, старик, что ты еще ко мне заявишься! — хмыкнул Сумкин, щелкая зажигалкой. Они с Котей сидели в давешнем кафе института, где трудился великий китаевед, и перед ними стояли неизменные пластмассовые стаканчики с дрянным кофе, а брюки Сумкина уже были изрядно присыпаны сигаретным пеплом. — Я буквально вижу, как в тебе просыпается интерес к окружающему миру и к конкретно взятому Китаю, старик. Ты хочешь вырасти над собой и обогатиться полезными знаниями о стране, куда вдруг решил переметнуться. Об этом свидетельствует блеск в твоих героических глазах и вообще весь твой неординарный вид. Какой-то ты... гм... типа возвышенный, будто голову вымыл, хотя обычно ты производишь впечатление слегка бесноватого даоса-пофигиста. Ну что, я прав?

Сумкин в ожидании ответа большим пальцем поправил сползшие на кончик носа очки и расплылся в ехидной улыбке.

Чижигов про себя усмехнулся: да, Сумкин был прав — но лишь отчасти. Не жажда знаний о современном Китае, не потребность выяснить текущий курс юаня относительно доллара, не необходимость получить пару-тройку напутственных советов специалиста привели его в этот раз к Федору, но вопросы несколько иного рода, напрямую относящиеся к Китаю, только — древнему. Сумкин был также прав еще в одном: за прошед-

шие сутки Котя действительно изменился — как внешне, так и внутренне. Его нежную душу обожгло дыхание перемен.

Люди, привыкшие к размеренной и оттого однообразной жизни, на перемены реагируют по-разному. Одни от них бегут, как черт от лаdana, и всячески делают вид, что ничего такого никогда не происходило и впредь не произойдет. Такие люди боятся новостей и чувствуют себя неуютно, будучи выбиты из привычной колеи. Другие же принимают перемены всей душой, будто долгожданное избавление от повседневной обыденности. Они бросаются в новое с головой, как будто до того не жили, но ждали, когда уже наконец что-то случится!

Первых — большинство, вторых меньше.

Как неожиданно выяснилось, Чижилов принадлежал к меньшинству. Где-то в глубине его души спал-посапывал авантюрист, не имевший доселе возможности проявить себя, но, едва пробудившись, он тут же кинулся к приключениям! Ничего подобного Чижилов за собой не подозревал — жизнь повода не давала, но как только повод появился, в Коте будто развернулась скрытая пружина. Чижилов не противился переменам, но радостно приветствовал их.

...Он очнулся от мягких ударов по носу: Шпунтик, встревоженный неординарным поведением хозяина, вдруг ни с того ни с сего уронившего голову на стол, принимал посильные меры к возвращению Чижилова в реальность. Способ был проверенный, так кот обычно напоминал о необходимости утренней кормежки. Сейчас же он сидел прямо на столе, разглядывая хозяина круглыми глазами, и тихонько вопросительно подмуркивал — иного слова для определения издаваемых котом звуков Котя подобрать не смог. Шпунтик владел довольно широким звуковым инструментарием, в котором

пошное «мяу» занимало самое последнее место, и при необходимости мог выразить довольно сложные эмоции, издавая весьма замысловатые звуки. Сейчас в голосе кота явно читался вопрос: хозяин, дорогой, ты не офигел, часом? Что это ты улегся лицом в стол и призываю не внемлешь? Все ли с тобой в порядке, дорогой?

— Все замечательно, мой хвостатый друг! — выпрямившись и тряхнув головой, заверил кота Чижигов.

Он прислушался к себе: во всем теле царил удивительная легкость, голова была ясной, дышалось свежо и привольно, лишь слегка болели глаза. Мир вокруг словно стал четче и ярче, как будто Коте на нос нацепили незримые очки.

— Вот черт... — восхищенно пробормотал Чижигов, глядя на лежащего прямо перед ним дракона. — Вот же черт...

Теперь многое в записках деда Вилена стало понятно: если он, старый коммунист и, как это было тогда принято говорить, ответственный советский работник, испытал примерно то же, что и Чижигов сейчас, иного объяснения, кроме емкого слова «бесовщина», деду на ум и прийти не могло! Еще Вилен Иванович мог предположить, что внезапно сошел с ума. Или же серьезно заболел, и в результате ему мерещится наяву всякая небывальщина. Но рассказать о случившемся дед не мог никому: в его время подобный рассказ был равносителен социальному самоубийству. Можно было потерять все: положение, работу и даже свободу. Могли и из партии выгнать. Или еще что похуже. Котя не очень хорошо представлял себе Советский Союз пятидесятых годов, но опасения деда ему были понятны.

То, что произошло с Чижиговым, едва только он коснулся дракона, было невероятно, удивительно и никакому разумному объяснению не поддавалось. Котю словно пронзила молния, по телу разлилась прохладная пьянящая волна, голова мгновенно пошла кругом, а потом — потом Чижигов как-то сам собой взял дракона и сжал в кулаке. И — увидел.

Увидел он... Сергея. Сергей сидел за заваленным книгами и бумагами столом — в небольшой, густо уставленной антикварной мебелью комнатке. Окна ее были плотно занавешены тяжелыми бархатными шторами. Над столом ярко горела лампа в бронзовом абажуре и с бахромой по краям. Обстановку комнаты Чижиков ухватил и осознал как-то сразу, в единый миг — осознал и испугался: как он попал сюда, почему смотрит Сергеем через плечо, а тот его ровным счетом не замечает? Пораженный Котя взгляделся: на столе перед Сергеем стопками громоздились книги, старые и новые. Из многих томов торчали вкривь и вкось разномастные закладки, и поверх этого всего была расстелена длинная схема — то ли план археологического раскопа, то ли чертеж, но Чижиков ясно увидел нечто, похожее на ров и в нем — схематически изображенные фигурки людей, что стояли рядами друг другу в затылок. Одна из фигурок, крупная и подробно прорисованная, была вынесена на поля. Это был явный воин, в доспехах и со странным копьём в руке. Еще Котя отметил крупную иероглифическую надпись, идущую по верху схемы, а также многочисленные мелкие пояснения, тоже иероглифами. Сергей увлеченно разглядывал схему, потом свернул ее, достал другую, похожую, поглядел и отбросил в сторону, развернул третью — мелкую и подробную, выхватил из-под кипы бумаг увеличительное стекло, оправленное в вычурную бронзу, стал изучать ее под лупой... И в этот момент Котя пришел в себя. Точнее, вернулся к себе.

Произошедшее и ошеломило его, и заинтриговало. Чижиков уронил дракона на стол и пристально на нее уставился. Одно из двух: либо произошедшее результат непонятого воздействия этой фигурки, либо у Коти не все в порядке с головой. Однако же в голове царил удивительная ясность, и в дурдом Котя явно не собирался. Конечно, все психи считают, что они совершенно нормальные, тогда как на самом деле... Да ну, ерунда какая! Чижиков, не отводя глаз от дракона, детально вспомнил все, что

предшествовало его странному видению: он вытряхнул фигурку из мешочка, поднес к ней палец, торжествующе — да-да, именно торжествующе! — подумал... что же он подумал, даже побормотал? Ну конечно: «Так вот что ты искал, Сергей!»

Чижигов хихикнул: ну точно, психушка по мне плачет. Нашел себе волшебную палочку и заклинание, приводящее ее в действие. Детский сад какой-то.

С другой стороны, а чем черт не шутит. Проверим. Не убудет.

— Отвернись, — велел он Шпунтику. — Ты ничего не видел. А если и видел, то никому не расскажешь. Иначе поссоримся. Понял?

Шпунтик понял, но отворачиваться не стал.

Тогда Котя, посмеиваясь про себя, но с некоторой все же опаской взял со стола дракона, сжал в кулаке и отчетливо произнес:

— Так вот что ты искал, Сергей!

Ну?!

И ничего не произошло.

— Что и требовалось доказать! — с некоторым разочарованием сообщил коту Чижигов, разжал кулак и уставился на дракона. — Но как-то же это заработало, верно?

Ему очень не хотелось признавать себя психом.

— Ладно, — сказал Шпунтику Котя. — Предположим, эта хрень отзывается на имя. Вот сжал в руке, сказал имя — и пожалуйста: видишь того, чье имя. А?

Кот Шпунтик участвовал в размышлениях хозяина по мере кошачьих сил. Он сидел на столе напротив, пристально вглядываясь в Чижигова, то принимался успокаивающе мурлыкать, то начинал тереться о хозяйскую руку, что вообще-то коту было несвойственно, ибо он обычно не опускался до подобных нежностей. Шпунтик из всех сил хотел помочь. Он даже мяукнул.

Котя, отвлеченный этим непривычным звуком от разглядывания блестящей фигурки, с недоумением перевел взгляд на кота

— и опять показалось ему на мгновение, что снаружи к оконному стеклу прижалось чье-то лицо — вытянутое, голубоватое, эфирное. Котя тряхнул головой, поглядел внимательно: ничего нет.

— Нет, мой хвостатый друг... — пробормотал Чижилов, успокаивающе поглаживая встрепенувшегося Шпунтика, — ты как хочешь, а тут творится какая-то странная ерунда. Какая-то... потусторонняя муть!

Пораженный нелепостью этой мысли, Котя глупо хихикнул.

— Ладно. Не будем отвлекаться...

И все же, выждав пару секунд, Чижилов снова внезапно во все глаза уставился на окно — неожиданно, будто из засады выпрыгнул. Но нет, никаких лиц там не было, и ничего другого потустороннего.

И слава богу.

— А давай еще раз попробуем! — Котя сжал дракона и, для убедительности зажмурившись, воззвал. — Сергей!

Посидел некоторое время с зажмуренными глазами, потом осторожно приоткрыл один. Вдохнул.

— Не понимаю... Почему ничего не происходит?

Котя пригорюнился, но не сдался.

Он потратил еще полчаса, так и этак сжимая в кулаке дракона и на разные лады выкликая Сергея, но не добился ровным счетом никакого результата. Дракон равнодушно глядел на Чижилова, а Чижилов с нарастающим раздражением глядел на него. Кот Шпунтик устал от участия в бесплодном процессе и свернулся в клубок на углу стола.

— Да что же это!..

Ладно, раз бесценный опыт повторить не удалось, Котя, не выпуская фигурки из рук, решил припомнить, что он увидел: кабинет — да-да, скорее всего та комната была кабинетом, стол, заваленный книгами и бумагами, какие-то схемы и планы, сам Сергей — волосы собраны в хвост, темная рубашка, тонкая цепочка на шее...

Тут оно и накрыло его во второй раз.

Чижилов снова увидел Сергея, тот по-прежнему сидел за столом, а вокруг валялись скомканные полосы бумаги, видимо, все те же схемы. Только сейчас Сергей читал толстую книгу, прихлебывая горячий чай из громадной кружки с красной розочкой на боку. Хмурился, нервно листал страницы.

«Стоп», — сказал себе Чижилов и вернулся.

Он был дома. За окном стоял теплый питерский май, на столе мирно дрых Шпунтик, и только голова почему-то кружилась, а на лбу выступила легкая испарина.

— Так вот в чем дело... — улыбнулся Котя. — Нужно представить... хорошо представить себе того, кого хочешь увидеть, и — вуаля!

Приободрившись, он снова зажмурился, сжал дракона, вызвал в памяти лицо Сергея, а вот и он: пьет чай и читает. Чижилов проделал эту операцию раз, наверное, пять, когда почувствовал, что голова стала кружиться все сильнее, а тело налилось свинцом.

— Интересно... — счастливо улыбнулся Котя. — Очень интересно.

Он положил фигурку в карман, на ватных ногах добрался до кухни и сварил себе ядерного кофе.

Чижилову понадобилось часа полтора, несколько чашек кофе и полпачки сигарет, чтобы в общих чертах осмыслить произошедшее и прийти в себя. Выходило, что, показывая Чижилову Сергея, дракон одновременно забирал у него силы, энергию или что-то подобное — Котя даже вообразить себе не мог, как работает эта загадочная вещица. И чем больше мысленных путешествий совершаешь, тем больше теряешь сил. Появляется слабость и сопутствующее головокружение. Ясно, отчего дед Вилен посчитал себя безнадежно больным, и почему, убедившись в полном своем здоровье, немедленно спрятал дракона в бюст Мао Цзэ-дуна и постарался выкинуть эту историю из го-

ловы. Неясно только, отчего дед не выбросил странный предмет на ближайшую помойку, но с риском для себя предпочел его сохранить.

Другое важное наблюдение состояло в том, что после возвращения в реальность Котя чувствовал себя... как-то гораздо увереннее, что ли. Спокойнее. Словно наконец вернулся к настоящей жизни, полной захватывающих приключений и тайн. Призрачные лица за окном уже почти не беспокоили его. И вообще, Чижилов воспринимал все случившееся с ним как должное.

И тогда он заинтересовался тем, что же делал Сергей. Сергей разглядывал схемы и читал. Схемы определенно были или китайские, или японские. Корейцы уже почти не пишут иероглифами, а у вьетнамцев, насколько знал Чижилов, письменность вообще организована на основе латиницы. Значит, Китай или Япония. Скорее всего, Китай — ведь сундучок, за содержимым которого охотился Сергей, был китайский.

Нужна дополнительная информация.

И Котя решил еще раз навестить Сумкина.

Некоторое время он мучительно размышлял, как быть с драконом: куда деть? Спрятать в квартире? Взять с собой? А если спрятать, то где?

Котя вернулся в кабинет, сел за стол и стал выдвигать ящики — совершенно машинально, и тут взгляд его случайно упал на клочок бумаги, выпавший из бюстика председателя Мао вместе с диковинной фигуркой. Чижилов поднес его к глазам и прочитал выписанные дедовым почерком строчки:

*«Я слезы кротости пролью,
Я сердце к счастью приневолю,
Я земно кланяюсь ручью,
И бедной хижине, и полю».*

— Ерунда какая-то... — пробормотал Котя. — Или ты, дед, еще и стихи писал?..

Одной загадкой больше, махнул Чижииков рукой, решительно встал, сунул дракона в карман джинсов и отправился к Сумкину...

— ...Какой-то ты... гм... типа возвышенный, будто голову вымыл, хотя обычно ты производишь впечатление слегка бесноватого даоса-пофигиста. Ну что, я прав?

— ...Считай, что я вымыл голову, — улыбнулся Котя в ответ. — Но я к тебе не только как к знатному визажисту и парикмахеру...

— Еще бы, старик! — от души пыхнул сигаретой Сумкин. — Ты ко мне по важному делу. Это сразу видно. Это буквально бросается в глаза.

— Вроде того, — кивнул Чижииков. — Я узнать хотел... Словом, говорит ли тебе о чем-то такая штука. Вот представь: то ли ров, то ли траншея, а в ней рядами стоят такие... вроде как солдаты, в латах и при оружии, здоровые, в человеческий рост. Ничего не напоминает?

— У меня к тебе вопрос, — с абсолютно серьезным видом заговорил Сумкин после короткой паузы, в течение которой внимательно разглядывал Котю. — Причем, учти: правдивый ответ на этот вопрос представляет большой академический интерес, просто невероятный... А вот скажи мне, пожалуйста, что ты, старик, пил вчера вечером? И сколько?

— Да ну тебя! — обиделся Чижииков. — Я серьезно, а ты...

— Ты сам себя послушай! — всплеснул руками Сумкин. — То ли ров, то ли траншея, а в ней солдатики стоят! Причем — в латах. С копьями. И тишина-а-а-а... Засада некромантов. Ну что за бред!

— А вот ты спокойно, без сердца, напряги воображение и потряхни уже багажом знаний... — снова начал Котя. — Я видел такие... ну вроде схемы, будто раскоп археологический, и там были изображены такие рвы, а в них солдаты — рядами, в затылок, в полной выкладке, с оружием. Но в земле. То есть — я так думаю, что в земле... А сверху иероглифами что-то написано. Ясно, что это или Китай, или Япония. Так может, в китайской истории что-то подобное было?

— Ах, вот ты о чем, старик... — протянул Сумкин и отхлебнул кофе. — Был, был в китайской, как ты метко выразился, истории один симпатичный дядька, который очень любил все увиденное закапывать в землю. Например, он закопал несколько сотен особо упертых книжечек, как были, живьем. Они даже чаю попить не успели.

— А чего это он?

— Чего-чего... Инакомыслие он искоренял, понимаешь? Инакомыслие — это когда все думают в одну сторону, а некоторые в другую, старик. Одна сторона — это линия партии и, извини, правительства, а другая — с ней несогласная. Ну вот... А наш дядька провозгласил себя императором, то есть впервые в истории взял себе титул, который до него носили лишь владыки седой китайской древности, про которых толком неизвестно, были ли они на самом деле или их зачем-то Конфуций⁵ выдумал.

— Как это?

— Легко! Знаешь ли ты, старик... нет, конечно не знаешь... что наш великий учитель Конфуций был не только теоретиком государственного управления, но и способным редактором, а? Слышал про «Книгу песен»? Шедевр древнекитайского

⁵ Конфуций (551—479 до н. э.) — древнекитайский философ. Создатель этико-философской системы общественных взаимоотношений (конфуцианство), направленной на достижение всеобщей гармонии как в отдельно взятой семье, так и в государстве в целом. Идеализировал древних легендарных китайских правителей, единственно обладавших необходимыми для всеобщего процветания качествами, какими никто из современников Конфуция не владел, а следовательно, не мог претендовать на титулы древних правителей. Высказывания и беседы Конфуция с ближайшими учениками были собраны его последователями в книгу под названием «Лунь юй» («Беседы и суждения»).

песенного творчества, от которого пошла китайская поэзия, и вообще? Ну не можешь же ты быть настолько серым! — возмущенно вытаращился Сумкин на пребывающего в явном ступоре Котю.

— Ну... Федор Михайлович, я слышал, слышал что-то... Кажется, «Ши цзин», да? — робко предположил Чижиков.

— Во! Старик! Я вне себя! — оживился Сумкин, от восторга чуть не пролив на себя кофе. — Твои познания пронзили мое сердце насквозь! Признаюсь, я был к тебе несправедлив: ты знаешь «Книгу песен»!..

— Ну, Федор Михайлович...

— Ладно-ладно, — Сумкин затаился. — Чтобы не вводить тебя в смущение, не буду спрашивать, читал ли ты перевод на русский. Так вот, традиция гласит, что редакция «Книги песен» принадлежит Конфуцию, старик. Он якобы взял чуть не три с половиной тысячи песен и отобрал из них триста, которые оказались наиболее идеологически выдержанными. И попутно талантливо разъяснил, о чем в них поется, превратив вполне простые и доступные народные напевы в гимны нечеловеческой важности, проводящие в жизнь нужные ему идеи. Это было эпохальное для всей культуры событие, но я тебе, старик, не об этом толкую, а о том, что Конфуций или кто-то еще запросто мог пройти и по древним легендам, превратив мелких племенных вождей в не менее эпохальных исторических деятелей. И вот теперь мы знаем, что были якобы в древнем Китае такие люди, как, например, Желтый император, человек немыслимого авторитета для последующих поколений, обожествленный первопредок. А тот китайский дядька, что всяких умников в землю закапывал (про него еще сняли фильм «Герой»), замахнулся поиметь божественный титул, как и у великого первопредка... Вообще-то он — человек интересной судьбы. В древности Китай, видишь ли, представлял из себя кучу независимых мелких княжеств, которые только и делали, что мерялись друг

с другом, у кого боевых колесниц больше, короче, непрерывно воевали. Такие, знаешь, бесконечные маневры за гегемонию. А среди всего этого великолепия курсировали от двора одного княжества к другому философы разного калибра, очень даже мечтавшие пристроиться к теплему хлебному месту. Стать при каком-нибудь князе советником или министром, насоветовать всякого про управление и правильное обращение с окружающими, а через эти советы, по их мнению, в мир должны были прийти повсеместная гармония и удивительное процветание...

— И Конфуций?..

— Точно, — кивнул Сумкин. — Конфуций один из них, из этих философов-советников, но я не про него, а про то, что не было в древнем Китае единства, а царила пошлая феодальная раздробленность. И вот в одном из княжеств в двести пятьдесят девятом году до нашей эры, если не путаю, родился наш герой. Ты можешь уточнить дату в «Яндексе», если тебе зачем-то приспичит.

— Ну, Федор Михайлович... Ну, ты достал уже...

— Ладно, ладно, слушай дальше... Жил наш герой, не тужил, мужал, подрастал, понемногу интриговать учился да и управлять тоже, благо, как ты понимаешь, обстановка для того была самая подходящая: все друг друга резали, травили и боевыми колесницами вытаптывали с корнем. Короче, шла обычная насыщенная древнекитайская жизнь. А княжество, где наш герой произрос, было одним из семи самых крупных в то время, да и сам он был не абы кто, но буквально наследный принц, который в тринадцать лет с помощью одного хитрого министра, Люй Бу-вэй его имя, ловко вскарабкался на трон. Посидел на троне немного, примерился — и пошло-поехало: войдя в сознательный возраст, наш герой всех заинтересованных в его троне быстренько нейтрализовал, в том числе навсегда, министра-помощника отправил в ссылку, с глаз долой, хотя надо было,

конечно, сразу же казнить. Короче, ухватился наш герой за власть двумя руками, а руки оказались крепкие и весьма мускулистые. Вот тут и началось! Пошел наш герой воевать с шестью оставшимися княжествами и все их успешно захватил, присоединив к собственному. И действовал при этом отнюдь не парламентскими методами: подкупал, обманывал, резал, а сведения о гуманизме и общечеловеческих ценностях до него вообще ни разу не докатились. Нагнал, короче, на всех жуткого страха, старик, а кто был не согласен, что он самый крутой в Китае, — тех вообще казнил без лишних слов. Кровищи пролилось — страсть! Очень тоталитарный выдался дядька. Кровавая гэбня, стройки века, все такое... Но что, старик, в итоге: к сорока годам наш герой впервые в китайской, извини, истории объединил страну в единое государство, понимаешь? Поделил на области, старую аристократию сконцентрировал в одном месте, окружив охраной и удалив от дел. Наладил административную вертикаль, проложил по вновь образованной державе дороги, отчеканил единые деньги, ввел общегосударственную иероглифику — а то ведь раньше писали кто во что горазд, что создавало трудности во взаимопонимании... И наконец, соединил в одно целое Великую китайскую стену, достроив недостающие участки. Могучий, матерый был человечище!

Даже грязные очки не могли заслонить огонь восхищения, горевший в глазах Сумкина. Чижииков слушал, забыв про кофе.

— Ну вот, старик, объединил он страну, провозгласил себя императором, а чтобы не возникало брожения в головном мозгу у слишком ушлых подданных, которые могут за исторические прецеденты ухватиться и начать призывать вновь вылупившегося императора покаяться, или там властью поделиться, или там демократию развести повсеместно, Конфуция и его труды запретил. А книжки, в которых были свидетельства о золотом веке китайской древности, когда все люди якобы были братья, повелел уничтожить — например, сжечь. А тех, кто особо упор-

но цеплялся за историческое наследие, противоречащее его божественности и самозваному титулу — тех казнил безо всяких сожалений. Меры по тем временам, я бы сказал, вполне разумные и даже где-то гуманные. Особо рьяных, которые против линии партии и правительства активно шли и на общечеловеческих ценностях настаивали с пеной у рта, закопал живьем. И наступила некоторая благодать. Правда, империя его недолго продержалась и, едва наш герой склеил лапы, развалилась, но зато на все времена установила общегосударственные стандарты и показала, как единой страной жить полагается. Это тебе к вопросу о роли личности в истории. Вот так-то, старик. Понимаешь?

— Это я понял. Такой Петр Первый китайский, реформатор невиданной силы... А эти солдатики в латах тут при чем? — немедленно прикопался Чижииков.

— Солдаты? Да ни при чем, это я тебе так, в целях общего развития сообщил... — пожал плечами умный Сумкин. — Тебе же надо развиваться.

— Ну, Федор Михайлович!

— Да ладно, ладно. Был у этого дядьки еще один бзик: он мечтал жить вечно. Ну, знаешь как это бывает? Ху вонтс ту лив форе-е-ева-а-а... — фальшиво, но с душой пропел Сумкин. — Вот и отгрохал себе гробницу, всю жизнь ее строил, почти сорок лет. Окружил свой загробный домик полчищами раскрашенных глиняных солдат, по самую тыковку закопанных в землю. Чтобы охраняли его, старик, когда концы отдаст, в ином мире. И знаешь что? — Сумкин оторвал фильтр у очередной сигареты. — Все эти солдаты, а там их тысячи, они все разные, ни одной пары одинаковых. Возможно, их даже с натуры лепили. Иными словами, это не какие-то там абстрактные манекены, а совершенно реальные персонажи — и они тоже должны были отправиться в иной мир вместе с повелителем... Солдатиков этих сейчас раскопали, величайшая археологическая находка

современности, между прочим. Да вот беда: вдруг обнаружилось, что от взаимодействия с воздухом древняя краска с них в момент слезает. Так что часть откопали, а прочие ждут, когда наука придумает особые методы консервации...

— Сколько?

— Что — сколько? — не понял Сумкин.

— Ну, сколько лет они пробыли в земле?

— Сам считай: примерно с... э-э-э... двести десятого года до нашей, знаешь ли, эры, когда император отдал концы. Это очень долго, старик. Так что твои солдаты с китайской схемы — скорее всего, они самые и есть.

— Да-а-а... — вздохнул Чижиков. И зачем же, спрашивается, Сергею понадобилось разглядывать схемы китайских археологических раскопов, да еще под лупой? В чем тут подвох? — Да, а как звали этого дядьку-то? Ну, чьи солдаты? Который тиран тоталитарный?

— А! Этого! Его звали Цинь Ши-хуан.

ЭПИЗОД 12

Гомер, Сергей и Ника

Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года

Нагромождение странностей последних дней — чудесная продажа китайского сундучка за немислимую кучу денег, попытка ограбления квартиры, отбитая отважным Шпунтиком, необъяснимое появление неприятного Сергея на кухне, и, наконец, находка таинственного дракона, сокрытого в бюстике Мао Цзэ-дуна, и его необычайные свойства, вовсе не повергли Чижикова в смущение, панику или какое-то иное тревожное состояние. Напротив, после нескольких сеансов взаимодействия с драконом Котя пребывал в уверенном спокойствии, которому сам удивлялся: ну как же, после такого человек просто обязан нервничать, дергаться и плохо спать, а он — молодцом, ничего не боится и даже повторения недавнего ночного кошмара.

Из равновесия Чижикова не вывел даже утренний телефонный звонок: на другом конце провода оказался Сергей, настойчиво спрашивавший, подумал ли Котя над его щедрым предложением. Чижиков слушал Сергея невнимательно, равнодушно. Сказал в ответ, что ему неинтересно, что он не понимает, о чем идет речь, еще раз попросил оставить его в покое, сам себе удивляясь, отчего до сих пор не послал надоеду простыми русскими словами в широко известном направлении. Сергей не унимался, был напорист и горяч: упорно на-

стаивал на встрече, ведь «нам очень нужно поговорить, срочно поговорить, это чрезвычайно важно, в первую очередь для вас». Котя хмыкнул и только тогда положил трубку. Трудно иметь дело с человеком, который не слушает собеседника и уж тем более не понимает слова «нет». Лучше уж вовсе с таким не иметь дела.

Телефон звонил еще несколько раз, но втуне: Чижииков с чашкой кофе ушел в кабинет и трубки не брал, а потом кот Шпунтик, которому наскучили раздражающие трели, вспрыгнул на тумбочку, где обитал телефонный аппарат, и, раздраженно дергая хвостом, лапой сбил с него трубку. Выполнив свой долг, Шпунтик заслуженно ушел в форточку, и в квартире воцарилась тишина.

Чижииков загасил сигарету, достал дракона и положил его перед собой на стол. В общем и целом он уже понял, как он работает. Хотелось лишь уточнить некоторые детали. Был только один способ проверить свои догадки: «пробить» кого-нибудь еще кроме Сергея. «Пробить» — именно так Котя обозначил то, что делал дракон.

Чижииков сжал предмет, как обычно зажмурился и отчетливо представил в полумраке своей комнаты девушку Тамару, очень условно задрапированную в простыню... Чижииков аж вспотел — до чего была фигуриста и соблазнительна бывшая боевая подруга! Он даже слегка покраснел, вообразив, что вместе с ним ее пленительные извивы может наблюдать совершенно посторонний дракон!

Котя в деталях вспомнил Тамарино лицо, ее черные длинные волосы, струившиеся по высокой груди плавной рекой... и тут — пробило. Чижииков на самом деле увидел Тамару: одетая в платье-облегашечку, она сидела на коленях у какого-то шкафообразного типа, с лицом, словно вырубленным из гранита, обнимала его тонкими руками за монументальную, украшенную золотой цепью шею и смеялась... А тип, раздувая мощные ноздри, жадно лапал роскошные Тамарины бедра

и что-то скрежетал ей прямо в ухо... Больше Котя не выдержал и отключился — он уже умел делать это по желанию.

Потом Чижилов ради эксперимента «пробил» Федю Сумкина и несколько секунд наблюдал профессионального китаиста в естественной среде обитания: Сумкин, сгорбившись, сидел за столом и ожесточенно рылся в толстенном словаре. Затем настала очередь нескольких других знакомых... Тут Котя почувствовал нарастающую усталость и опыты благоразумно прекратил.

Ему пришло в голову, что с драконом придется что-то решать: до отлета в Пекин времени оставалось всего ничего, и надо было понять, как поступить с удивительной вещью. Например, где надежнее спрятать. А в том, что предмет не следует афишировать, Чижилов был уверен: Сергей ведь интересовался именно им, теперь сомнений не осталось.

Было еще одно: проданный антиквару китайский сундучок содержал два тайника. И если в одном хранился дракон, то во втором запросто могла находиться фигурка другого животного — из числа изображенных на крышке. И вот вопрос: дед Вилен приобрел сундучок с одним предметом или же с двумя? И если с двумя, то куда делся второй? Возможно, он тоже где-то припрятан среди вещей Коллекции? После того, как Котя понял, сколь поразительными свойствами обладает дракон, ответ на этот вопрос занимал его гораздо больше сборов в Пекин. Котя даже позабыл похлопотать о кошачьем паспорте.

Лежавший на столе дракон притягивал взгляд. Удивительное изящество линий, отсутствие даже намеков на обработку, совершенство формы — все это завораживало. Было в драконе нечто не от мира сего, нечто потустороннее, нечеловеческое, нездешнее, словно эта фигурка вышла из рук удивительных мастеров, сработавших ее одним им известным способом, который никто на земле повторить не мог. Чижилов с удовольствием коснулся фигурки пальцем, провел по гладкой на ощупь

поверхности и ощутил ответный холодящий поток, будто дракон узнал его.

— Моя прелесть... — тихо прошептал Котя, нагнулся и нежно подышал на дракона. Вещица на мгновение запотела, но тут же снова очистилась. Нет-нет, расстаться с таким удивительным предметом было выше человеческих сил!

Чижилов составил примерный план действий на ближайшее будущее: внимательно осмотреть Коллекцию на предмет второго животного-амулета, позвонить рекомендованному Грозовым человеку Петру Сергеевичу насчет кошачьего паспорта, договориться о встрече, а на обратном пути закупить какой-нибудь еды, — и приступил к его реализации.

Детальный осмотр Коллекции занял немало времени — все же она была довольно обширна, и кто знает, где изобретательный дед мог припрятать такой небольшой предмет как, скажем, тигр или этот, как его... цилиндр. Котя начал с бюстиков председателя Мао и аккуратно расковырял их все, внутри было пусто. Далее последовали вещи в шкафах — Чижилов вытащил их, разложил на полу и пару часов тщательно крутил и тряс, простукивал, пробовал на зуб и ковырял ножиком. Ничего. Котя раскатал на полу в коридоре все найденные им картины, перетряхнул одежду в сундуке, надеясь, что второй предмет завалялся в карман или за подкладку. Тоже безрезультатно. Подняв многолетнюю пыль, он перевернул вверх ногами и как следует подрастрял все китайские вазы, включая две напольные, в половину его роста — и чуть было не разбил одну вдребезги, но кроме старых смятых конфетных фантиков не нашел ничего нового. Наконец Чижилов, пыхтя и надрываясь, поочередно отодвинул шкафы от стен и придирчиво осмотрел их сзади. Но и этот титанический труд не принес чаемых результатов.

Оставалось только простучать, а то и разобрать всю мебель, затем отодрать плинтусы, вскрыть паркет... К таким подвигам Чижилов был пока не готов. Разорять квартиру ему совершен-

но не хотелось. Хотя, подумал он, именно так бы поступили неизвестные взломщики, не останови их храбрый кот Шпунтик.

— Отчего ты не оставил ни одной подсказки, дед!..

Уставший и пыльный, Котя вернулся в кабинет и присел к столу. Дракон по-прежнему тускло блестел неподалеку от пепельницы, а на самом краю все так же лежал забытый клочок бумаги со стихотворными строками. Чижигов взял бумажку, перечитал:

*«Я слезы кротости пролью,
Я сердце к счастью приневолю,
Я земно кланяюсь ручью,
И бедной хижине, и полю».*

Неужели это написал дед Вилен? Надо же: «я слезы кротости пролью»! Уж чем-чем, а кротостью дед не отличался: был решителен, суров, а временами уперт как стадо баранов, и уж коли что решил, никогда от своих слов не отказывался. Что и говорить: коммунист старой закалки. Дитя пятилеток. «Я земно кланяюсь ручью». Как же. Нет, красоту дед любил и ценил, но чтобы кланяться ручьям, хижинам и полям... Такого деда Котя никогда не знал.

Нет, не может быть. Не мог он сочинить ничего подобного.

Котя помнил:

*«Нас водила молодость
В сабельный поход.
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед».*

Или:

*«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,*

*Как кринки несли нам усталые женщины.
Прижав, как детей, от дождя их к груди».*

В конце концов:

*«Если град зашумит с дождем,
Если грохнет шрапнелью гром,
Все равно я приду на свиданье,
Будь хоть сто непогод кругом».*

Дед читал любимые стихи с душой — такие моменты были редки, но очень памятные, и Котя чувствовал, что цитируемые наизусть строчки очень важны для деда.

Но эти?..

Чижилов включил ноутбук, загрузил браузер и ввел в поисковой системе первую пару строк.

«Найти».

Ого. Николай Гумилев, поэт.

Гораздо больше на слуху у Чижилова был другой Гумилев — Андрей, кажется, Львович, миллиардер из Москвы, да и то в связи с нашумевшей недавно историей со странной пропажей его жены. Не знать об этом хоть что-то было попросту невозможно: новость долгое время не сходила с экрана телевизора, с газетных полос и из новостных лент. Но Андрей Гумилев, сколько знал Чижилов, поэтом не был.

Котя ткнул в ссылку в поисках подробностей — открылась новая страница, со стихотворением под названием «Одиссей у Лаэрта».

Он внимательно прочел стихотворение и нашел записанное дедом четверостишие. Паллада, Зевс... Стоп. Греция?

Чижилов вернулся к поисковику и лихорадочно ввел в строку поиска: Гумилев, «Илиада». Посыпались ссылки. Котя углубился в чтение.

«...Гумилев всегда преклонялся перед гением Гомера. Творения греческого аэда он почитал образцом «действительно великого произведения поэзии»...»

«...Гумилев был именно таким идеальным «читателем-другом» по отношению к Гомеру, что и позволило ему с полной правотой заявить о бессмертии Гомера-поэта...»

«...Я закрыл «Илиаду» и сел у окна,
На губах трепетало последнее слово,
Что-то ярко светило — фонарь иль луна,
И медлительно двигалась тень часового...»

«...Утром в следственном изоляторе ЧК Гумилев встретился с Николаем Пуниным. Бывший муж Анны Ахматовой — с будущим ее мужем. У Гумилева была «Илиада» Гомера, с которой он никогда не расставался...»

Полученный результат ошеломил Чижикова: поэт Николай Гумилев весьма ценил «Илиаду», преклонялся перед Гомером и поэму его старался всегда иметь под рукой. Проще говоря, постоянно таскал с собой, в том числе в Африку и на фронт.

К тому же: «И ли я тэ» — «Илиада» по-китайски. Так сказал Федор Сумкин. И точно так написано на полях дедова экземпляра поэмы. А «Гу ми» — уж не Гумилев ли?

— Как интересно... — пробормотал с улыбкой Котя, предвкусывая очередную загадку. — Мы с Гумилевым и дедом, оказывается, любим одну и ту же книгу. Что бы это значило? И где, интересно, сейчас тот экземпляр «Илиады», что у Гумилева отобрали в ЧК?..

Но на эти вопросы интернет-поисковики ответа дать не могли.

А вот Федя Сумкин ответил хотя бы частично.

— Нет, старик, — услышал Чижиков в мобильнике его жизнерадостный голос. — Ты уж извини, но — нет. Это не Гумилев.

— Да почему же? — Коте не хотелось так просто расставаться со столь подходящей гипотезой. — «Гу ми» — типичный Гумилев получается. В транскрипции.

— Я, конечно, никак не хочу подрезать крылья вскипевшему в твоём организме процессу познания и даже просветления, — ехидно заявил Сумкин, — однако же позволю заметить, старик, что китайцы пишут иероглифами, а иероглифы имеют свои чтения...

— А я про что? «Гу ми»!

— Видишь ли, старик... — Федор кашлянул. — Скажем так, у китайцев есть уйма иероглифов, которые читаются удивительно малым количеством слогов. Иными словами, одним и тем же слогом «чжан» может читаться большое количество разных иероглифов, в том числе одна из самых распространенных фамилий. Только не спрашивай меня, как китайцы друг друга понимают и все такое — не надрывайся, не стремись сразу вывихнуть мозг. Нельзя пытаться усвоить так много нового за один раз, старик, я искренне опасаюсь за твой рассудок...

— Да кончай уже издеваться!

— Да когда я издевался-то?! О тебе же забочусь. Ну ладно, ладно. Так вот, то, что тебе кажется столь обманчиво знакомым, а именно «гу ми», на фотографии, которую ты мне показал, и в общепринятой китайской транскрипции фамилии великого русского поэта Гумилева, — записано иероглифами, которые читаются одинаково, но пишутся по-разному. Соответственно, и значения у них разные. Улавливаешь, старик?

— Ну...

— Вот и ну. На твоей фотографии «гу ми» — «древняя тайна», а Гумилев транскрибируется на китайский как «Гумиляофу». Даже если мы выбросим к чертям собачьим последние два иероглифа, то из первых двух с надписью на фотографии совпадает только один — «гу», а второй, тот что «ми», означает никакую не тайну, но самый обычный «рис». Тот рис, который едят, понимаешь? Хлеб китайского народа.

— То есть... это не Гумилев?

— Нет, старик. Извини, если расстроил. Ты, кстати, в Китай еще не передумал лететь? А то я запросто могу вместо тебя метнуться...

«И отчего я его терплю, Сумкина этого?» — отрешенно подумал Чижиков, нажимая кнопку отбоя. Он выключил компьютер, сунул дракона в карман, потом набрал на мобильнике другой номер и договорился о встрече по поводу кошачьих документов, после чего покинул квартиру.

И первый, с кем он нос к носу столкнулся, миновав лестничный пролет и завернув на следующий, был Сергей.

Это был день странных встреч на лестнице.

Первым оказался Сергей.

Когда Котя столкнулся с ним на лестнице, то даже и не удивился, а просто быстро сделал шаг в сторону и прошмыгнул, даже пробежал по ступенькам мимо, не слушая «подождите! я вам звонил! нам надо поговорить! да подождите же!»

Оставив Сергея позади, Чижиков поспешно устремился вниз, но на следующей площадке опять столкнулся с ним нос к носу и, признаться, несколько опешил. На сей раз Сергей был готов лучше и сполна воспользовался секундным Котиным замешательством: ухватил за рукав, довольно цепко ухватил, попытался заглянуть в глаза, но Чижиков с возгласом «да отцепись ты!» рывком освободился, отпихнул Сергея с пути и помчался по лестнице со всех ног.

«Чертовщина какая-то...» — пронеслось в голове, и не успел Котя осознать, что именно это определение употребил и его дед в отношении дракона, как вновь оказался с настырным Сергеем лицом к лицу. Котя распахнул дверь подъезда и буквально налетел на него: Сергей мгновенно схватил Чижикова за плечи — крепко схватил, Котя через куртку почувствовал

неожиданную силу его пальцев — притянул к себе и пристально взглянул в глаза. «Да откуда ты тут взялся! — воскликнул Котя, тщетно пытаясь отцепить от себя Сергея. — Пошел вон, в самом-то деле!» — после чего сильно толкнул Сергея в грудь. Сергей же, лицо которого исказила гримаса, как раз в этот момент разжал железные пальцы и толчок отбросил его от Чижикова на пару метров. Он уронил черные очки, замахал руками, пытаясь сохранить равновесие, но все же приземлился на хилый заплеванный газончик, тянувшийся вдоль тротуара — приземлился неловко, на задницу, скривился и прошипел грязное ругательство.

Чижиков решил не отступать: он не мог постичь, как Сергею удастся снова и снова появляться на его пути, но в сущности, в тот момент Коте на это было плевать — Чижиков хотел от Сергея раз и навсегда избавиться, а потому, сжав кулаки, медленно пошел на него. Холодная злость овладела Котей. Словно почувствовав это, Сергей поспешно подобрал очки, вскочил, водрузил их на нос и скоро пошел, прихрамывая, прочь, на ходу ругаясь, оглядываясь и одновременно пытаясь отряхнуть штаны. Котя остановился. «И чтобы я тебя больше не видел и не слышал, Сереженька!» — крикнул он вслед беглецу, постепенно успокаиваясь. «Я тебя предупреждал! — уже отойдя на приличное расстояние, крикнул в ответ Сергей. — Я предупреждал, а ты не стал слушать! Теперь ты сам виноват!» «Пошел, пошел отсюда!» — заорал в ответ Котя, пугая редких прохожих.

Минут пятнадцать спустя, направляясь к остановке автобуса, Чижиков понял, что если бы Сергей вовремя не сбежал, то он, Котя, вполне мог бы дать ему в морду — руки просто чесались — и мысленно себя за это пожурил, но в глубине души был доволен. Котя чувствовал, что поступил правильно. И если бы пришлось таки ударить настырного пристава — вряд ли стал бы раскаиваться искренне. Насилия Чижиков не

любил, но занятия с мастером Чэнем привили некоторый автоматизм в реакции и движениях. Кроме того, теперь Сергей не нравился Коте еще больше.

Еще бы: мало того, что этот человек был неприятен в общении — так он еще странным образом умел появляться в нужном месте, а стены и закрытые двери при этом не составляли для него препятствия. Чижигов вспомнил свою вторую встречу с Сергеем — когда он, будучи выгнан прочь, тем не менее тут же снова объявился в кухне, откуда его выкинул Дюша Громов. Каким, спрашивается, способом Сергей снова туда попал? И сейчас — как он, которого Котя два раза оставлял позади себя на лестнице, тем не менее умудрился все равно оказаться внизу первым? Как подобное вообще возможно? Котя кстати припомнил также и первую их встречу — в дверях антикварного салона Вениамина Борисовича, когда Сергей, бывший в салоне еще до Чижигова и рассматривавший там какие-то картины, отчего-то повстречался в дверях, когда Котя уходил, — причем с таким видом, будто только что пришел в салон. И когда антиквар заплатил Чижигову деньги, Чижигов видел из кафе напротив спину этого самого Сергея, заходящего в антикварный салон. В голове все это не укладывалось, оставалось лишь признать, что Сергей обладает сверхъестественными способностями... или у него есть особая вещичка, вроде дракона, и именно эта вещица дарит Сергею такие способности. Котя даже остановился: а что! Это многое объяснило бы. В том числе и назойливый интерес к китайскому сундучку, а главное — к тому, что было в нем спрятано. Все просто: Сергей знает. Не просто знает о тайниках в сундучке, но знает о конкретном драконе. И хочет им завладеть! И не он ли, кстати, навел Котю на квартиру в его отсутствие и был исцарапан боевым котом Шпунтиком? Тут Котя пожалел, что так быстро прогнал Сергея: надо было взглянуть на его руки. Впрочем, Шпунтик никак не отреаги-

ровал на Сергея, когда тот сидел в Котиной кухне — а уж кот, который как следует подрал неизвестного грабителя, вряд ли упустил бы еще одну возможность поквитаться с нахалом. И замок был тогда открыт, не взломан, а Сергею, судя по всему, замки не помеха.

Ну, если не Сергей, значит, Сергей кого-то нанял, чтобы тот залез в квартиру.

Котя встревожился. Ведь, быть может, этот мерзкий тип в черных очках прямо сейчас роется в его квартире, копается в его вещах — может, например, и приготовленные для Китая доллары найти. Вряд ли, конечно, но — а вдруг? И как назло именно сегодня Чижилов опять забыл включить сигнализацию!

Перспектива потери долларов и вообще то, что кто-то мог вломиться в его уютный дом, до того взволновала Котю, что он с трудом дождался окончания оформления паспорта Шпунтика — а это, надо сказать, заняло время, — и поспешно ринулся домой.

«Вот сопрут деньги — и что тогда? Что делать?! Билет тоже пропадет, это же конец всему!!! А я, дурак, еще Шпунтику форточку открыл — даже кота в квартире нет...»

Путь был неблизкий, по дороге Котя навоображал себе уже невесть что, и когда влетел в родной подъезд на Моховой улице, то буквально изнывал от беспокойства, и с трудом нашаривал в кармане ключ от двери: руки ощутимо дрожали.

Чижилов вприпрыжку преодолел лестничный пролет — до двери родной квартиры оставался еще один — и, ступив на площадку между первым и вторым этажами, замер.

На широком подоконнике, на фоне высокого, выходящего во двор-колодец окна, сидела и болтала ногой, обутой в несерьезную, состоящую, кажется, из одних тонких ремешков сандалию, худенькая девочка — черненькая, стриженная коротко, в простом ситцевом платьице в возмутительный красный цвето-

чек. Она сидела, болтала ногой, а напротив нее удобно развалился кот Шпунтик с самым доброжелательным выражением на морде, какого Чижигов у него никогда не видел. Девочка и кот беседовали.

— ...И ничего в этом плохого нет, правда же? Ну ты сам подумай...

Шумно ворвавшийся на площадку взмыленный Чижигов перебил их, — Шпунтик мгновенно подобрался, вскочил, но тут же расслабился: хозяин! А его собеседница перевела взгляд с кота на Котю, легко, открыто улыбнулась и сказала:

— Добрый день. Я — Ника. Девочка из будущего.

ЭПИЗОД 13

Девочка из будущего

Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года

— Я пошутила, — засмеялась девочка, глядя на ошарашенного Чижикова. — Я действительно Ника, но вовсе не из будущего. Я внучка Вениамина Борисыча. Ника Бунина.

— Да? — глупо спросил Котя, не понимая пока, как себя вести. — Ну... это... хорошо.

— Наверное, хорошо, — согласилась Ника. — Хотя ведь родственников не выбирают, правда? Они такие, какие есть. Так что мой дед — Вениамин Борисыч. А не, например, Матвей Герасимович. Или Леонид Степанович.

Выдав эту глубокую мысль, девочка снова улыбнулась и спрыгнула с подоконника.

— А мы вас тут давно ждем, — сообщила она, оглядываясь на Шпунтика. — Уже скучать начали.

— Ждете? — переспросил Чижиков. — Гм... Ну ладно, почему меня ждет он, — Котя указал на Шпунтика, — я еще могу понять. Он есть любит. А я — его источник питания. А вот почему меня ждете вы...

— Говорите мне «ты», пожалуйста. Мне так проще, — попросила Ника и обезоруживающе улыбнулась. И было в ее улыбке нечто такое, что Котя даже слегка смутился.

— Гм... Ну ладно... А вот почему меня ждешь ты, этого я совершенно не понимаю, — закончил наконец Чижиков.

— Между прочим, это невежливо, — вдруг наморщила веснушчатый носик Ника. — Невежливо подвергать допросу гостя, даже не предложив ему чаю. Ваш кот, кстати, тоже проголодался. Нам неплохо было бы что-нибудь съесть.

«Ну так иди к своему дедушке и пусть он тебя накормит, а со своим котом я как-нибудь сам разберусь», — хотел было сказать Чижиков, но почему-то произнес совсем другое:

— Действительно. Что это я! Позволь предложить тебе чаю.

— Благодарю, — Ника уморительно сделала книксен и шаркнула ножкой. — Чашка чая да небольшой бутербродик с колбаской — все что нужно усталому путнику!

«Что это я делаю? — сам себе удивляясь, подумал Чижиков, достал из кармана ключи от квартиры и широким жестом пригласил Нику, даже слегка поклонился. — Кажется, все это ненормально...»

— Прошу!

Девочка Ника восприняла приглашение как должное: тряхнула челкой и вприпрыжку взбежала по ступенькам к двери квартиры номер восемь. Кот Шпунтик, задрав хвост, последовал за ней, даже не взглянув на замешкавшегося хозяина. Чижикову только и оставалось, что подняться следом и отпереть замок.

— Благодарю вас, — кивнула Ника, когда Котя распахнул перед ней дверь, вошла в прихожую и уверенно повернула на кухню. Шпунтик следовал за ней как приклеенный.

«Ладно, допустим... — решил Чижиков, входя следом, — поглядим, что будет дальше...»

А дальше было вот что.

Девочка Ника как ни в чем не бывало вошла на кухню, моментально поставила чайник на огонь, без спроса сунулась в холодильник, вытащила оттуда кусок докторской колбасы, добыла в хлебнице батон, соорудила себе бутерброд и, опустившись на стул и положив одну худую ногу на другую, принялась

уплетать его с презрительным аппетитом. При этом она опять болтала ногой и вошедшему на кухню Чижикову в глаза тут же бросилась свежая царапина на ее коленке. И он снова смутился.

— Покормите, пожалуйста, кота, — сквозь бутерброд попросила шустрая девочка. — Он голодный.

Шпунтик, который впечатления голодного до этого вовсе не производил, тут же требовательно обернулся к Коте: корми кота! Чижиков будто заколдованный накрошил в его миску рыбы пикши.

Да что же это происходит?!

— Между прочим, у вас булка несвежая, — поделилась наблюдениями Ника. — Даже почти черствая. Лучше, когда булка свежая. Вкуснее.

Тут закипел чайник.

— А где у вас заварка? — с самым невинным видом спросила девочка. — Может быть, мы заварим чаю? У вас есть такой, с бергамотом?

— Слушай...

— Здесь? — Ника уже вскочила, распахнула дверцы кухонного шкафчика, стала совать веснушчатый нос во все банки подряд. — Не то... Не то... Не то... А! Вот!

Она выхватила из глубины шкафчика жестяную банку с заваркой, открыла, понюхала.

— Но он же без бергамота... — обиженно протянула девочка и укоризненно посмотрела на застывшего посреди кухни Чижикова. — Без бергамота же! — сказала Ника смотревшему на нее во все глаза Шпунтику.

Котя внезапно почувствовал себя виноватым, что в банке оказался чай без бергамота. И следом очень удивился: почему это он должен чувствовать вину за то, что какая-то девчонка с ободранным коленом и в идиотском платице не нашла на его кухне нужный чай? Да что вообще происходит?!

Так он и спросил. Перестал торчать столбом, решительно сел и спросил:

— Да что тут вообще происходит?

— Мы чай пьем, — захлопала глазами Ника. И Чижиков отметил, какие длинные и пушистые у нее ресницы. — А что?

— Так, — Чижиков достал сигареты, придвинул пепельницу и щелкнул зажигалкой. — Сядь, пожалуйста.

Ника, не выпуская банку из руки, послушно села напротив.

— Между прочим, курить вредно, — сообщила она, поставила банку на стол и взялась за недоеденный бутерброд. — Я вот не курю, например, — выразительно добавила она.

Чижиков с усилием подавил немедленное желание раздавить в пепельнице сигарету и назло ей как следует затянулся.

— Согласен, — кивнул он. — Курить вредно. Но я не об этом спросил.

— А о чем? — с совершенно невинным видом спросила девочка.

— Я спросил: зачем ты меня ждала?

— Когда?

— Тогда. На лестнице.

— А! Вы об этом!

Ника огляделась по сторонам, потом поманила Чижикова пальцем, нагнулась над столом — и Котя невольно придвинулся ближе.

— Меня ваш кот попросил, — шепотом сообщила вздорная девочка и громко хихикнула.

— Тьфу ты! — в сердцах воскликнул Чижиков. — Знаешь что... как тебя?..

— Ника. Девочка из будущего.

— Знаешь что, Ника, девочка из future... тьфу! Вот что, ты эти свои штучки брось. Немедленно. Говори толком: чего тебе от меня надо? Кто ты вообще такая?

— О, господи, — вздохнула Ника. — Я ведь говорила уже: я внучка Вениамина Борисыча. А значит, он — мой дедушка. Дед Венья. Понимаете?

— Пока да. То есть до этого места понимаю.

— Ну и вот! — торжествующе закончила девочка, запихнула в рот последний кусок булки и погладила сидевшего у ее ног Шпунтика. Кот ответил довольно громким мурлыканьем.

— Что — ну и вот? — Чижииков не знал, плакать ему или смеяться. Было в этой худышке, маленькой, большеглазой, трогательной и нелепой, нечто удивительно привлекательное и в то же время беззащитное. — Что — ну и вот-то?

— Между прочим, чая так до сих пор и нет. А есть всухомятку очень бесполезно, — прищурилась Ника и икнула.

Чижииков махнул рукой, нашарил под окном один из мешков, куда временно свалил Дюшины «гостинцы», достал серебристый пакет.

— Вот тебе чай. Называется «пуэр». Китайский.

— С бергамотом? — широко раскрыла глаза Ника.

— Без бергамота, — сознался Котя. — Но тоже очень вкусный.

— Я чай без сахара пью, — предупредила девочка.

— Я тоже, — устало вздохнул Чижииков. — Сумеешь заварить?

Ника только фыркнула в ответ, вскочила — она все делала быстро, порывисто — чуть не наступила на Шпунтика, схватила заварочный чайник, сполоснула кипятком, вскрыла пакет с пуэром, понюхала, одобрительно потрянула челкой, насыпала три ложки, залила кипятком и закрыла. Подождала немного, слила из чайника часть воды, долила доверху кипятку и только потом села на место. Чижииков поймал себя на том, что ему нравится наблюдать за Никой.

— Ощущается отсутствие женской руки, — заметила она и посмотрела на Чижиикова, подперев подбородок кулачком. —

И пыль, между прочим, нужно хоть иногда вытирать. И — погладьте кота.

Котя расхохотался.

— Да кто ты такая? А?

Ника в ответ только загадочно улыбнулась.

— Понял-понял. Сначала надо выпить чаю, — Чижииков положил дымящуюся сигарету в пепельницу и отправился в гостиную за красивыми чашками с блюдцами. Ему хотелось, чтобы на столе были именно красивые чашки — с синими китайскими узорами. Не те, что подарил Громов, а старые, еще дедовы. Нет женской руки, так пусть будут красивые чашки.

Вернувшись, он застал Нику, увлеченно роющуюся в мешке с «гостинцами». Когда Чижииков, звеня чашками, вступил в кухню, девочка как раз рассматривала красивую коробочку с ярким рисунком.

— Что это? — с детской непосредственностью спросила она Чижиикова. — Плейер, да? Да? Да?

Котя поставил чашки на стол, взял у нее коробочку, посмотрел.

— Да, — подтвердил он. — Очень похоже. А ты знаешь, что...

— Знаю, — виновато кивнула Ника. — Брать чужие вещи без спроса нехорошо. Мне дедушка говорил. Но я же так — просто посмотреть, а потом положу на место. А?

И она так посмотрела на Чижиикова, что тот кивнул: просто посмотреть. Понятно. Шагнул к чайнику, поднял крышечку: вроде, все в порядке. По крайней мере, от того чая, который заваривал в его присутствии Громов, вроде, ничем не отличается.

— Я вашу сигарету выбросила, — доложила его спине Ника. — Она очень воняла.

Котя разлил темную, почти черную жидкость по чашкам.

— Землей пахнет, — сказала Ника. — Хорошо пахнет. Вкусно. Между прочим, я чай с вареньем пью. У вас есть клубничное?

— Нет, ты меня до ручки доведешь... — пробормотал Котя и достал из холодильника банку. — На. Не клубничное, правда. Смородина. Черная.

— Сойдет, — махнула рукой девочка и сунулась в шкафчик. Добыла из него пару розеток и в момент набросала в них варенья.

Наконец, они чинно сели друг напротив друга и стали пить чай.

Наступила тишина. Но не надолго.

— Чашки красивые, — нарушила молчание Ника, хитро посмотрев на Котю. — А как ваша фамилия?

— Чижииков, — признался тот. — А ты будто не знаешь.

— А его как зовут? — не обращая внимания на последнюю реплику Коти, снова спросила Ника, указав на кота. Чижииков уже начал привыкать к ее манере со всей непосредственностью не отвечать на некоторые вопросы.

— Шпунтик. Его зовут Шпунтик. А тебя зовут Ника. И ты не девочка из будущего, а совсем даже внучка Вениамина Борисыча Бунина, антиквара.

— Точно! — заулыбалась девочка и запустила ложечку в варенье. — А вы почему не едите?

— Не люблю сладкое.

— А я люблю! — Ника отхлебнула чая. — Правда, вкусный. А между прочим...

— Стоп-стоп, — перебил Чижииков. — Давай по порядку.

— Давайте, — с готовностью согласилась Ника и во все глаза уставилась на Чижиикова.

— Так что, ты говорила, тебе от меня надо?

— А я говорила? — удивилась Ника. — Я не говорила. Вот про то, что курить вредно, я говорила, а про то, что мне что-то надо, не говорила...

— Ника, — Чижииков посмотрел девочке в глаза. — Перестань морочить мне голову. Тебе лет тринадцать, а может, и четыр-

надцать, но ты, я вижу, уже в совершенстве научилась компостировать мозги окружающим. Так вот, немедленно прекрати это и отвечай на вопросы...

И тут взвыл Шпунтик.

Чижигов уже слышал такой вой неоднократно: когда кот ни с того ни с сего вдруг яростно принимался биться с пустотой. Котя, вздрогнув, развернулся — и увидел: из кухонного угла на него надвигался прозрачный, еле видимый человеческий силуэт, странно похожий на те мимолетные видения — фантомные лица, которые Чижигов краем глаза ловил в собственных окнах. Котя остолбенел, ушедшее было беспокойство и предчувствие беды вновь охватили его. А Шпунтик, яростно шипя, отважно бросился на призрака — стал драть ноги когтями. Прозрачный запнулся, беззвучно заплесал, уворачиваясь от когтей, но от Шпунтика было не так просто отделаться.

— Ух ты! — воскликнула рядом Ника. — Они уже здесь!

Чижигов вздрогнул, возвращаясь к действительности, с трудом оторвался от фантастического зрелища схватки кота с призраком и перевел взгляд на девочку. Она тоже следила за сражением — с откровенной тревогой. Потом сунула руку в кармашек платья.

— Между прочим, — заявила Ника, посмотрев на Чижикова, — являться в гости без спроса некрасиво. Правда же?

И вытащила из кармашка небольшую темно-красную пирамидку. Поставила ее на стол и щелкнула по вершине пальцем. Прозрачный силуэт тут же как ветром сдуло — он мгновенно пропал где-то в стене, а обескураженный внезапным исчезновением противника Шпунтик не сумел изменить направления прыжка и со всей дури врезался в стойку раковины.

— Бедный котик! — Ника бросилась к взъерошенному коту. — Сильно ударился? Где болит? — присела она рядом.

— И... И что это было? — подал голос Чижииков. Он не успел даже со стула встать, как все уже кончилось. — Что это было, я тебя спрашиваю? Ника! Ника же!

— Это? Ах, это! Это гость из прошлого, — буднично объяснила Ника, почесывая за ухом ударившегося Шпунтика. — Вы не обращайте внимания, теперь это совсем-совсем неважно. Лучше погладьте кота! Ну погладьте!

Она с видимым усилием подняла Шпунтика на руки и поднесла к Чижиикову. Кот, что интересно, совершенно не возражал против такого обращения, а оказавшись рядом с хозяином, посмотрел на него вопросительно: почему до сих пор не гладишь? Тебе же сказали: погладь кота!

Чижииков взял Шпунтика у Ники — при этом кот недовольно мяукнул, — посадил себе на колени и послушно принялся чесать за ухом, а девочке сказал повелительно:

— Ну-ка сядь!

Ника заняла свое место. Пирамидка стояла как раз посреди стола.

— Что это такое? — кивнул Котя на пирамидку.

— Это? Ах, это... — Ника хитро прищурилась на Чижиикова. — Это такая особенная вещь, которая прогоняет гостей из прошлого. Между прочим, волшебная. Очень сильное колдунство.

— Слушай... — Чижииков в который раз тяжело вздохнул. — Ты, вроде, достаточно взрослая и сообразительная...

— Спасибо.

— Не перебивай! Так вот... Поправь меня, если я где-то ошибаюсь. Итак. Ты ждала меня на лестнице. Ты решила попить у меня чая. Ты съела мой батон и мою колбасу. Ты пьешь мой чай. Ты ешь мое варенье. Ты подружилась с моим котом. Ты поставила вот это на мой стол. Пока все правильно?

— Все, — кивнула девочка. И тут же спросила. — А что, вам жалко чая и колбасы?

— Не в этом дело, — Чижииков спустил кота на пол и закурил.

— А в чем?

— А в том, что я тебя в первый раз вижу. До сегодняшнего дня я и не подозревал, что у Вениамина Борисыча есть внучка, но это и не важно. А важно то, что ты пришла под дверь моей квартиры, теперь сидишь в моей кухне, а только что сюда приперся какой-то прозрачный тип...

— Гость из прошлого, — уточнила Ника.

— Да, допустим, гость из прошлого. И этот самый гость явно хотел присоединиться к нашей компании. Быть может, попить с нами чая или съесть немного варенья. Я допускаю, что он, возможно, даже хотел погладить моего кота. Но ты каким-то образом, с помощью вот этого...

— Волшебной пирамидки, — уточнила Ника, внимательно глядя на Чижикова.

— Не перебивай... Да, с помощью волшебной, если хочешь, пирамидки...

— Я не хочу, это она хочет, — показала на пирамидку Ника.

— ...Да, пирамидки этого прозрачного типа прогнала прочь, — наконец закончил Чижиков. — Все правильно?

— Все.

— Отлично! — воодушевился Котя и стряхнул пепел. — Вот и скажи мне теперь: зачем ты меня ждала, кто это был и что тебе вообще от меня надо?

Теперь вздохнула Ника.

— А можно мне еще чая? — спросила она.

Терпеливый Чижиков молча встал, налил в ее чашку чая и сел обратно. И уставился на девочку выжидательно.

— А сколько комнат у вас в квартире?

— Ника!

— Между прочим, это некрасиво: вот так приставать и настаивать.

— Ника!! — Чижиков повысил голос. — Или ты отвечаешь на мои вопросы, или до свиданья. Я даже провожу тебя до двери.

— Не надо до двери, — попросила девочка. — У вас чай вкусный и кот хороший.

— Тогда отвечай.

— И-э-э-х... — Ника снова подперла подбородок кулачком. — По порядку отвечать?

— По порядку.

— Я вас ждала потому, что так проще всего с вами встретиться. Приходил сюда гость из прошлого. Это такие люди, которые жили на Земле много-много лет назад и теперь настолько истончились, что стали прозрачными. Я его прогнала. И мне ничего от вас не надо. Просто я должна быть рядом, — выпалила она и посмотрела на Чижикова честными голубыми глазами. — Вот.

— Очень трогательно, — усмехнулся Котя. — И почему же, интересно, ты должна быть со мной рядом?

— Я должна! — воскликнула Ника так, будто это все объясняло.

— А если я против? Не захочу, то есть? У меня уже есть кот.

— Между прочим, так говорить невежливо. Я — лучше кота! — нахмурилась девочка.

— Предположим, — кивнул Чижиков. — Ты, например, полезнее. Чай умеешь заваривать, пыль, небось, хорошо вытираешь, правда, не мурлыкаешь... Но это вовсе не объясняет, почему это ты должна быть рядом.

— Потому что я — ваша спутница, — сообщила девочка.

ЭПИЗОД 14

Лю Бан, младший брат

Поднебесная, уезд Пэйсянь, III в. до н.э.

День смотрителя Лю закончился поздно — как обычно. Одолевали дела, умножившиеся с объединением Поднебесной под рукою Цинь и особенно после того, как великий владыкка один за одним издал указы о строительстве дорог, возведении великой стены и создании невиданной доселе личной усыпальницы, где, не покладая рук, трудились тысячи и тысячи простых людей и искусных мастеров. Око государево надзидало за выполнением указов неустанно, доверенные люди мчались во все концы громадной страны, в столицу по всем путям двигались караваны и рабочие, и смотрителям почтовых станций приходилось изо дня в день обеспечивать бесперебойную работу этого грандиозного механизма. Принимать одних, отправлять других, готовить сменных лошадей для курьеров, а уж о том, что помимо прочего вменялось им беспокоиться о безопасности окрестных земель и подвернуть должному укрощению лихих людей, кои не перевелись пока в империи, — и говорить нечего. Прямой долг любого смотрителя - совладать с разбойниками, схватить их и, согласно государеву закону, отправить под стражей на строительство стены или дороги. Да еще в последнее время сильно увеличилось число беглых с такихстроек, и это тоже была ответственность смотрителя.

Дойдя до ворот своего дома, Лю Бан жестом отпустил сопровождающих и устало прошествовал в главный зал. Опустился на циновку около жаровни и тут только поднял глаза на Суня Девятого, мальчика-слугу, с недавних пор взятого в их дом. Сунь назвался сиротой, не помнящим родителей, но опытный смотритель понимал, что мальчик не говорит ему всей правды, и родные его наверняка отправились к Желтому источнику не по собственной воле — однако же не стал допытываться. Лю Бану мальчик приглянулся — смывленный и живой, он напомнил смотрителю самого себя в далеком детстве, а чужие тайны по нынешним временам были слишком опасны и накладны, чтобы их знать и хранить. И смотритель оставил тайны Суня Девятого на его совести, взяв мальчика в услужение, но предупредив, что ежели обстоятельства повернутся против, то он, Лю Бан, поступит по закону, нисколько не раздумывая. Девятый принял это решение со слезами на глазах и с тех пор не дал хозяину ни малейшего повода в себе усомниться.

— Подогрей-ка мне вина... — велел смотритель мальчишке, протягивая руки к огню: холодало. — И пусть передадут госпоже, что я дома и навещу ее позднее.

Сунь проворно исчез во дворе — звякнула посуда, хлопнула дверь амбара, скрипнули доски настила в галерее, раздались приглушенные голоса... Распоряжения хозяина дома выполнялись в точности.

Смотритель достал из-за пазухи несколько табличек с указами, которые привез сегодня столичный курьер и, повернув к свету, еще раз оглядел. Толку от этого было мало: Лю Бан не слишком хорошо знал грамоту, но зато хорошо помнил, как курьер оглашал текст, особенно там, где речь шла о беглых солдатах и о строжайшей необходимости их скорейшей поимки. Лю Бан сокрушенно вздохнул. Было в творящихся в Поднебесной делах что-то неправильное, нечто такое, чего сердце простого деревенского смотрителя не желало принять до конца, хотя разум диктовал по-

виноваться. Но... В былые времена настигали народ и неурожайные лихолетья, и природное нестроение — засухи и ураганы, и военные столкновения были не пустым звуком, а самой печальной обыденностью, к которой все привыкли. А теперь? Положен конец междоусобицам, Поднебесная стала наконец едина, а на трон воссел божественный владыка, единолично вершащий ее судьбы, — и отчего же так много людей в бегах, почему чуть ли не ежедневно в столицу тянутся колонны преступников, как получилось, что народу стало жить не лучше, а хуже?..

Скрипнули ступени у входа, и Лю Бан поспешно отогнал крамольные мысли: на коленях к нему почтительно подполз Сунь Девятый, обеими руками держа чашу с вином.

— Поставь... — бросил смотритель. — И иди.

Вино оказалось в самый раз — и не горячее, и не холодное. Мальчишка схватывал все буквально на лету. Смышленный. Интересно, что будет с ним после?..

Послышавшийся откуда-то из-за спины, из темноты задней комнаты шорох заставил смотрителя поставить чашу на место и резко оглянуться.

— Кто здесь?

Не очень уместный, скорее, инстинктивный вопрос: кто может без спросу оказаться в доме смотрителя, человека, во власти которого все окрестные земли? Кто осмелится тревожить его покой?

Тишина.

Наверное, показалось.

Смотритель снова взялся за чашу, отхлебнул, уставился на огонь в жаровне. Завтра по утру предстояло снарядить отряд из пойманных беглых и под надзором солдат отправить его в столицу, потом...

Очередной шорох заставил Лю Бана расплескать вино и вскочить на ноги. Тут уж ошибки быть не могло: смотритель слышал отчетливо. В задней комнате кто-то был.

Запалив факел от огня жаровни, Лю Бан приготовил нож и крадучись двинулся к дверному проему. Кликнуть стражу никогда не поздно — хотя это казалось самым разумным. Уж чем-чем, а смекалкой смотритель отличался с юных лет — природный пытливый и хитрый ум сделал его самым удачливым из братьев Лю, хотя и был Лю Бан в семье по счету третьим. Но что-то удерживало смотрителя от того, чтобы благоразумно позвать на помощь. Быть может, мысль о великих героях, бесстрашно встречавших опасность грудью, но всего вероятнее — неясное предчувствие, которому смотритель верил, ибо до сего дня подобные предчувствия его не подводили.

Подкравшись к двери, Лю Бан выждал мгновение, а затем выставил вперед факел и прыгнул в комнату.

Там, позади лежанки, у короба с носильными вещами, согнулся в три погибели человек, стараясь укрыться от света — лица видно не было, лишь широкая спина в грязном, покрытом пятнами халате предстала взору смотрителя.

— Кто ты? — негромко спросил Лю Бан, изо всех сил сжимая обмотанную веревкой рукоять широкого ножа. — Зачем притаился в моем доме? Встань, покажись.

Прятавшийся разогнулся — и смотритель, подняв факел повыше, с удивлением узнал в нем своего старшего брата Лю Кана, служившего десятником в государевом столичном войске. Лицо брата было таким же грязным, как и его халат, а взгляд — испуганным и затравленным. И это удивило Лю Бана еще больше, ибо он всегда почитал старшего брата за образец силы и уверенности в себе, один только вид его обычно успокаивал самых жарких спорщиков.

— Братец... — прошептал Лю Кан почти жалобно. — Только тише, тише!

— Что случилось? — смотритель оглянулся и присел на край лежанки. — Как ты здесь очутился, почему? Что с твоей одеждой?!

— Тише! — прошипел старший брат, вынырнув из-за короба и присев на пол у ног Лю Бана. Десятник старался быть как можно меньше и незаметнее. — Никому не говори, что я здесь. Молю тебя, братец!

— Да, но... — начал было смотритель, но под умоляющим взглядом брата осекся. — Ты посиди тут немного, а я пойду замкну двери и проверю, нет ли кого. Потом вернусь и мы поговорим. Хорошо?

— Хорошо.

Лю Бан пересек зал и выглянул во двор: стражники коротали время у костра, на ступенях сидел Сунь Девятый и с любопытством смотрел на звезды. При виде хозяина мальчик вскочил, взглянул вопросительно. Смотритель поманил его.

— Могу ли я доверять тебе?

— О, хозяин Лю! Всецело, всецело! — мелко закланялся слуга.

Лю Бан испытующе посмотрел юному Суню в глаза. И не нашел в них ничего, кроме преданности. Но сколько было примеров простого и безыскусного предательства с преданностью во взоре! Смотритель вздохнул. Выбирать было не из чего.

— Хорошо же, — сказал он. — Выкажи свою преданность этим вечером.

— Что мне сделать, хозяин?

— Ты сядешь тут, — Лю Бан указал на самую верхнюю ступеньку. — Ты сядешь, а я закрою двери изнутри. У меня важнейшее дело. Наиважнейшее. Мне нельзя сейчас мешать. Поэтому ты будешь сторожить, и если кто-то попытается войти, ты предупредишь меня... э-э-э... — смотритель искательно щелкнул пальцами.

— Я закричу? — предположил слуга.

— Ты закричишь, — согласился смотритель. — Понятно ли тебе?

— Понятно, хозяин, — закивал мальчик. — Очень хорошо понятно. Очень крепко.

— Ну ладно.

Затворяя двери, Лю Бан увидел, как Сунь Девятый сел на указанное ему место, спиной к двери, лицом ко двору, и напряженно выпрямил спину, оглядывая двор.

— Ну что же... Никого нет, старший брат, — вернувшись к десятнику, сказал Лю Бан. — Возьми. Ты, наверное, голоден, — протянул он брату недопитую чашу с остывшим уже вином и несколько рисовых колобков.

Лю Кан отложил пику, с благодарностью принял еду и тут же торопливо набил рот рисом. Вид у него был отчаянный.

Смотритель глядел на жующего брата в задумчивости. Он не мог решить, хочет ли знать, что произошло с Лю Каном, служившим на хорошей должности, которой завидовали и о которой мечтали многие, а теперь отчего-то прячущимся в задней комнате их родового дома, куда брат пробрался подобно вору, тайно и незаметно. Смотритель не был уверен, что ему действительно нужно знать, отчего десятник императорской гвардии вдруг обратился в грязного беглеца в порванном халате. Но ведь это был его старший брат...

Видимо, Лю Кан почувствовал всю тяжесть охвативших младшего брата раздумий, потому что перестал есть и насто-роженно посмотрел на него — снизу вверх.

И этот взгляд — такой с детства знакомый, но сейчас наполненный откровенным страхом, неуверенностью и надеждой — решил последние сомнения смотрителя.

— Нувот что, старший брат, — улыбнулся Лю Бан. — Допивай-ка вино и рассказывай, что с тобой произошло.

Казалось, Лю Кан только и ждал этого. Речь его, торопливая и сбивчивая сначала, в конце приобрела обычную размеренность: обретя слушателя в лице младшего брата, десятник на глазах возвращал себе былую уверенность. Теперь он был не один.

Лю Бан же, напротив, погружался во все большую задумчивость по мере того, как старший брат двигался к концу своего рассказа.

Уверенность в том, что, выслушав брата, он поступит правильно, не исчезла, нет, но подверглась серьезному испытанию.

Потому что Лю Бан узнал, что на императорских гвардейцев, согласно высочайшему указу обследовавших одно из удаленных от столицы поместий в поисках запрещенных книг, внезапно и дерзко напали. И всех перебили. А было тех гвардейцев два полных десятка, во главе с сотником Ма, воином бывалым и прославленным, который сопровождал в поместье не кого-нибудь, а императорского советника, человека поистине всемогущего. И вот все эти воины пали — пали от руки неизвестного врага, которого никто и разглядеть толком не успел. Лю Кан твердил лишь, что враг появился из темноты, был черен как ночь и возникал из ниоткуда — со всех сторон, разя стремительно и беспощадно. И если бы не случайно поднявший тревогу воин, лежать бы и Лю Кану там же, порубленному стремительными мечами нападающих, а то и, как свояк Ван, валяться с тяжелым ножом между лопаток. Если бы не связанный книжник Фэй Лун, в последний момент указавший обезумевшему от страха десятнику, где найти тайный ход, ведущий за пределы поместья. На узких, кишевших старыми корнями стенах этого хода, больше напоминающего барсучью нору, и оставил Лю Кан лоскуты своей одежды. Напрягая последние силы, десятник свернул за очередной, бесчисленный, поворот, выбрался на свежий воздух, но потом опомнился, сунулся назад и стал дергать за все толстые корни подряд — ведь Фэй Лун сказал, что один из корней обрушит тесные своды, засыплет проход и отрежет его от преследователей... Судя по всему, так и вышло: Лю Кан, оказавшись посреди дикой степи без малейших признаков жилья, отбежал от выхода их норы на приличное расстояние, схоронился за холмиком и, до судорог в пальцах сжимая копьцо, с которым так и не расстался, всматривался в ночь до самого рассвета — но никто за ним так и не пришел. Тогда Лю Кан, сориентировавшись по сторонам света, стал пробираться

в родные места. Он не знал, куда еще податься — Лю Кан не мог представить, какое наказание ждет его, если он вернется в столицу, десятник думать не хотел, как советник Гао отреагирует на то, что он не погиб...

— Он как птица взлетел на тропила, брат, — отхлебнув вина, продолжал Лю Кан. — Он пробил черепицу и... я не видел, что было дальше, но веришь ли, я просто уверен, что советник Гао жив! И я... я не знаю, что теперь будет... Ты прости меня, — коротко взглянул он на Лю Бана. — Я дурно поступил, что пришел сюда. Ведь теперь я получаюсь беглый, а ты — ты ведь смотритель, ты должен выдать меня властям... Ну что же! — горько мотнул Лю Кан головой. — Пусть так и будет. Я не хочу, чтобы наша семья отвечала за меня.

— Что ты говоришь, брат!..

— Да! Если ты не выдашь меня, кто-нибудь другой увидит и выдаст, а тогда уже пострадают все. Лучше тебе прямо сейчас связать меня, а утром отправить со стражей в столицу. Нет другого выхода... Ну же! Вяжи меня!

— Старший брат, — Лю Бан горько посмотрел на десятника. — Быть может, времена настали трудные, но я ничуть не изменился, и мы с тобой по-прежнему братья. Я никому тебя не выдам. И никто тебя не увидит. Ты будешь жить здесь, в этой комнате, я буду тебя кормить, а дальше... А потом посмотрим. Если в той усадьбе убили всех, то и тебя искать не будут. Я постараюсь тайно разузнать, как и что. Пройдет какое-то время и ты сможешь выйти.

— Ты не понимаешь... — Лю Кан поднялся с пола, присел рядом с братом на лежанку и зашептал: — Ведь там, в усадьбе, я видел нечто такое...

— Что? — тоже шепотом спросил Лю Бан.

— Это... Лучше я не буду говорить, — покачал головой десятник. — Мало того, что я беглый, а тут, я чувствую, кроется ужасная тайна... Не было бы еще хуже.

— Да уж куда хуже... — пробормотал занятый невеселыми мыслями Лю Бан.

— Нет-нет, брат, это правда... хуже, — горячо зашептал десятник. — Если откроется, что я не погиб, станет ясно: я знаю нечто такое... о чем мне знать никак не положено... Например, что советник Гао на самом деле совсем не такой, как обычно... ну да ты его не видел... И еще...

— Знаешь, брат, — решительно сказал Лю Бан. — Все равно получается, что я тебя укрываю, так что не мнись, а говори толком: какие-такие ужасные тайны ты узнал?

— Я видел... — старший брат выпучил глаза, — я держал в руках удивительную вещь. Она такая... как ртуть, но твердая, она щиплется, она сверкает — святые-бессмертные изготовили ее в своем чертоге, не иначе! Это был отрез ткани, но ткани поразительной, не из мира людей! И в нее была завернута книга...

— Какая книга?

— Про то мне неизвестно, брат... Это ты грамоту знаешь, а я... — Лю Кан махнул рукой. — Книга... Тоже, верно, волшебная, про тайные знания святых-бессмертных, про секреты их. И ее взял советник Гао, вот что!

— Да-а-а... — протянул пораженный наблюдатель. — Это... плохо, это очень плохо. Тут недолго и головы лишиться.

— Так я тебе и говорю!..

— ...А потому повторю тебе еще раз: ты будешь сидеть тут, в этой комнате, тихо как мышь. Столько, сколько потребуется. А я при удобном случае скажу, что ты пропал в военном походе, не вернулся. Никто тебя искать не будет. Так мы сами спасемся и семью убережем.

Лю Кан горестно вздохнул, закивал.

— Спасибо, брат, спасибо... Но это еще не все.

— О чем ты?

— Да вот... — Лю Кан бережно достал из-за пазухи тряпицу, развернул. — Сам не знаю, братец, как это получилось... Я ког-

да ту книгу держал в руках, из нее вещица одна выскользнула и прямо мне в пальцы... И я ее советнику Гао не отдал сразу, испугался очень, а потом уж поздно было, на нас черные напали, я и думать про нее забыл... Так что я прихватил вещицу с собой. Смотри...

На ладони Лю Кана лежал небольшой мешочек из плотного узорчатого шелка с туго затянутой шнурком горловиной.

— И что там? — спросил смотритель.

— Я не знаю... — прошептал Лю Кан. — Я не посмел открыть...

— И правильно! — раздался вдруг чей-то тихий голос, совсем рядом.

— Кто тут?! — шепотом вскричал Лю Бан, вскочив на ноги и выставив перед собой нож. — Кто посмел тайно проникнуть в дом смотрителя?!

Из темного угла на свет шагнул человек — худощавый, с лицом бледным, словно вырезанным из молочного нефрита. Глаза его ярко сверкали — будто ясные жемчужины — в неверном свете факела.

— Книжник Фэй... — потрясенно проговорил Лю Кан. — Но как?..

— Я не враг вам, успокойтесь — улыбнулся Фэй Лун, делая в сторону братьев еще один маленький шаг и выставляя перед собой пустые ладони.

— Кто он? — не отводя настороженного взора от пришельца, спросил смотритель брата.

— Тот книжник, у которого мы нашли библиотеку... — ответил Лю Кан, вытаращенными от изумления глазами разглядывая спокойно стоявшего Фэй Луна. — Он мне и подсказал, как из поместья бежать да за какой корень дернуть... Но только... Он был связан и совершенно беспомощен... Его должны были тоже убить. Да он, верно, дух умершего, злобный призрак, пришедший взять мою ничтожную жизнь за то, что я бросил его и

стал причиной его гибели! Сжался, сжался, душа умершего! — Лю Кан упал на колени, стал бить в сторону Фэй Луна земные поклоны. — Братец, что же ты? Моли духа о прощении!

— Тише, тише! — приложил тонкий палец к губам книжник. — Вы ведь не хотите, чтобы нас кто-то услышал?

Лю Бан хлопнул брата по плечу, по-прежнему сжимая в другой руке нож, направленный прямо в грудь Фэй Луну.

— Дух он или не дух, а говорит верно...

— Давайте сядем и спокойно все обсудим, — видя, что Лю Кан перестал кланяться, предложил книжник. — Заверяю вас обоих, что я вовсе не дух, а живой человек из плоти и крови. И я не имею никаких злых намерений в отношении вас. Ни в отношении тебя, Лю Кан. Ни в отношении тебя, Лю Бан.

— Хорошо же, — Лю Бан опустил нож. — Тогда скажи, как ты проник в дом и почему тебя не увидел мой слуга, которому настрого велел я сторожить вход и подать мне знак в случае опасности?

— Мне ведомы многие тайные искусства, о которых простые люди и знать не знают, — ответил Фэй Лун, садясь на пятки напротив братьев. — Это пока вне вашего разумения. Достаточно будет сказать, что сторож твой, Лю Бан, спит сладким сном на ступенях лестницы. Но ты не вини его. Это я заставил его спать.

— Так... — Лю Бан судорожно соображал, как теперь быть. — И зачем ты явился сюда?

— Я тайный страж амулетов Желтого императора, — коротко поклонился братьям Фэй Лун, словно представляясь. — И это само по себе — громадная тайна, которую я ныне по своим причинам доверяю вам. Мы людям неведомы, но живем среди вас незримо уже много-много лет.

— Так ты все же бессмертный? Я же говорил! — толкнул Лю Кан зрителя локтем в бок.

— Нет, я не бессмертный, — улыбнулся Фэй Лун. — Просто мы, стражи амулетов, передаем свой долг служения друг дру-

гу из поколения в поколение, от отца сыну. От самого Желтого императора и до наших дней. Большого я сейчас не могу вам открыть.

— Но... Почему же ты спас моего неразумного брата? Ему ведомы никакие тайны, он простой человек...

— Потому что таково было веление судьбы, — снова улыбнулся книжник. — Великое Небо ясно указало мне, что путь одного из амулетов Желтого императора ведет в твои руки, Лю Бан. А препятствовать велениям Неба неуместно. — Книжник перевел взгляд на Лю Кана. — Прости меня, десятник, но то, что лежит у тебя на ладони, предназначено судьбой отнюдь не тебе, но твоему младшему брату. Этот амулет нельзя отнять, им нельзя завладеть силой, его можно или обрести случайно, или получить в дар. Поэтому я очень надеюсь, Лю Бан, что твой старший брат отдаст тебе вещь, назначенную тебе самим Небом.

— Конечно-конечно! — Лю Кан тут же сунул мешочек смотрителю, будто от ядовитой змеи избавился. — Возьми скорее, братец.

— Ладно, — смотритель сжал мешочек в кулаке. — Но скажи мне... Фэй Лун, кто были те, что убили всех людей моего брата и сотника Ма и его людей тоже?

— Это были слуги Чи-ю, давнего врага Желтого императора. Давным-давно Желтый император поверг его, но слуги остались. О большем не спрашивай.

— Ладно, — снова произнес смотритель, оценивающе глядя на книжника. — А как тебе удалось избежать смерти — это ты можешь нам открыть?

— Слуги Чи-ю не могут причинить мне вред, — отвечал Фэй Лун с усмешкой. — Моя жизнь не подвластна их силам.

— Отчего же ты, такой всемогущий, позволил схватить себя и связать? — спросил Лю Кан. — Отчего не бежал, используя ведомое тебе тайное искусство?

— А как бы тогда ты передал брату то, что должен был? — улыбнулся Лю Кану книжник. — Вы бы просто сожгли книги.

Братья переглянулись. Во взоре Лю Кана явно читалось: ну вот, братец, я свое дело сделал, хотя и не знал о том, а уж теперь ты... Изрядная доля облегчения была в его взгляде.

Установилась тишина, нарушаемая лишь тихим треском факела.

— Что теперь? — спросил Лю Бан после долгого раздумья. — К чему все это? И это? — указал он на шелковый мешочек.

— К тому, о Лю Бан, что суждены тебе великие дела. И тот, кто, ослепленный самомнением, осмелился взять себе титул «хуан», чего не было со времен Желтого императора, недолго теперь будет терзать Поднебесную. И поможет тебе в этом древний амулет. Взгляни на него! — велел книжник. — Достань, возьми в руку, ощути мощь истинного владыки.

Лю Бан послушно распустил тесьму мешочка, вытряхнул на ладонь сверкающую фигурку дракона — и сильно, всем телом вздрогнул. Смотритель хотел было отбросить фигурку прочь, но Фэй Лун не позволил: насильно сжал его ладонь и держал так некоторое время, а потом отпустил — и, повернув Лю Бана лицом к свету, заглянул в глаза.

— Свершилось... — тихо прошептал книжник, не отводя взгляда от лица смотрящего. Лю Кан взирал на происходящее в изумлении, забыв закрыть рот.

ЭПИЗОД 15

Как потерять Нику

Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года

«Все-все... Хватит, достаточно», — так думал Чижиков, уединившись в ванной и отвернув кран на полную мощность. Холодная вода хлестала в раковину, брызги летели во все стороны, в том числе и на самого Котю, но он не обращал на это ровно никакого внимания. Наоборот, холодные капли действовали отрезвляюще. Чижиков сложил ладони ковшиком, подставил под струю и с удовольствием плеснул воду в лицо. Еще и еще раз.

Ух.

Как жаль, что поздней весной, а уж тем паче летом, вода в питерских трубах не остается такой же студеной, как зимой! Но и такой воды Чижикову оказалось довольно, чтобы хоть как-то привести себя в порядок и начать собираться с мыслями.

Он ушел из кухни сразу же после того, как девочка Ника сообщила ему, что она — его спутница. Вот посидел с полминуты после этого потрясающего заявления, а на языке вертелось ехидное: «Видимо, теперь я должен на тебе жениться?», — но Чижиков удержался, помолчал, поразглядывал Нику, потом пирамидку, медленно встал, ушел в ванную, заперся изнутри и отвернул кран. Воду включил Котя практически машинально: он видел, как в кино про разведчиков так делали, когда не хотели, чтобы их кто-то подслушал. Но кто мог подслушать его, когда в ванной он был один и вслух говорить не собирался? Об этом Чижиков не думал.

Он думал о том, что вот это все — невесть откуда нагрянувшая нахальная, но странным образом к себе располагающая девица, вдруг выскочивший из воздуха прозрачный человек, красная пирамидка, необъяснимо куда-то этого человека выкинувшая — все это как-то уже слишком. Слишком странно, слишком необычно. Всего этого было — слишком.

Теперь Котя глядел на предстоящую поездку в Китай почти с облегчением: в родном городе вокруг него происходили такие события, которые с некоторых пор стали Чижикова не просто настораживать, а откровенно пугать. Причем боязнь эта — не за себя любимого, а за случайно попавшего к нему дракона. Опасение, что у него дракона хотят отнять, отобрать, выманить. Заставить расстаться с удивительным предметом. Такая перспектива Чижикова не устраивала.

Сидя в ванной, слушая воду и облизывая мокрые губы, Котя понял, что должен предотвратить возможные покушения на дракона. Быть может, девочка Ника, как и Сергей, хочет завладеть им? Кто она вообще такая? Внучка антиквара Бунина? Возможно: Котя не столь хорошо был знаком с антикваром. А если нет?..

Да ну! Она еще маленькая.

— Она еще маленькая... — задумчиво пробормотал Чижи-ков.

Нет-нет, все. Хватит. Достаточно.

Нужно что-то делать.

Например, избавиться от назойливой девочки, нахально объявившей себя его спутницей. Да что это, черт возьми, вообще значит: спутница? Она что, теперь постоянно следом будет таскаться? Сидеть в моей кухне, есть из моей тарелки, спать на моем диване и смотреть мой телевизор?!

Вот уж вряд ли.

Просто попросить ее выйти вон? Взять за шиворот или даже за ухо и выставить на лестницу? Так ведь может начать орать

как резаная и что подумают соседи и вообще люди? Девчонка же. Чижииков повышенной деликатностью не отличался, но и грубым тоже не был. Нет, надо как-то иначе. Надо ее выманить, а потом потерять где-нибудь в городе. И не открывать дверь, если вернется. Не будет же эта Ника дежурить под дверью и ночью? Ночью дети обычно спят. По крайней мере, если у нее есть дедушка, он ведь должен присматривать за внучкой и интересоваться, где она шляется. Или родители. Словом, обычно дети спят дома. А завтра мы со Шпунтиком уже улетим в Пекин.

Приняв такое решение, Чижииков почувствовал себя увереннее. Он подхватил с крючка полотенце, вытер лицо, взял щетку для волос, глянул в зеркало... и застыл с поднятой рукой.

Правый глаз у него был голубого цвета, а левый — зеленого. Такого спокойного, но вполне насыщенного, очевидного цвета.

Котя раскрыл рот, а потом закрыл. Протер зеркало полотенцем. Ничего не изменилось: один глаз голубой, другой зеленый. Зажмурился и как следует протер глаз. Открыл: все по-прежнему. Правый — голубой. Левый — зеленый. При этом никаких проблем со зрением Чижииков не обнаружил. Что за?..

— Спокойно! — негромко сказал себе Котя. — Спокойно.

Интересно, и давно это уже? И что теперь делать?

Стоп: ведь дед Вилен написал в дневнике, что и у него один глаз стал зеленый. После того, как дед... прикоснулся к дракону. И между прочим, Громов тоже упоминал о своем китайском партнере... как его... Гу... Гу Пинь, что ли?.. говорил, что глаза у него разноцветные.

Чижииков опустил на край ванной.

Что же это получается? А вот что: тот, у кого этот дракон, тот, кто подержал его в руках и познакомился с его свойствами, расплачивается за это тем, что один глаз становится зеленым, а другой — голубым. И еще это значит, что таких драконов су-

ществует несколько, потому что он, Чижигов, здесь, в Петербурге, и дракон вот, у него в руке, а Гу Пинь — он в Пекине. Понятно, откуда у Гу Пиня такая удачливость в делах, о которой рассказывал счастливый Дюша: Гу Пинь просто «пробивает» конкурентов, партнеров и вообще любого, кого необходимо «пробить», и таким образом получает информацию, в том числе конфиденциальную, и этой информацией правильно и вовремя пользуется. И делает бизнес. Все просто. Котя даже вспотел от перспектив, которые открывало обладание драконом.

А еще, раз драконов несколько, выходит, что о них знает больше чем один человек. И интерес Сергея в свете этого приобретает иной, зловещий смысл, а те неоднократные попытки, которые Сергей предпринимал давеча на лестнице, пытаясь заглянуть в глаза Чижикову, теперь становились понятны: изменение цвета глаз лучше слов скажет понимающему человеку о том, знает ли Чижигов, что еще хранилось в китайском сундучке — раз глаза разноцветные, значит, знает. Еще как знает: трогал, взаимодействовал, пользовался. То-то Сергей ярился и ругался. Ясно ведь, что Котя вряд ли по доброй воле захочет расстаться с такой замечательной вещью. И если до того шансы у Сергея были, то разноцветные глаза ясно дали понять: шансов уже нет.

Просто прекрасно.

Пойдем дальше. Только наивный человек может полагать, будто о фигурках знают исключительно Сергей, Чижигов и, допустим, еще несколько человек. Феномены, обладающие такими поразительными свойствами, никак не могут долго оставаться вне поля зрения государственных и иных могущественных структур. Информационные потоки ежедневно отслеживаются, фильтруются, процеживаются, и трудно представить, чтобы внешние проявления действия фигурок ну совсем не привлекли внимания сильных мира сего — ведь не вчера же они объявились, дед Вилен свою в бюстике Мао еще в пятидесятых схоронил! Чижигов внимательно смотрел «Секретные

материалы» и хорошо помнил, как Малдер и сопровождающая ему Скалли добывали информацию — а ведь это им еще палки в колеса ставили все, кому не лень! И что он, конкретно взятый Котя Чижиков, сможет противопоставить, например, спецназу в черном, в один прекрасный день вламывающемуся в окна и дверь его квартиры на предмет отобрать дракона силой? «Пробьет» президента России?..

Еще замечательнее.

Бог знает до чего можно додуматься. Мурашки по коже от открывающихся перспектив. Просто руки опускаются, когда о таком вот подумаешь... Если тот же Гу Пинь научился использовать попавшего ему в руки дракона в своих интересах, то какую ценность подобный предмет должен приобрести в глазах какого-нибудь мультимиллионера, цель жизни которого — неустанное расширение своей личной империи, своего частного государства? Да того же Андрея Гумилева, в конце концов, — есть ли что-то, ему недоступное?..

Чижиков внезапно ощутил себя ничтожной букашкой, слишком медленно и слишком слепо ползущей по невообразимо громадной сфере мироздания и в наивном ослеплении своим принимающей сферу за плоскость, маленькую и предельную, покоящуюся на спинах трех слонов, стоящих на черепахе, дрейфующей в океане. Да, иногда и Земля похожа на чемодан, но это — всего лишь повод для иллюзий, не более.

Нет, все, буквально все складывается против него, одинокого и маленького Чижикова. Сама жизнь буквально выдавливает его из любимой квартиры, любимого города и самой России, призывает к бегству.

Беги, Котя, беги.

Котя еще раз взглянул на себя в зеркало, сосчитал до десяти, постарался взять себя в руки, немного успокоился и твердо решил разбираться с проблемами по мере их возникновения. А что еще оставалось?

Так, в каком-то ящике стола валялись темные очки от солнца. Это первое. Второе — отделаться от Ники. Собрать вещи, купить Шпунтику клетку-переноску и до отъезда в Пекин постараться не влипнуть ни в какие неприятности. Лучше вообще все время просидеть дома, запершись на замок и заложив дверной крюк.

И Котя, выключив воду, покинул ванную.

Завидев его, Ника перестала чесать Шпунтика за ухом и радостно улыбнулась.

— Все хорошо?

— Да, — вымученно улыбнулся в ответ Чижигов. — Все просто отлично. На улице летает тополиный пух, у меня на кухне пьет чай незнакомая девочка, завтра я улетаю в Пекин, а переноску для кота до сих пор не купил.

— Ой, уже завтра? — широко открыла глаза Ника, и Котя в очередной раз удивился их теплой голубизне. — И кот тоже летит?

— Летит, — кивнул Чижигов. — Кстати, мой хвостатый друг, вот твой паспорт.

Котя выложил перед Шпунтиком его документ и кот любопытно к бумаге принялся. Осторожно тронул ее лапой. И вопросительно взглянул на хозяина.

— Да, — подтвердил Чижигов. — На основании этой вот фигуры тебя пропустят через границу.

— А у меня нет паспорта... — уныло протянула Ника, разглядывая документ вместе со Шпунтиком.

— Тебе еще не положено.

— Да? А как же я тогда полечу в Пекин? — искренне удивилась Ника.

— Вот уж не знаю, — пожал плечами Чижигов. — Есть у меня одно предположение...

— Какое? — живо заинтересовалась девочка.

— Возможно, оно тебе не понравится, но... кажется, ты в Пекин не летишь. Не в этот раз.

— Это почему? — еще больше удивилась Ника. — Между прочим, я в Пекине не была и мне там все-все интересно: китайцы и... и всякое другое тоже. И если даже котик может полететь, то почему я нет? Я хочу в Пекин! — требовательно посмотрела она на Чижикова. Шпунтик тоже взглянул на хозяина с недоумением: чего это?

— Ты у дедушки спроси, — ухмыляясь про себя, ответил Котя. — Ты у него спроси, а он тебе ответит. У тебя дедушка очень умный. Кстати... — Чижиков наморщил лоб, пока Ника не начала возражать. — Мне надо найти кошачью переноску и вообще кое-что купить в дорогу, так что давай-ка, допивай чай и пошли.

— А мне нельзя подождать вас здесь?

— Нет, — покрутил головой Чижиков. — Нет, милая, нельзя.

Сказал и тут же прикусил язык: случайно сорвавшееся слово «милая» заставило взор Ники моментально потеплеть, она трогательно захлопала пушистыми ресницами и заулыбалась.

— Ну пожа-а-а-алуйста... А я обед приготовлю.

Чижиков почувствовал, что его буквально распирает желание согласиться и оставить удивительную девочку на кухне в ожидании его возвращения. Перед мысленным взором возникла Ника в кухонном фартуке, повязанном поверх коротенького платья, — стоящая у плиты и снимающая пробу с варящегося в большой кастрюле борща, и картина эта была настолько умильна, покойна и... привлекательна, что только огромным усилием воли Котя справился с собой и, опасаясь снова ляпнуть лишнее, лишь отрицательно помотал головой.

— Ах, как жаль! — всплеснула Ника руками. — Ну тогда пойдемте покупать котику переноску. Ему нужна просторная переноска, ведь он крупный, ему должно быть удобно... Хороший котик, хороший.

Девочка забрала со стола загадочную пирамидку и вприпрыжку устремилась к двери. Чижиков же заскочил в кабинет

и во втором ящике левой тумбы стола обнаружил солнечные очки. Нацепил на нос. Все, теперь он был готов.

— А вы очки надели, чтобы люди не видели, что у вас глаза разного цвета? — с невинным видом поинтересовалась Ника.
— Вы этого стесняетесь, да?

Чижииков посмотрел на нее: девочка глядела с таким искренним интересом, что только весьма изощренный в жизненных перипетиях человек или же законченный циник мог бы заподозрить ее в притворстве.

— Да, — кивнул он, — ты права: я этого стесняюсь. Ну, пошли?..

Отвязаться от девочки Ники оказалось гораздо труднее, нежели Котя предполагал.

Уже на углу Моховой и Чайковского ей вдруг приспичило срочно купить мороженого, потому что жарко, мороженое вкусное, а когда ешь мороженое, гораздо веселее, — и Чижииков моментально ухватился за это роскошное предложение. Котя тут же выдал Нике денег и направил в угловой магазин, где торговали мороженым на развес, а сам, подождав, пока за шустрой девочкой захлопнется дверь, скорым шагом устремился прочь по Чайковского. Чижииков считал, что успеет уйти достаточно далеко, пока Ника будет стоять в очереди или пока мороженое ей будут взвешивать, если очереди нет, — и девочка его потеряет. Однако план его с треском провалился: буквально через минуту из-за спины донеслось далекое, но быстро приближающееся «дядя Костя! дядя Костя!» — и обреченно вздохнувший Чижииков сбавил шаг до прогулочного, а через полминуты рядом уже гарцевала слегка запыхавшаяся Ника с двумя вафельными стаканчиками в руках. Прохожие оглядывались.

— Я взяла с орехами, очень люблю с орехами, все любят с орехами, вы ведь любите с орехами? — скороговоркой сообщила она, сунула один стаканчик Чижиикову, лизнула мороженое и с интересом спросила. — Ну, куда мы теперь идем?

— Туда, — неопределенно махнул рукой Котя. — А что, я уже дядя?

— Ну-у-у... — Ника тряхнула челкой. — Вы взрослый. Ну и вот: дядя. Это не значит, что вы на самом деле мой дядя. Так просто обычно говорят. А что, нельзя?

— Отчего же? Можно.

— Между прочим, — начала Ника, наслаждаясь мороженым, — это некрасиво: не ждать спутницу. Я бежала, бежала...

— Да-да, извини, — Чижииков размеренно шагал, жевал мороженое, не чувствуя холода, и лихорадочно прикидывал, что делать дальше. — Мне показалось, я увидел знакомого... А вот, кстати, магазин твоего дедушки. Давай зайдем?

— Зачем?

— Ну... Проведаем дедушку, сообщим, где ты находишься. Может, он волнуется, — предположил рассчитывавший сбавить антиквару его малолетнюю родственницу Чижииков. — Дети, знаешь ли, должны быть под присмотром старших.

— А дедушка знает! — улыбнулась Ника. — Он знает, что я у вас, и совершенно не волнуется. И потом, я уже не маленькая.

Чижииков смерил Нику взглядом.

— А по-моему, маленькая.

— Ничего подобного! — девочка моментально привстала на носках. — Видите? Я выше вашего плеча. Пожалуйста, не надо идти к дедушке.

Чижииков тем не менее решительно двинулся через дорогу. Но антикварный салон оказался закрыт и Ника, кажется, этому удивилась. А Котя — наоборот огорчился.

— Вот странно! — сказала девочка, впуская подергав ручку входной двери. — Наверное, ушел куда-нибудь, — легкомысленно заметила она и вернулась к мороженому. — Так мы пойдем покупать переноску для вашего кота?

Чижииков водил Нику по городу целых полтора часа. Заходя в попадающиеся по пути магазины, они добрались до Невско-

го проспекта, свернули направо, в сторону Адмиралтейства, и двинулись к Гостиному двору. Котя не прекращал попыток потерять Нику в толчее, оставить в магазине у прилавка, а самому выйти через дальнюю дверь, быстро шмыгнуть в открытый подъезд, пока девочка отворачивалась, но каждый раз Ника легко находила его — с радостной улыбкой, совершенно не обращая внимания на Котины маневры или на самом деле их не замечая, Чижигов не мог определить. Тогда он предложил подъехать пару остановок на троллейбусе и очень удачно, в последний момент, пропустил девочку вперед, позволив дверям закрыться прямо перед своим носом, но метров через десять троллейбус остановился, открылась задняя дверь и оттуда с криками «дядя Костя! дядя Костя!» выскочила растрепанная Ника... Отягощенный купленной коту переноской, а также разными другими приобретениями, половина из которых была сделана для отвода глаз, Чижигов совсем приуныл, больше попыток сесть на троллейбус не предпринимал и до Гостиного Двора они добрались пешком. Всю дорогу Ника трещала не умолкая.

Немного поплутав по бесконечным торговым залам, Чижигов вдруг вспомнил, что на втором этаже есть дивный отдел, торгующий мужской одеждой. Этот отдел обладал двумя полезными преимуществами: он был обширен, извилист, там и сям перегорожен стойками с пиджаками и прочими брюками, а прямо под отделом располагался один из входов в метро. И Котя решил предпринять последнюю попытку «потерять» девочку Нику. Он устремился на второй этаж.

Дойдя до заветного отдела, Котя стал медленно ходить между стойками, придирчиво рассматривая товар и пропуская мимо ушей многочисленные комментарии Ники из разряда «как миленько» и «такое теперь уже никто не носит». Задумчиво выбрав некоторое количество рубашек и один пиджак, Чижигов попросил назойливую девочку подержать пакет с

покупками, а сам с одеждой в одной руке и переноской в другой двинулся к самой близкой к лестнице вниз примерочной кабине.

Отгородившись от Ники плотной тканью занавески, он показательно пошуршал рубашками, а потом окликнул ее:

— Ника, будь другом, принеси вот такую, но на размер побольше, ладно?

— Сейчас, дядя Костя! — судя по звукам, девочка понеслась в противоположный конец торгового зала, где хитрый Котя выбирал рубашки.

Времени оставалось крайне мало, а потому Чижигов, не раздумывая, подхватил кошачью переноску, выглянул из-за занавеси, убедился, что кругом никого нет, а затем быстрым шагом, почти бегом покинул отдел, сожалеюще улыбнувшись кассирше: увы, ничего не подошло! — и бегом бросился вниз по лестнице в метро. Он спешил, каждую секунду ожидая крика «дядя Костя! дядя Костя!», но вот уже промелькнул мимо турникет и в тоннеле засветились огни приближающегося поезда, а девочка Ника так и не появилась, не догнала, не настигла. Наконец-то потерялась.

Котя прижался потной спиной к закрывшимся дверям вагона и, слушая стук и скрежет колес на поворотах, облегченно вздохнул: сбежал. Сбежал!

Чижигов летел в вагоне метро в сторону площади Александра Невского и думал о том, что надо затаиться где-нибудь до вечера, а как станет темно, — вернуться потихоньку домой, собрать вещи, приготовить Шпунтика и действительно засесть безвылазно дома. И ни на звонки в дверь, ни на телефон просто не реагировать. Вызвать такси — и на такси в аэропорт.

Он поднялся по эскалатору на станции «Улица Дыбенко» и неторопливо двинулся в ближайший парк, где протекала хилая речка Оккервиль и заливисто играли дети. Выбрав пустую лавочку в безлюдном месте за обширным кустом, Чижигов поставил на нее кошачью переноску, сел рядом, достал дракона.

Легкий ветерок нежно шевелил листья и в воздухе отчетливо пахло вечером.

— Ну-с, посмотрим, где эта вздорная девчонка... — пробормотал Котя, сжимая дракона в кулаке. Он представил Нику во всех подробностях, даже ссадину на худом колене, зажмурился и...

Ничего. Темнота. Пустота.

— Не понял... — Чижииков разочарованно посмотрел на дракона. — Может, у тебя завод кончился?

Он попробовал «пробить» Нику еще раз, потом еще. Никакого эффекта.

— Может, Оккервиль какие-то поля создает? Или эта фиговина не везде работает?..

Однако же определенные признаки были на лицо: Котя чувствовал знакомые легкую слабость и головокружение. Значит, предмет исправно брал энергию. Только Нику не показывал.

— И что это должно означать?

На пробу Чижииков «пробил» Сумкина и увидел Федора выходящим из магазина под названием «Норман. Алкогольный супермаркет». В руке у приятеля был черный пластиковый пакет с такой же надписью, а взгляд — рассеянно-задумчивый. Сумкин остановился у дверей, огляделся, щурясь сквозь чудовищные линзы очков, и неторопливо зашагал по улице.

От созерцания Сумкина Котю оторвал звонок мобильного телефона.

Чижииков вынул аппарат из нагрудного кармана и некоторое время смотрел на надпись «Абонент неизвестен». Вряд ли это могла быть Ника, хотя от шустрой девочки следовало ожидать всякого. Но так быстро узнать номер его сотового — это, наверное, уже слишком. Тем более для тринадцатилетнего ребенка. Хотя... дети нынче пошли ушлые. Заезаешься — подметки на ходу отрежут.

Телефон тем временем продолжал исполнять «Боже, царя храни».

Ну ладно. Котя нажал на кнопку приема.

— Алло, — по возможности не своим голосом сказал он. — Алло. Говорите.

— Не бросайте трубку.

— Если вам нужна прачечная, то это не здесь, — машинально ответил Чижилов, соображая, отчего голос говорившего ему смутно знаком.

— Прошу вас, не бросайте трубку! — повторили в телефоне. — Выслушайте. Буквально два слова.

— Кто это? — настороженно спросил Котя.

— Мы с вами уже встречались... несколько раз. Я Сергей. Не бросайте трубку!

— Где вы взяли этот номер?

— Это было не так сложно. Послушайте, наверное, я выбрал неправильную линию поведения в общении с вами... Это от неопытности, а не от того, что я хочу вам как-то навредить. Наоборот, я не имею намерений причинять вам неприятности... Вы слушаете, Константин? Алло? Вот я вам сейчас пришлю фотографию...

— перезвоните через минуту, — велел Чижилов и дал отбой.

Опять двадцать пять. Снова Сергей. Ему-то чего надо? Глаза мои он уже видел...

Телефон коротко пикнул: пришло письмо с файлом. Чижилов посмотрел — действительно, фотография. Знакомое лицо Сергея, крупно, но на сей раз без темных очков. Котя вгляделся: ну точно, один глаз зеленый, а другой голубой. Так он тоже!..

Не теряя времени, Чижилов «пробил» Сергея — тот сидел в уже знакомом Коте кабинете и напряженно смотрел на телефон. Потом перевел взгляд на часы, кивнул и стал набирать номер. Как только Сергей закончил нажимать на кнопки, Чижилов услышал «Боже, царя храни». Он нехотя отпустил Сергея и вернулся в реальность.

— Я слушаю, — сказал Котя обычным голосом.

— Теперь вы понимаете?

— Кое-что.

— Поймите: я пытался предотвратить это. Только предотвратить. Предупредить вас.

— Почему?

— Потому что... Константин, это трудно объяснить в двух словах, а уж тем более по телефону.

— А вы попытайтесь. Завтра я надолго уезжаю из города.

— И... куда?

Но Чижиков молчал так выразительно, что, тихо кашлянув, Сергей заговорил снова.

— Да, конечно, извините. Это не мое дело.

— Вы сегодня удивительно адекватны.

— Послушайте, я правда виноват перед вами. Мне не стоило так вести себя...

— Определенно, — Котя наслаждался лаконичностью своих ответов.

— Я должен извиниться...

— Бросьте. Что вам нужно?

— Я хотел попросить о встрече, постараться объяснить, рассказать, но если это невозможно...

— Откуда у вас дракон? — перебил Котя.

— Дракон?.. — Сергей растерянно умолк. — Но... у меня нет никакого дракона.

— А как же фотография?

— Причем тут... Ах, вот что! Так вы подумали о том, будто только дракон... Нет, Константин, нет. Любой предмет, которым вы воспользовались, оказывает такое влияние на своего владельца. Я про глаза.

— И у вас?..

— У меня цилиндр.

«А что он делает?» — чуть было не спросил Котя, но вовремя прикусил язык. Он молчал, оценивая степень откровенности

Сергея и думая, свидетельствует ли подобное признание о том, что ему можно хоть немного доверять. Сергей подождал некоторое время, потом не выдержал.

— Сейчас, как я понимаю, уже нет времени... А вы не могли бы отложить отъезд, чтобы мы могли серьезно поговорить?

— У меня нет такого желания.

— Да?.. Я понимаю вас. После моего поведения вы не должны мне верить... Это справедливо. Но я должен вас предупредить, просто обязан. Знайте: за предметами охотятся многие.

— Кроме вас?

— Да я не охотился, я как раз... Впрочем, сейчас это не важно, а важно то, что вы должны быть крайне осторожны. Постарайтесь никому слишком не доверять. И еще: предмет нельзя отобрать у владельца силой. Его можно или найти, или подарить. Передать другому добровольно. Но это не значит, что у вас не будут пытаться предмет отобрать или выманить обманом. Запомните мои слова. Это важно. Это очень важно!

— И все? Вы ничего от меня не хотите?

— Да. И все. Я ничего не хочу.

Чижигов прервал разговор. Странно. Он задумчиво уставился на заходящее солнце, сверкающее из-за переплетения ветвей. Потом сжал дракона и «пробил» Сергея. Сергей нервно ходил по узкой, похожей на пенал и почти лишенной мебели кухне.

У Коти была еще куча вопросов к Сергею. Например, в каких он отношениях с антикваром Вениамином Борисовичем. И не выступал ли Сергей тем заказчиком, которому позарез был нужен китайский сундучок. И не Сергей ли подослал воров в его квартиру. И каким образом Сергей появился на Котинной кухне уже после того, как Громов его выкинул на лестницу. Впрочем, на последний вопрос Котя, пожалуй, почти знал ответ и ответ этот был прямо связан с цилиндром, которым, по его собственному признанию, обладал Сергей. Если дракон

позволяет увидеть любого знакомого, то отчего цилиню, скажем, не уметь помогать хозяину проходить сквозь стены? Да запросто. Раз уж мы приняли на веру, что подобные вещи вообще возможны.

Перед Чижиковым открывался новый, неизвестный до того мир, в котором, параллельно с привычной обыденностью, жили люди, например Сергей, посвященные в недоступные прочим смертным тайны, и существовали вещи, например дракон, переворачивавшие издавна знакомые и казавшиеся оттого незбылемыми представления о том, что может быть, а что явно противоречит законам известного мироздания. И Коте такое развитие событий нравилось. Это было приключение. И еще, конечно, было бы просто прекрасно приключение испытать да и самому сохранным остаться. Но теперь — теперь, когда Чижиков получил дракона и понял, как он работает, у него определенно был шанс. Или не было?..

Только вот отчего девочка Ника не поддается дракону? Как это прикажете понимать?

Котя еще раз попытался «пробить» Нику и, убедившись, что это не получается, задумался над проблемой. Совершенно очевидно, что он пока не знает про дракона всего. Быть может, в работе этого удивительного предмета есть свои нюансы. Законы. Правила. А может, он показывает только тех, кто жив и здоров, а Ника, скажем, под машину попала. Тут Котя огорчился: все же при всей ее навязчивости и бесцеремонности девочка была ему симпатична.

Как она в первый раз сказала? Девочка из будущего? Допустим. Если она из будущего, значит, не живет здесь и сейчас и дракон над ней не властен. Тогда, получается, предмет не должен показывать и тех, кто уже умер и тоже не живет здесь и сейчас.

Есть только один способ проверить.

Котя сосредоточился на образе своего бывшего приятеля по институту, энтузиаста велосипедного спорта, трагически по-

гибшего под колесами грузовика — и натолкнулся на ровно такую же темноту и пустоту. Повторил опыт на еще нескольких уже умерших людях — результат оказался аналогичным.

— Получается, мы можем считать доказанным, что видеть можно живых, — заключил Чижиков. — Но значит ли это, что Ника действительно из будущего?

Он поглядел на солнце, опустившееся еще ниже, и подумал, что надо перекусить. Дойти до метро и заглянуть в кафе — там есть одно, приличное. А потом начинать двигаться к дому. Все же завтра трудный день.

Эх, дед Вилен, дед Вилен...

Котя в легкой тоске закрыл глаза, машинально сжал в руке дракона, представил себе давно умершего деда, вовсе безо всякой задней мысли, просто так, и вдруг увидел его. Не натолкнулся на пустую темноту, а увидел. Деда.

Дед, значительно постаревший, сидел на низкой лавочке перед кирпичным домом. Он был странно одет: поношенный, но чистый темно-синий френч с накладными карманами на груди, и из правого торчит блестящий колпачок авторучки, широкие темно-синие же штаны, нелепые черные тапочки на белой подошве, тоже не первой молодости, — а рядом на торчащем из стены длинном металлическом крюке висит большая клетка, в которой с жердочки на жердочку степенно прыгает крупная птица.

Лицо деда, такое знакомое и любимое, покрывала сеть глубоких морщин, седые брови нависли над утонувшими в морщинах глазами, под носом появились странные и тоже седые до белизны усики. Дед сидел на лавочке, с улыбкой смотрел на птицу в клетке, а птица горделиво прыгала и прыгала... Тут к деду Вилену подошла пожилая женщина в одежде не менее непривычной: серых и тоже широких штанах, таких же, как и у деда, тапочках, и глухой серой стеганой куртке. Когда-то черные, а

ныне с заметной сединой волосы женщины были острижены коротко, а лицо — лицо, круглое, в морщинках, но до сих пор миловидное, не вызывало никаких сомнений в том, что она... китаянка, что ли. В руках женщина держала большую кружку с крышкой, и эту кружку она подала деду, а тот улыбнулся ей ласково, кружку принял и подвинулся на лавочке. Женщина села рядом. Дед что-то ей сказал — звук дракон не транслировал — женщина ответила...

Дракон выпал из Котиных пальцев.

ЭПИЗОД 16

Четверо в подворотне

Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года

Из парка Чижиков вышел на подгибающихся ногах. Потрясение, что испытал Котя, увидев своего любимого деда, которого лично хоронил в крематории, вполне здоровым, и потеря сил из-за неоднократных и довольно продолжительных сеансов работы с драконом, — все это сказывалось. Обнаружив деда живым, ошеломленный Котя сначала не поверил и вновь и вновь «пробивал» Вилена Ивановича, думая, что ошибся, что это не его дед, что тот старик просто на деда похож — однако же раз за разом получал подтверждения того, что никакой ошибки нет. Это действительно был дед Вилен, только он не пребывал в виде праха в колумбарии, а спокойно и неторопливо попивал чаек из толстостенной фарфоровой кружки в далеком Китае. Именно в Китае. Чижиков, во-первых, опознал френч — такие он часто видел на старых дедовых фотографиях, где Вилен Иванович и его коллеги были запечатлены вместе с китайскими товарищами. Дед называл их «суньятсеновские френчи». Во-вторых, дом, у которого сидел дед со своей спутницей и птицей, был удивительно похож на дома старого Пекина, где Чижиков побывал вместе с Громовым — хоть и мельком, но домики эти врезались в память. Небольшие одноэтажные постройки, тесные и примитивные, — по словам Дюши, с каждым днем их становилось в китайской столице все меньше, но пекинцы, жившие в них поколениями, не хоте-

ли менять свои жилища на новые благоустроенные квартиры в новостройках. В-третьих, птица в клетке. Котя хорошо помнил в одном из пекинских парков собрание китайских дедушек, сидевших на лавочке за шахматами, а вокруг на ветвях были развешаны точно такие клетки, и в каждой сидело по одной птице. Птицы, периодически всщебетывая, гордо оглядывали себя в маленькие зеркала, прикрепленные к прутьям клеток, напыщенно скакали по жердочкам, с любопытством смотрели на окружающий мир то одним, то другим глазом, смешно вертя клювастыми головами, — словом, жили интересной и насыщенной птичьей жизнью.

Еще Котя понял, что дед Вилен давно и прочно основался в Китае и до определенной степени окитаился, а сидящая рядом с ним пожилая китайка — или его нынешняя жена или подруга. Во всяком случае, они с дедом хорошо друг друга знают. Хотелось бы, конечно, знать, где именно в Китае сейчас сидит на лавочке дед Вилен и слушает пение птички, но показываемая драконом картинка явных признаков такого рода не давала, как Чижигов не старался. Если бы даже и мелькнули иероглифы — вывеска с названием улицы, например, — Котя не сумел бы прочитать и запомнить. Чижигов в очередной раз мысленно укорил себя за то, что так и не захотел выучить китайский язык, хотя бы основы — о, сколь бы это было сейчас полезно! Он бы потратил время и силы, но высмотрел хоть какую-то иероглифическую надпись, которая смогла бы пролить свет на местопребывание деда, дать пусть маленькую, но зацепку...

Но все это были досадные мелочи в сравнении с обретением якобы умершего деда. Чижигов долго сидел на скамейке, приходя в себя, думал — и пришел к выводу, что в мире все устроено не просто так, не случайно, и то, что он вдруг летит в Пекин, непременно связано с тем, что дед, оказывается, жив и находится там, в Китае. Осталось только понять — как.

Размышляя над всем этим, Котя машинально дошел до метро, купил жетон, спустился по эскалатору, сел в полупустой поезд и без приключений добрался до Невского. Светлое небо горело предвкушением белых ночей, проспект жил кипучей жизнью, канал Грибоедова мерно колыхал маслянистые воды, вспоротые недавно проплывшим туристическим катером.

Чижилов задумчиво шел по малоллюдным улицам. Он полностью теперь уверился в том, что поездка в Китай — это просто прекрасно и удивительно вовремя. Ведь дед в Китае и он, Котя, сделает все, чтобы найти деда. Найдет и обо всем расскажет.

Перейдя мост, Чижилов свернул на Моховую и вдруг столкнулся с Вениамином Борисовичем. Чуть не налетел на него: полностью погруженный в себя антиквар сосредоточенно смотрел под ноги, не обращая внимания на окружающее, и Котя в самый последний момент увернулся, отскочил в сторону, чтобы не налететь на старичка.

— Вениамин Борисыч!..

— А? — антиквар очнулся от мыслей, вскинулся, закрутил головой, наконец заметил Котю, сфокусировал на нем взгляд, прищурился. — Это вы, молодой человек...

— Извините... — пробормотал Чижилов, перехватив кофачью переноску в другую руку. — Я вас не ушиб?

— А? Что вы?

— Не ушиб, говорю?

— А... Нет-нет... — махнул рукой Вениамин Борисович. — Спокойной ночи, молодой человек, спокойной ночи.

И уже было собрался пройти мимо, как Котя, повинувшись секунднему порыву, брякнул:

— А что же внучка ваша, Вениамин Борисыч? Вернулась домой?

— А? — рассеянно обернулся антиквар. — Что вы?

— Внучка, говорю, дома уже? Ника?

— А! Ну что вы, что вы, что вы... — отчего-то принялся вяло кивать Бунин-старший, потом отвернулся и, все так же мелко качая головой и бормоча «что вы», стал удаляться размеренным шагом в сторону Невского проспекта.

Котя ошарашено смотрел ему вслед. Как это понимать? Борисыч словно не в себе. «Что» да «что». И про внучку — разве это ответ? Даже на имя «Ника» не среагировал. Странно, странно все это...

Чижигов удивленно покрутил головой, еще раз посмотрел на медленно удаляющегося антиквара — Вениамин Борисович все так же отрешенно смотрел под ноги, казалось, шагал автоматически, — потом добыл из пачки сигарету, поставил кошачью клетку на асфальт и щелкнул зажигалкой.

Вот, кстати, зажигалка. Надо бы купить несколько с собой в Пекин, а то мало ли. Говорят, в самолет с зажигалкой не пускают... И вообще, уже пора собираться, прикинуть, что брать, во что паковать. Большим багажом Котя обременять себя не хотел, знал, что в Пекине легко купит все, что понадобится. Тем более — одна рука будет занята клеткой со Шпунтиком...

Размышляя подобным образом, он приблизился к улице Пестеля и, проходя задумчиво мимо одной — глубокой и темной — подворотни, услышал, как из ее недр донеслось негромкое: «Эй!» Котя машинально замедлил шаг, всмотрелся, но у местных подворотен было одно замечательное свойство: почти все они вели во двор сложным зигзагом, иногда загибаясь под прямым углом. В результате в подворотнях даже днем было сумеречно, а мусорные баки плохую видимость лишь усугубляли.

— Эй! — донеслось из подворотни уже отчетливее. — Эй!

— Кто здесь? — спросил Чижигов, машинально приближаясь.

И тут же мощный толчок в спину бросил его лицом на ближайший бачок. Не ожидавший ничего подобного Котя нелепо засеменил, пытаясь сохранить равновесие и подтянуть отстающие от тела ноги, выронил кошачью переноску, инстинктивно

вскинул руки, дабы смягчить грядущий удар — но с двух сторон был перехвачен, перехвачен грубо, крепко и надежно, так что бачка лишь коснулся. Схватившие Чижикова мгновенно развернули его, прижимая к бачку, и Котя, страдая от исходящих от мусора миазмов и новизны ощущений, почувствовал, как еще две смутные фигуры, мгновенно оказавшись рядом, стали сноровисто ощупывать карманы его куртки.

— Спокойно, мужик... — прохрипел один из нападавших.

Обалдевший Котя вгляделся сквозь темные, вовсе не добавлявшие зрению остроты очки: грубые, заросшие щетиной лица. Особенно поразили его глаза того типа, что оказался напротив: серые, холодные и пустые. Человек делал работу: быстро копался в карманах. Второй, такой же невыразительный, опасный, здоровый как шкаф, стоял за его плечом, еще двое — по бокам, именно они удерживали Чижикова за руки. Удерживали крепко.

— Да что вам надо?.. — попытался вывернуться из тисков Чижигов и тут же получил короткий, но очень чувствительный удар в живот.

— Сказали, спокойно, значит, спокойно... — обронил сероглазый. — Слышь, Витек, посмотри за улицей, — велел он стоявшему за плечом здоровяку.

— Это ограбление, — вдруг хихикнул тот, что держал Чижикова справа. — Понял, мужик? Ограбление. Расслабься и получи удовольствие. Понял?

— Да у меня нет ничего... — попытался было объяснить Котя, но получил очередной удар и задохнулся.

Вместе с болью пришла холодная ярость. Она поднималась откуда-то из солнечного сплетения — оттуда, куда только что точно и крепко засветил кулак сероглазого. Да что же это делается такое?!

Сероглазый между тем вытряхнул на асфальт все небогатое содержимое карманов куртки Чижикова — в вывалившуюся

из бака дрянь полетела пачка сигарет, звякнули ключи от квартиры, хрустнула под подошвой зажигалка, и руки нападавшего скользнули ниже, к карманам джинсов.

Дракон!..

Он лежал в заднем кармане. От мысли, что чудесный предмет может попасть в руки грабителей, что он, Чижииков, здесь и сейчас может лишиться своего сокровища, Котю аж перекосило. Он утробно рыкнул, всем весом, одновременно приседая, качнулся влево, согнул ногу и со всей дури врезал сбоку по колену тому, что вцепился в его правую руку, одновременно выдирая ее из цепких сильных пальцев.

Стоявший справа налетчик взвыл, отпустил Чижиикова и с грохотом рухнул на бачок. Котя не терял времени: сильно толкнув освободившейся рукой в грудь сероглазого, качнулся теперь уже вправо, увлекая за собой того, кто держал его с другой стороны. Ярость, неожиданность и бывшие уроки мастера Чэня сделали свое дело: сероглазый отлетел назад, врезавшись спиной в Витька, а тот, кто держал Котину руку слева, по инерции скользнул на своего ухватившегося за поврежденное колено приятеля. Чижииков ловко выскользнул из куртки, оставив ее в руках противника, и добавил ему ногой пониже спины, после чего отскочил к противоположной стене подворотни и приготовился защищаться. Удрать шансов не было: выход на улицу перекрывали сероглазый с приятелем, а во двор можно было попасть, лишь обогнув бачки, рядом с которыми уже встал, отбросив крутку, еще один грабитель.

— Каратист хренов... Не хотел по-хорошему... Ну, смотри... — пробормотал сероглазый, сделал в сторону Чижиикова небольшой шаг и сунул руку в карман.

Приняв стойку и остро ощущая задом ребристую поверхность бачка, Котя судорожно прикинул шансы и понял, что они ускользающее невелики: против него было трое рослых парней, явно не страдающих ни комплексами, ни дистрофией

— мускулистых и крепких, для которых такая драка явно не была чем-то из ряда вон выходящим. Бежать — некуда. Звать на помощь — тоже бесполезно: поздно, да и времена нынче такие, что местные обитатели скорее за пьяного сочтут, нежели посмотреть, что случилось, выйдут. Не говоря уж о том, чтобы вмешаться. А самому отбиться — вряд ли получится. Но не пропадать же так, зазря?

— Уй-уй-уй... — задыхаясь подвывал четвертый налетчик, баюкая колено. — Антох, он мне ногу сломал, сука...

— погоди, Серый, сейчас... — неопределенно пообещал, не отводя взгляда от напрягшегося Чижикова, сероглазый Антоха и вынул из кармана нож. Щелкнуло выпрыгнувшее лезвие. Его приятель Витек, здоровый и широкий, качнулся в сторону: окончательно перекрыл выход. Лицо его, плоское и равнодушное, отчего-то напомнило Коте сырник. По щеке Витька пролегли три свежие царапины. Маленькие глазки буравили Чижикова, могучие кулаки поднялись к груди. Котя отстраненно заметил: правая кисть замотана несвежим бинтом.

— Витек. Это не ты в мою квартирку навещал? — неожиданно для самого себя спросил вдруг Чижиков. — Как же ты, такой большой, с маленьким котиком не справился?

— Заткнись, падло, — выплюнул могучий, наливаясь краской.

И тут сероглазый прыгнул. Нож по опасной дуге устремился в многострадальный Котин живот, но Чижиков был готов к подобному повороту, а оттого успел поставить блок левой и, оттолкнувшись от мусорного бачка, что было мочи врезался плечом грудь нападавшего. Это имело успех: нож отлетел в сторону, но на этом Котино везение и закончилось — слева прямо в ухо прилетел твердый как бетон кулак Витька, а справа в бок ударил третий, занявший позицию у выхода во двор. Второй удар частично пришелся на локоть, но вот Витек свое дело знал: в голове у Чижикова зазвенело, в глазах зареяло, его по-

вело вбок, мгновенно ставшие ватными ноги подкосились и последний удар, который нанес сероглазый Антоха, пришелся по касательной, лишь швырнув и без того падающего Котю на грязный асфальт.

«Это называется нокдаун», — промелькнуло в голове, а чужие грубые руки уже схватили его, переворачивая на спину. Ребристая подошва больно наступила на грудь.

— ...Будет тебе по плохому... — донеслось до Чижикова откуда-то сверху, из сужающейся серой действительности. — Держи ему руку, Вован!

— Уши ему отрежьте! — страдающим голосом потребовал из далекого далека покалеченный Серый. Котя лежал на спине, ничего не соображая, воспринимая происходящее как сторонний наблюдатель. И лишь острая боль, внезапно обжегшая правую руку, частично вернула его в действительность.

— Слышь, каратист... — над Котей нависло лицо названного Антохой. — Это я так, разминался, чуть кожу попортил. Говори, где вещь?

— Какая... вещь?... — непослушными губами прохрипел Чижиков.

— Значит, так, — Антоха поднес близко к Котиному лицу нож. С ножа капало что-то темное. — Говори про вещь. Ты знаешь, про какую. Или я отрежу тебе указательный палец. Потом — другой. Потом — третий. Жопу тебе точно подтирать будет нечем.

Шутка имела успех: Витек взгоготнул.

— Вован, заткни ему пасть, чтобы не орал...

Постепенно приходящий в себя Чижиков понял, что сейчас его будут резать. По-настоящему, а не как в кино. Ножом. В животе от накатившего ужаса сделалось холодно и мерзко. Котя дернулся, пытаясь освободиться.

— Чем я ему пасть заткну, Антоха? Тут одно говно всякое...

— Куртку его возьми!

Придавленный к земле Чижигов мог только наблюдать, как к лицу медленно и неотвратно приближается его собственная куртка.

— Что тут происходит? — вдруг вклинился в события посторонний голос. — Мужчины, зачем вы юношу обижаете?

— Да пошел ты!..

— Фу, как невежливо. Настоятельно прошу вас прекратить...

— Не суйся! Шел мимо и иди себе!

— Да, но мне кажется, что юноше не нравится...

— Иди отсюда, козел!!!

— Еще раз прошу вас прекратить. Если вы не прекратите, я буду вынужден...

— Он не понимает. Витек, дай ему в репу!

— Как угодно. Я предупреждал. Обычно я не причиняю вред живому...

— Да я тебя щас!!!

— Господа, это некрасиво: все время перебивать.

— Слышь...

На этом интересный диалог вдруг прервался: прижатый к асфальту Котя ничего толком видеть не мог, но зато хорошо расслышал, как Антохино «слышь» резко оборвалось — раздался глухой чмокающий звук, потом еще один и что-то тяжелое с грохотом обрушилось на бачки. Тут же ушла тяжесть с груди: Витек с возмущенным криком «ах ты, сука!» убрал ногу — Чижигов почувствовал, что свободен и, с трудом приподнявшись, сел, оперся о стену. А в подворотне разгорелось сражение: некто невысокий, выведя из строя Антоху, как раз сцепился с Витьком, а за его спиной прыгал, пытаясь, вырваться на оперативный простор и принять участие в драке, подоспевший Вован. Витек брал мощью — его противник скоростью, и в результате могучие кулаки Витька резали воздух там, где невысокого уже не было, а сам здоровяк содрогался от ударов — судя по кряхтению, достаточно чувствительных

даже для него. Невысокий — Чижииков пригляделся: жилистый, бритый налысо парень в черной футболке и черных же широких штанах, — двигался слишком быстро, при этом не забывая мотать огромного Витька так, чтобы оставшийся в арьергарде битвы Вован не мог протиснуться вперед и встать рядом с товарищем. Котя обернулся: сероглазый вожак Антоха сидел у опрокинутого бачка и ошеломленно тряс головой.

— Щас я тебя сам, падло, попишу! — услышал Чижииков, и в ногу вцепилась рука: от противоположной стенки приполз одноногий Серый и теперь заносил нож. — Попомнишь у меня...

Быть «пописанным» в планы Чижиикова вовсе не входило, а оттого, не особенно раздумывая, он свободной ногой въехал Серому в лоб, еще и еще раз. Бандит тупо охнул, уронил нож и затих, а Котя, чувствуя, как к нему возвращается способность соображать и двигаться, поднялся на ноги и без колебаний напал на Вована с тыла.

Волк-доминант Акела сказал бы: это была славная битва. Уж для Чижиикова точно — он дрался вовсе не каждый день, да и спарринги у мастера Чэня были щадящими, не всерьез и далеко не в полную силу. Но кой-какие навыки Коте привили: это ведь как ездить на велосипеде — однажды научившись, уже не забудешь. Кроме того, Вован явно не ожидал, что поверженный Чижииков так быстро оживет, и удар в область правой почки, быть может, и не такой сильный, совершенно ошеломил его. Вован ткнулся в спину Витьку, Витек пошатнулся, отвлекся от противника — и тут же пропустил сокрушительный удар в пах, а следом за ним — классический при таком развитии событий удар коленом в лицо и наконец по затылку. Витек рухнул как шкаф: обстоятельно, со вкусом, мощно. Его падение совпало с падением Вована, который таки развернулся к Чижиикову, и Котя, собрав последние силы и ярость, провел не менее классический хук, причем, попал настолько удачно, что вся рука до плеча отозвалась болью,

а нокаутированный Вован шлепнулся на могучего Витька и безжизненно затих.

Чижигов оказался лицом к лицу со своим неожиданным спасителем. Тот улыбался.

— Борн, — протянул руку бритый. — Алексей Борн.

— Константин, — ответил на пожатие Чижигов и почувствовал, что пальцы у Алексея просто-таки стальные.

— Осторожно! — воскликнул Борн, перепрыгнул через Вована и сильно дернул Котю за руку — так, что тот едва не упал: пришедший в себя Антоха снова попытался пустить в ход нож и на сей раз решил ударить в спину. Не получилось: вместо спины Чижигова лезвие встретило бок Алексея, но удивительным образом скользнуло в сторону, хотя глядевший во все глаза Котя готов был поклясться, что при любом раскладе нож Антохи должен был как минимум пропороть Борну бок, а в худшем случае и вовсе войти в тело по самую рукоять. Видимо, Антоха был потрясен не меньше, потому что удивленно уставился на нож — и тут Алексей одним мощным ударом его вырубил.

— Все, что ли? — деловито спросил он, оглядывая подворотню. — Тогда пошли отсюда.

— Жив? — спросил Борн, когда Котя подобрал куртку, ключи и чудом не пострадавшую кошечью переноску, и они, перешагивая через стонущие тела, покинули разоренную подворотню. — Ну и видок у тебя...

Чижигов машинально дотронулся до пострадавшего уха. В ухе звенело и слышимость была очень плохая. На прикосновение ухо отозвалось тупой горячей болью. Дела...

— Могло быть хуже. У тебя платок есть? — быстро оглядев Котю, спросил Алексей. — Ну платок. Носовой. Или тряпка какая-нибудь. Руку перевяжи: кровь.

Тут только Чижигов спохватился. И правда: по располосованной гадским Антохой правой — и ведь не обманул же! действительно, чуть-чуть «попортил»! — стекала струйка крови. Котя захлопал по оставшимся в неприкосновенности карманам, нашел платок, наскоро обмотал.

— Ну, пошли, — скомандовал Алексей. — Провожу.

Котя настороженно на него посмотрел, но потом все же двинулся следом. Его ощутимо трясло: слишком велик был выброс адреналина.

— Ты занимался чем? — вдруг спросил Борн.

— В смысле?

— Ну, карате, кунфу. В таком смысле.

— А-а-а... Было. Так, слегка. Все забыл уже. Не то что ты...

— Перестань. Тебе просто тренироваться надо.

— Да брось...

— Ничего такого. Говорю тебе: у тебя талант.

Повисло молчание.

Чижигов не знал, что сказать, не знал, как себя вести, он уже ничего не понимал, потому что жизнь, до того годами текшая с привычной размеренностью и даже с ленцой, вдруг помчалась вскачь громадными, сумасшедшими, неконтролируемыми прыжками. А тут еще талант. К мордобою. И какой-то Борн на его голову. Словно чертик из табакерки.

— Ну хорошо, хорошо, — наконец заговорил Борн, словно прочитав мысли Чижигова, и погладил бритую голову. — Я мог бы тебе наврать с три короба, мог бы обмануть и не поморщиться... Короче, я не случайно тут проходил.

— В каком смысле?

— В таком, что наблюдаю за тобой уже второй день. Вот в каком.

— А-а-а... зачем? — осторожно спросил Чижигов.

— Затем, что влип ты в самую гущу очень интересной и очень старой истории, — туманно пояснил Алексей. — И без

посторонней помощи можешь влипнуть еще круче, понял? Как только что в подворотне. Представляешь, чем бы все это кончилось, если бы я не ходил за тобой?

— Не-а, — помотал головой Котя, ничуть не кривя душой. Собственно, ему и представлять-то такое не хотелось.

— Ну вот, — удовлетворенно кивнул Алексей. — Поэтому я тебе помог и я тебе еще помогу.

— Э-э-э... А как например?

— А так, что мы сейчас с тобой, друг ситный, пойдем к тебе домой, перевяжем, а если надо, то и зашьем твою боевую рану, приложим к уху лед и потом поговорим. Как тебе такое?

— Нормально, — согласился Котя. — Только вот... — Замялся он.

— Что? — резко остановился Борн.

— Ну ты меня, конечно, спас и тебе спасибо, но... Вот это... Там, с ножом... Как это ты так покрутился, повертелся... — Чижииков жестами обозначил, как конкретно покрутился и даже повертелся Алексей. — Он же точно должен был тебя зарезать. Я видел: нож тебе прямо в бок шел. А ты... жив почему-то. Ни царапины. А?

— Вот ты о чем! — Борн облегченно вздохнул. — Вижу, ты еще не со всем разобрался. Дело в том, что мы с тобой в некотором роде братья... Не понимаешь?

Котя снова помотал головой. Он внезапно очень захотел оказаться дома, за надежно запертой дверью, с «Илиадой» в руках. В тепле и покое.

— Да брось. Смотри, — Алексей неуловимым движением приблизился к Коте вплотную, тот даже непроизвольно отшатнулся, но Борн удержал за плечо. — Смотри внимательно. В глаза смотри.

Чижииков непонимающе уставился в глаза Алексею... И тут до него стало доходить: один глаз у его Борна спасителя был зеленый, а второй — голубой. Так вот в чем дело! Значит, у Алексея тоже есть такая вот волшебная вещица...

— Совершенно верно, — улыбнувшись, кивнул Борн и отступил назад. Улыбался он хорошо, открыто. — Вот, гляди сюда.

На его ладони, небольшой, но квадратной и крепкой, невесть откуда появилась маленькая, размером с дракона, блестящая фигурка: распустивший хвост павлин.

Чижилов смотрел на таинственный предмет во все глаза.

— А... что он делает?

— Отводит колющее, режущее оружие, отклоняет заряды из лука, арбалета и тому подобного. Может и пулю отвести. Но на это очень много энергии уходит, — охотно ответил Алексей, пряча веер куда-то под футболку. — Ну теперь мы пойдем уже? Два шага до твоего дома осталось, а если скорее не приложить лед, то завтра будешь ходить с лопухом вместо уха.

— Действительно, — согласился Чижилов.

Остаток недолгого пути прошел в молчании. Чижилов и Борн лишь время от времени перекидывались многозначительными — так, по крайней мере, казалось Коте — взглядами, но когда он попытался задать вопрос и уже открыл рот и начал: «а-а-а...», Борн лишь приложил к тонким губам палец и буркнул: «Потом, все потом». Почувствовавший сопричастность к великой тайне Чижилов понимающе кивнул и до самого дома больше уж не заговаривал.

На лестнице было гулко, пусто, прохладно и сумрачно. И все же, когда Котя ступил на площадку с окном, где повстречал девочку Нику, ему показалось, будто какая-то легкая тень неслышно метнулась вверх по лестнице.

— Ты слышал? — шепнул он Алексею, останавливаясь.

— Да, — почти беззвучно ответил он, сверля взглядом уходящий вверх лестничный пролет. — Погоди тут. Я мигом.

И действительно — удивительно быстро и бесшумно помчался вверх, перепрыгивая через три, а то и четыре ступеньки. На площадке, где располагалась Котина квартира, замер на мгновение, а потом исчез — рванул еще выше.

Чижиков послушно стоял, где было сказано, напряженно вслушивался в обступившую его тишину и ждал. По Моховой промчалась машина. В глубине двора отчаянно заорал кот. Недалеко звучно хлопнула форточка. И — снова тихо. Котю опять затрясло. Все это было уже очень слишком.

Борн вернулся так же беззвучно, как и исчез, махнул рукой от двери Котиной квартиры: поднимайся!

— Ну? — шепотом спросил Чижиков, доставая ключи.

— Или там никого и не было, или они бегают быстрее, чем я, — пожал плечами Алексей. — В любом случае, на лестнице сейчас никого кроме нас. Чаем угостишь?

— С вареньем? — машинально спросил Чижиков, пропуская гостя в прихожую и закрывая дверь изнутри.

— Почему с вареньем?

— Да это я так, одну знакомую вспомнил.

— Терпеть не могу сладкого, — покрутил бритой головой Борн. — И потом, чай надо пить ради чая. Если это, конечно, чай. Понимаешь меня?

— В общих чертах, — усмехнулся Чижиков. — Проходи вон, на кухню. У меня как раз есть чай. Который чай.

— А! Вот ты почему про варенье спросил! — усмехнулся Борн, показывая на стол, так и не убранный с момента вполне безумного чаепития с Никой. — Гости заходили?

— Ну... да, — улыбнулся Котя отчего-то смущенно. — Что-то в этом роде.

— Ну-ну, — проницательно посмотрел на него Алексей. — И часто в последнее время к тебе заходят такие... гм... гости?

— Какие — такие? — насторожился Чижиков, чувствуя в интонации бритого некий подвох.

— Ростом примерно до сих, — отметил ладонью уровень плеча Борн. — Волосы коротко стрижены, глаза пронзительно голубые, любит говорить «между прочим». Фиг отделаешься. Называется Ника.

— Вот-вот. Оттуда, друг мой ситный, оттуда. Все расскажу, не олнуйся.

— Ух, какой роскошный котище! — восхитился Борн при виде вступившего в кухню кота. И тут же присел рядом с ним.

Кот поглядел на пришельца равнодушно — так, взглядом мазнул, но то, что бритый не полез прямо с порога гладить или еще с какими глупостями, кажется, оценил.

— Он вообще-то незлой, но иногда... — поспешил было успокоить нового знакомого Чижиков, но осекся: Шпунтик безо всякой агрессии, скорее охотно потянулся к вытянутому пальцу, будто так и должно быть, будто так и положено, — после чего старательно кончик пальца обнюхал и в заключение потерялся ротовой о руку Борна. Вся процедура не заняла и полминуты.

— Нет, просто котов уважаю, — легко поднялся на ноги Борн.

— Ага, — кивнул Алексей. — Я оказал ему большую кошачью услугу... Ну, теперь, когда мы все перезнакомились, тащи лед, то стоишь?

ЭПИЗОД 17

Хочешь поговорить об этом?

Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года

Алексей Борн по достоинству оценил чай «пуэр», а от водки отказался. Сказал: не пью. И тебе не советую. У тебя завтра трудный день, как я понимаю. Ведь так? Так, сознался, Котя, именно так. Лететь надо, а вещи еще не собраны.

— Ну вот видишь... — улыбнулся Борн, глядя на жадно за-
тягивающегося Чижикова. Улыбнулся так искренне, распола-
гающе. — Я знаю, что у тебя масса вопросов и ты не можешь
решить, какой задать первым. А еще ты меня боишься. Ну, воз-
можно, не боишься, — поправился он, заметив выражение лица
Чижикова. — По крайней мере, опасаясь. Не доверяешь. Не
знаешь, чего от меня ожидать. Правильно?

— Правильно, — осторожно согласился Котя.

Шпунтик свернулся на подоконнике, как раз над столом, ко-
торый разделял собеседников, и, покойно свесив хвост почти в
самую сахарницу, благожелательно присутствовал с закрыты-
ми глазами.

— Оно и понятно. У меня в свое время был почти такой же
эпизод в жизни... Впрочем, это к нам с тобой отношения не
имеет. Может, давай так: я тебе расскажу главное, а потом ты
спросишь о том, что останется. Идет? Только сначала поставь
еще воды для льда, а то ведь этот скоро растает.

Чижиков поправил прижатое к уху кухонное полотенце, в которое был завернут лед. Надо признаться, сам бы он не додумался приложить лед сразу. А ухо уже теперь производило гнетущее впечатление — и что было бы с ним завтра без льда, Котя боялся вообразить. Через границу запросто не пропустили бы. Однако же деятельный Борн быстренько заставил Чижикова сделать ледяной компресс и обещал оставить чисто случайно оказавшуюся у него с собой мазь, которой ухо надо будет намазать на ночь, а к утру почти все спадет. Порез же на руке оказался несущественным, и был умело продензифицирован и забинтован. Котя сидел с полотенцем на ухе, чувствовал воду, капля за каплей стекающую по шее за ворот футболки, наблюдал, как второй раз за день чужой человек в его кухне заваривает чай, и держал ладонь на дедовой «Илиаде». Это было второе, что ему показалось важным сделать после возвращения домой: сперва закурить, а потом дойти до кабинета и принести в кухню «Илиаду». Его спаситель отнесся к появлению книги с непонятным интересом — посмотрел на корешок, потом на Котю, совершенно серьезно спросил «помогает?», и когда Чижиков кивнул, с легким удивлением пробормотал «ну надо же!»... Борн был весь такой крепкий, жилистый, надежный, от него исходила аура спокойной уверенности, загорелое лицо Алексея само собой внушало доверие, и Котя постепенно успокоился, начал мыслить.

— Я не спрашиваю, какой предмет оказался у тебя, — говорил Алексей. — Это твое дело. Захочешь — скажешь сам. Но ты должен знать, что такие вещи попадают к человеку неслучайно. Потому что и сам человек неслучайный. Человек... как бы это выразиться... избранный, что ли. Неординарный. Не-заурядный.

— Позволь, а нет ли в твоих рассуждениях маленькой, я бы сказал, системной ошибочки? — перебил Чижиков. — Потому что я самый простой, удивительно заурядный и крайне ординарный человек. Я даже нигде не работаю!

— Поверь мне, — проникновенно взглянул на него Борн. — Не место красит человека. Ты в любом случае человек неслучайный. А если твоя неординарность пока не раскрылась или, к примеру, тебе неочевидна, то это дело времени и точки зрения. Так было со мной, так случится и с тобой. Я это знаю и поэтому заранее согласен уважать любой твой выбор: говорить мне про свой предмет или нет, верить мне или не верить, а то и вообще прямо сейчас попросить меня выйти вон. Я с тобой, Костя, полностью, как видишь, откровенен и хочу, чтобы между нами не осталось недомолвок. Потому что такие как мы — очень особенные люди, нас крайне мало и мы должны заботиться друг о друге. Раз уж так распорядилась судьба. Итак...

Алексей сделал паузу и разлил чай по чашкам.

— Ты, может, есть хочешь? — спросил его Котя. — А то у меня там колбаса...

На слове «есть» Шпунтик открыл глаза, уставился на хозяина гипнотизирующим требовательным взглядом. И дернул хвостом.

— Он хочет, — кивнул на кота Борн. — Отдай мою колбасу ему.

— Я знаю, чего он хочет... — вздохнул Котя и достал из холодильника кастрюльку с остатками вареной пикши. Набросал коту в миску, а кот уже чинно сидел перед ней.

— Так я продолжаю, — глядя на то, как Чижииков сноровисто режет колбасу и хлеб, заговорил Борн. — Я расскажу о главном. Но прежде я задам тебе пару вопросов, исключительно для прояснения картины в целом. Ты отвечай только «да» или «нет». Потом, когда я закончу, ты поймешь, к чему были эти вопросы. К тебе уже кто-нибудь обращался по поводу твоего предмета?

— Да, но...

— Сейчас только «да» и «нет», ладно? Хорошо. Теперь. Ты не видел случайно такие... как бы объяснить... прозрачные силуэты людей в своей квартире или в других местах?

— Видел.

— У тебя уже пытались отнять твой предмет? Ну до сегодняшнего дня. Что смотришь? Да-да, сегодня именно его у тебя пытались именно отнять. Так что, было?

— Ну... да.

— Хорошо. Тогда я продолжаю, а ты слушаешь. Ешь свои бутерброды и слушай. Потом, кстати, напomini мне, чтобы я объяснил тебе, как правильно питаться...

— Извини, Алексей, — опять перебил Чижииков, — но у меня тоже вопрос возник. Один. Ты случайно не знаешь такого Федора Михайловича Сумкина?

— Нет. А кто это?

— Так... Просто ты мне только что его напомнил: тоже зану-да.

— Да? Зануда? Гм... Не замечал... Так я продолжаю. Не могу ручаться за полную достоверность того, о чем я буду говорить, и за то, что некоторые моменты не покажутся тебе бредовыми, но тот предмет, который попал к тебе в руки, — он очень древний. Боюсь даже предположить примерный возраст. И если ты как следует к нему присмотришься, то сразу заметишь: сделан он из весьма странного материала. Думаю, ты здесь не успел еще как следует продвинуться, но уверяю тебя, что все попытки определить хотя бы отдаленно, из чего предмет сделан, не увенчались пока успехом. В общем и целом можно считать, что это — некий металл или сплав. Но ничего похожего могучим сталеварам нашей обширной родины, как, впрочем, и их зарубежным коллегам, пока еще выплавлять не приходилось.

— Но тогда кто же?.. — Чижииков приготовился не удивляться уже ничему, но сдержаться не сумел.

— Не знаю. И не знаю того, кто знает. Фильм «Горец» смотрел? Вот-вот: от начала веков мы пришли, беззвучно сквозь столетия скользя, прожив множество тайных жизней... или как там. И все такое. Тебе следует знать, что в лице предметов

мы имеем многотысячелетнюю историю и бесчисленное число владельцев. И только не надо меня спрашивать, сколько их, этих самых предметов. Этого я тебе тоже не скажу: не знаю. Но — много. И свойства их весьма разнообразны, есть даже такие, что даруют бессмертие. Или вот, к примеру, есть один забавный предмет — орел. Такого же размера, материала, тайны происхождения. Чтобы тебе было нагляднее, знай, что именно с помощью этого орла небезызвестный тебе Адольф Гитлер из довольно бестолкового, малоперспективного и истеричного типа стал именно тем, о ком горько плачет история. Для стороннего взгляда это случилось как-то само собой, а для внимательного — слишком внезапно, резко, практически в одночасье. Вот вчера Гитлера никто всерьез не принимал, а сегодня он уже собирает стадионы: хайль! хайль! хайль! Водораздел «до» и «после» пролег именно в тот момент, когда Гитлер получил в руки орла. Нет, он не стал менее истеричным. Но теперь Гитлер владел даром убеждения. Практически безоговорочного. И за ним пошли — вольно или невольно — самые разные люди. И даже отец народов не избежал воздействия орла...

— Сталин?!

— Именно. Тебе ведь известны обстоятельства начала Второй мировой, когда Сталин до самого последнего момента отказывался верить в то, что Германия может напасть на Советский Союз? Вот! То самое! Результат воздействия...

— Погоди. А разве они встречались — Гитлер и Сталин? Я что-то не слышал...

— Как ты сам понимаешь, не могу тебе ответить точно. Но мне рассказывал один достойный доверия человек, и по его словам — да, встречались. Я понимаю, это звучит невероятно, но... Или вот, скажем, китайцы твои любимые, да хоть бы тот самый Чингисхан... Не знаю, каким предметом он владел, но что владел — будьте благонадежны! А ты знаешь, друг ситный, что императоры разных династий угробили массу сил и средств

в то, чтобы заполучить как можно больше предметов или хотя бы узнать о них и об их свойствах, дабы быть подготовленными к возможным последствиям и знать, чего ожидать? Коммунистическое правительство Китая поступило еще мудрее: стало охотиться на предметы, но не с целью дальнейшего их использования, а чтобы просто удалить из мира. Где-то у них есть глубоко секретное хранилище, а в нем архисекретный бункер, и в этом бункере под немыслимой охраной лежат спокойно на полочках все те предметы, которые китайцам удалось раздобыть. Впрочем, случались и проколы. Например, достоверно известно о том, что китайцами был использован предмет «крот». Когда шла антияпонская партизанская война, еще до образования народной республики в 1949 году, китайские повстанцы здорово потрепали японцев, используя системы хитроумных подземных коммуникаций, ходов и лазов, появляясь и исчезая совершенно неожиданно и в самых невероятных местах. Этот период у них еще называется «тоннельная война», даже кино было с таким названием... А потом, уже позднее, китайское правительство по всей вероятности одолжило крота вьетнамским братьям, которые с помощью все тех же хитроумных подземных ходов, лазов и нор довольно здорово крушили американских солдатиков. И судя по всему, вьетнамцы возвращать крота не очень-то хотели, потому как китайцам пришлось применить к ним некоторые меры воздействия... История, если как следует взглядеться, просто пестрит случаями использования предметов различной силы и различных свойств. Александр Македонский, Аттила, Цинь Ши-хуан, Лю Бан, Чингисхан, Наполеон, Гитлер, Ким Ирсен... Были, впрочем, и более частные случаи — помнишь историю о человеке-невидимке Уэллса? Ну вот, как раз из таких.

— Ага, ты еще Индиану Джонса сюда приплети, — не удержался от ехидной реплики Котя.

— Не веришь... — Борн провел ладонью по загорелой бритой голове и устало улыбнулся. — Не веришь. И правильно дела-

ешь. Я, когда впервые обо всем этом узнал, отреагировал абсолютно так же: не поверил. Даже, помнится, морду полез бить. Бурно отреагировал, словом. Молодой был, глупый...

— Да ты и теперь не очень-то старый, — Чижииков смел крошки со стола в ладонь. — На вид лет тебе вряд ли больше, чем мне.

— То-то и оно, что на вид, — вздохнул Алексей. — У меня ведь не только один павлин. Павлин — это так, средство обороны, которое при моих занятиях необходимо просто-таки жизненно.

— А что у тебя еще? — заинтересовался Чижииков.

— Не сейчас. Не сейчас. Может, позднее расскажу... и покажу. Я ведь тоже имею право на свои секреты, правда?.. Ты дальше слушай — веришь или не веришь. Потому что теперь у тебя есть только два пути: или продолжать владеть своим предметом, разумно им пользоваться и попытаться понять, какое предназначение тебе выпало, или...

— Или?..

— Или избавиться от него.

— То есть выбросить в окошко?

— Это один из способов, — кивнул Борн. — Потом какой-нибудь прохожий найдет и... Предмет в общем и целом отнять нельзя. То есть — можно, но полученный таким образом в чужих руках он работать не будет. Предмет можно лишь передать. Добровольно. Дать попользоваться. Одолжить. Наконец, подарить. Или из рук в руки, или как-то опосредованно. Зарыть, скажем, в землю, а кто-то потом случайно отроет. Положить в банковскую ячейку и написать завещание в пользу благодарных потомков. Замуровать в стене родного дома и оставить явные знаки сыну, не знаю, или внуку... Да мало ли чего можно придумать.

— Не понял, — Чижииков вытряс из пачки сигарету. — Ты говоришь, что отобранный насильно предмет теряет свойства...

— Скорее, перестает их проявлять до восстановления естественного хода вещей, — Алексей легко взмахнул рукой, разгоняя дым.

— Пусть так. Теряет свойства, то есть становится бесполезен. Но какого черта тогда меня и грабить пытались, и вот сегодня в подворотне тоже напали? Чуть не покалечили, между прочим. А? Ради чего?

— Вот! Тут мы подходим к интересному! — оживился Борн. — Во-первых, есть некоторые группы, посвященные в тайну предметов и одержимые манией любыми способами собрать их как можно больше у себя. Как правило, это люди случайные, часто не гнушающиеся любыми методами в достижении своих целей. Их не очень волнует, что конкретный предмет перестанет проявлять свои первичные свойства. Потому что совокупность предметов, даже и отказывающихся работать, сама по себе может обладать некими необычными свойствами. Беда в том, что никто толком не знает, какие именно предметы, будучи, образно говоря, сложены в кучку, вдруг дадут, скажем, источник неиссякаемой энергии или откроют маленькую черную дыру. Тут возможны варианты и... эксперименты. Кроме того, есть люди, которые рассчитывают получить предметы путем добровольной передачи. Тут возможны разные варианты воздействия: от шантажа, угроз и физического воздействия и до простой покупки предмета за деньги или обмена. Вот скажи, если бы тебя схватили эти... как их? Вован с Витьком, в темном углу прижали бы тебя к грязной стенке, а Антоха стал бы резать пальцы, обещая прекратить сразу же после того, как ты сам — заметь: сам! совершенно добровольно! — вложишь ему в трудовую ладонь тот предмет, что у тебя в заднем кармане джинсов, ты что сделал бы? Отчего-то мне кажется, что ты таки с доводами Антохи согласился бы. Или: к тебя приходит человек, незаметный такой или же, наоборот, видный, красивый и важный, «патек филипп» на каждом запястье, и сулит

тебе чемодан денег за невзрачную и в сущности тебе ненужную фигулину. Кладет чемодан на стол и открывает. И ты видишь в чемодане невероятную прорву неучтенной налички. И чье сердце не дрогнет? Кто устоит? Мало кто не согласится на такой выгодный обмен, ведь так? Вот ты бы устоял?

— Не знаю... — задумчиво протянул Чижиков. Ведь он фактически и продал дракона за большие деньги. Правда, его в сундучке уже не было, но и Котя ведать не ведал тогда ни о фигурке, ни о ее удивительных свойствах, ни о том, в какую историю влип. И теперь Чижиков прикидывал: а вот если бы знал, то продал? Скорее всего, да, продал...

— Да все ты знаешь! — отмахнулся Борн. — Человек по натуре слаб и склонен к хорошей жизни и вкусной еде. И чтобы его не трогали, не затрудняли, не заставляли шевелиться. А те, кто поумнее или похитрее, этим постоянно пользуются. В телевизор посмотри, газеты почитай. Впрочем, я не об этом.

Он немного помолчал и налил себе еще чаю.

— Отменный чай, кстати. Я тебе уже об этом говорил?

— Говорил, — кивнул пристыженный Котя. — Мне приятель из Пекина привез. Могу тебе тоже привезти.

— Привези, — согласился Алексей. — Привези... А еще, друг ситный, есть другие люди, посвященные в тайну предметов, они — хранители. Их немного, и они следуют естественному ходу вещей. Их задача — не дать предметам попасть в чужие руки против воли нынешних владельцев, постараться обеспечить ненасильственное течение истории предметов, дать счастливым, в чьи руки попал тот или иной предмет, шанс обрести также и предопределенное самим бытием предназначение.

Борн замолчал и посмотрел на Чижикова со значением.

— А! Я понял! Ты один из них, — тут же брякнул Котя.

— Верно, — серьезно кивнул Алексей. — Мы веками передаем идею хранения от поколения к поколению, потому что такова наша миссия: сделать мир стабильнее и спокойнее. Надо

признать, что я не сразу выбрал этот путь... — Борн прикоснулся к четкам. — Нарубил дров по молодости... Но об этом как-нибудь в другой раз.

— Правильно я понял, что вы... ну, хранители... за предметами не охотитесь? — спросил Чижииков.

— Правильно, — опять кивнул Борн. — Первейшая наша задача — сохранение естественного порядка. Или... — он помолчал, словно запнувшись, — или восстановление такого порядка. Бывают, знаешь, такие люди, которые после овладения предметом проявляют себя вовсе уж недостойно.

— Да? Ну надо же... — не удержался и слегка съязвил Чижииков. — Вот ведь сюрприз так сюрприз! И что же в таком случае делают хранители?

— Ну... — Борн вздохнул. — Мы стараемся обеспечить такую ситуацию, чтобы предмет перешел к другому обладателю. Более достойному.

— А-а-а... — Чижииков даже внутренне поежился от неприятной догадки, но молчать не стал. — Я понял! Если, гм, такому вот недостойному человеку в нужное время и в нужном месте упадет на голову кирпич, а более достойный обладатель совершенно случайно окажется в этом самом месте в это самое время и — опять же совершенно случайно — получит возможность первым обшарить карманы безвременно усопшего, то найденный им предмет переместится к достойному самым естественным образом и сохранит свои свойства, да?

— Не совсем так, но в сущности правильно, — подтвердил Борн. — Бывают такие ситуации, когда...

— Уж мне-то можешь не рассказывать! — Котя с чувством раздавил окурок к пепельнице. — Я вот только что был в самой гуще похожей ситуации. И предмет едва не сменил этого... обладателя.

— Нет, это другое, — покачал головой Борн. — Совершенно другое. Я же только что тебе говорил... Впрочем, глупо рассчи-

тивать, что ты вот так сразу поймешь. Ведь ты видишь меня в первый раз в жизни. Тебе нужно время. Время и опыт.

— Возможно, — согласился Чижигов. — Пока я уяснил, что есть некие люди, которые с какого-то перепугу решили немного поиграть в богов. Немножко присвоили себе право решать, кто и чего достоин. И в случае, если человек покажется им недостойным, они взяли себе право решать, как от такого человека избавиться. Это если тезисно.

— Ты не представляешь, как тяжек этот груз... — почти прошептал Борн. — И мы вовсе не боги и не пытаемся изобразить из себя богов. Нет. Нет. Но — да, ты прав: мы действительно взвалили на себя ответственность за подобные решения. Потому что мы знаем больше, гораздо больше, чем другие, потому что за нами стоит опыт столетий. Потому что кто-то должен. Это наш выбор и наш крест.

— Красиво... — задумчиво протянул Котя. — Чертовски красиво. Но вот у меня еще вопрос. А хранители, такие как ты, вы все едины? У вас не случается разногласий? Ну, например, по поводу того, кто достоин владеть предметом, а кому-то уже пора кирпич на голову?

— Все не так просто, как ты себе представляешь, — ответил Алексей. Видно было, что такой поворот разговора был ему неприятен. — Не так, извини, примитивно. И давай пока не будем об этом. Ты еще не готов. Пойми, ты слишком мало знаешь для того, чтобы оценить картину в целом. Тут нет ничего для тебя обидного, простая констатация факта. Давай договоримся, что через какое-то время мы вернемся к этому разговору. Если ты сам захочешь. Идет?

— Ну... Видимо, у меня нет особого выбора, — пожал плечами Чижигов. — И раз уж мы с тобой ведем откровенные речи, позволь заметить, что от последних минут нашей беседы у меня осталось неприятное впечатление. Мне действительно все это надо еще осмыслить. Но... хорошо, давай вернемся к разговору

позднее. Кстати... — Котя ткнул пальцем в четки на шее Борна. — Ты что, буддист?

— В некотором роде, — подтвердил Алексей. — Но прямого отношения к делу это почти не имеет.

— Как скажешь... Ладно, замнем пока.

— Согласен, — кивнул Борн. — Сейчас тебе нужно усвоить некоторые азы, чтобы быть по возможности готовым к тому, что может случиться с тобой дальше. Обо многом я тебе уже сказал, и ты знаешь. Теперь об этих прозрачных силуэтах, которые ты видел. Мы предполагаем, что они — какая-то особая, крайне древняя форма жизни, быть может, даже творцы всех предметов. С течением веков с ними что-то произошло, в результате чего они стали такими, как мы их видим. Возможно, это эволюция, хотя, может, и что-то иное. В любом случае, стены и прочие физические объекты для них почти не составляют преграды, а активированные владельцами предметы их притягивают, что ли. Каким-то образом прозрачные чувствуют предметы и приходят к ним, словно на неслышимый уху обычного человека зов. Главное для тебя, что прозрачные пытаются предметы у владельцев отобрать. И раз ты прозрачных видел, значит, о тебе и о твоём предмете они знают.

— И что? Может, лучше отдать им то, чего они хотят? Тем более, ты говоришь, что предметы сделали они.

— Это всего лишь предположение. Мы рассматриваем такую вероятность. Но только как вероятность, не более того. У нас нет никаких подтверждений этой теории. Поэтому тебе от прозрачных следует держаться подальше.

— Интересно, как? В последний раз один из них вышел из стены прямо в этом углу, — показал сигаретой Котя. — И если бы не Ника, не знаю, чем дело кончилось бы.

— Если бы не Ника? — заинтересовался Борн. Сильно заинтересовался. — Что она сделала?

— А, так ты не всеведущий! — хихикнул Чижиков. — А кто она такая вообще, эта Ника?

— Пока не знаю, — ответил Алексей. — Важно другое: что она сделала? Ответь, пожалуйста.

— Она... — Котя затаился. — Она достала из кармана такую маленькую фигулину, — Чижиков показал, какую примерно, — похожую на пирамидку фигулину, красненькую, щелкнула по ней — и прозрачного тут же вынесло прочь. Больше я его не видел. С тех пор. Это было сегодня днем.

— Вот как... — Борн напряженно думал. — Вот оно как... Плохо, очень плохо.

— А по мне так хорошо. Лично я весьма рад, что не сумел познакомиться с этим прозрачным поближе. Тем более, после того, что ты мне тут рассказал.

— Да-да, — спохватился Алексей. — Здесь ты, конечно, прав. Но вот что у какой-то девчонки есть пирамидка... Это очень плохо.

— Тебе виднее, — Чижиков отхлебнул остывшего чая. — А эта пирамидка или что она такое — тоже артефакт, в смысле предмет?

— Судя по всему, нечто похожее, — подтвердил Борн. — Послушай, с Никой еще очень много неясного, и я не разобрался. Но хочу тебе дать совет: не верь ей ни в чем. По крайней мере, учитывай все то, что я тебе рассказал об охотниках за предметами. Имей это в виду. Относись к Нике предельно осторожно. Да и ко всем другим.

— О, надеюсь, в ближайшее время я больше ее не увижу! А там — самолет и Пекин.

— Я бы тоже хотел надеяться, — вздохнул Алексей. — Но опыт подсказывает мне, что до твоего отлета вы еще встретитесь... Знаешь, сейчас я должен идти. То, что ты рассказал мне про Нику, чрезвычайно важно, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Котя. — Настолько, насколько вообще все это могу понять. Тем более, что мне тоже нужно собрать вещи. И вообще подумать. А на дворе уже ночь.

— Прекрасно! — Борн поднялся. — Тогда я пойду. Оставлю тебе свой номер телефона на всякий случай. — Он написал несколько цифр на салфетке. — Если что... Ну ты понимаешь. И вот мазь тебе еще для уха.

— Ага, иди. И — спасибо за помощь.

— Не за что, — улыбнулся Алексей. — Это мой долг.

— Только два последних вопроса, если позволишь, — сказал Чижиков в спину Борну.

— Да, давай, — с готовностью обернулся тот.

— Вот ты упоминал о предназначении... Что там насчет него?

— А, это... Ну я же с самого начала сказал, что предметы просто так абы к кому не попадают. А только к тем людям, которые должны реализовать возможности предметов с каким-то далеко идущим смыслом и последствиями. Я бы даже сказал, что предметы сами выбирают владельцев. И уж тут приходится решать самому, как быть. Или следовать предназначению, или использовать предмет иначе.

— Например?

— Да ты что, маленький, Костя? В личных интересах. Для обогащения, к примеру. Для сладкой жизни. И тут возникают проблемы этического характера, которые каждый решает сам. Вопрос выбора: просто наслаждаться обладанием предметом или же попытаться понять свое предназначение, с предметом связанное. И смысл моих речей состоит в том, чтобы подготовить тебя к тому, что такой выбор рано или поздно встанет и перед тобой. Я знал людей, которые делали вид, что выбора нет, и пользовались попавшим к ним предметом в свое удовольствие, для развлечения, для создания финансовых пирамид и тому подобного. Нельзя, конечно, отрицать, что предназначение может состоять и в этом... Словом, предназначение — это то, что тебе предстоит понять самому... Изучай свой предмет, учись им пользоваться. Со временем он сам тебе все подскажет... так

или иначе. Кстати, еще один совет: в Китай бери с собой кота. Обязательно.

— Да я так и хотел... Вот и клетка у меня новая... — от новой информации у Чижикова пухла голова и он остро почувствовал необходимость наконец остаться в одиночестве.

— Знаю. Я так, на всякий случай... А второй вопрос?

— Что?

— Ты сказал, что у тебя два вопроса. Какой второй?

— А! Да... Вы, я имею в виду хранителей, как-нибудь называетесь? Ну, типа футбольный клуб «Зенит», фабрика галош «Красный треугольник», могучая организация «Союз рыжих»...

— Конечно, — кивнул Борн. — Клан Желтого императора.

Закрыв за Алексеем дверь, Котя вернулся в кухню, сел за стол и некоторое время задумчиво смотрел на дремлющего Шпунтика. Потом ткнул его в мускулистую задницу и, когда кот, отозвавшись мелодичным «мррр...», недовольно поднял голову, вытянул в сторону его носа указательный палец. Пару секунд Шпунтик переводил взгляд с пальца на Чижикова и обратно, и в кошачьем взгляде читалось явное сомнение: не сошел ли хозяин с ума? Потом, видимо, как-то решив для себя этот важный вопрос, кот снисходительно к пальцу потянулся, обнюхал его и потерся о палец ухом. Отодвинулся, посмотрел внимательно, почти насмешливо: ну что, доволен?

— Работает... — усмехнулся Котя. — Ух ты, мой хвостатенький! — Он с удовольствием погладил кота. — Завтра в это время мы с тобой будем уже лететь. Будем лететь на высоте десяти тысяч километров, и весь мир будет перед нами как на ладони...

Шпунтик к этому известию отнесся совершенно равнодушно и, видя, что больше ничего интересного явно не предвидится, снова свернулся в клубок.

Чижигов, уставив невидящий взгляд в окно, попытался собрать в кучку разбегающиеся мысли. Это оказалось довольно трудно: сегодня его навестила тринадцатилетняя девчонка, которая объявила, что она его спутница и должна все время торчать рядом; потом Котя от этой замечательной девочки с великим трудом отделался; потом позвонил Сергей и сказал странное; потом Котя натолкнулся на Вениамина Борисовича, который был совсем на себя не похож; потом Чижигова чуть не покалечили в подворотне, но появился человек, назвавшийся Борном, спас от хулиганов и рассказал такое, что любой нормальный человек счел бы или тяжелой формой бреда, или тщательно продуманной сказочкой, в которую ее безумный рассказчик уже и сам до определенной степени поверил.

Если бы не... дракон, который лежал в заднем кармане джинсов и действительно обладал сверхъестественными свойствами. Если бы не давно умерший дед, которого с помощью дракона Котя увидел живым и здоровым. Если бы не Сергей, странный телефонный разговор с которым как раз укладывался в нарисованную Алексеем Борном картину — да что там, Сергей и Борн говорили об одном и том же, почти одними и теми же словами: никому не доверяй, за драконом охотятся, будь очень осторожен! Если бы не...

Чижигов, еще недавно ощущавший на губах пьянящий вкус небывалого приключения, приуныл. Гудело ухо, ныл бок, болела рука, саднили сбитые костяшки правого кулака. Перед глазами стояло лицо Антохи — равнодушное к чужой боли, жестокое, насмешливое. Нет, не так, совсем не так представлял себе Котя большое приключение, вовсе не так, по его представлению, должен дуть ветер перемен!..

Он вынул из кармана дракона и «пробил» Алексея: тот топорливо шагал по улице — судя по всему, приближался к углу Чайковского и Литейного. Борн оглянулся, и Чижигов увидел, что Алексей в узких черных очках. Последив за Борном еще

пару секунд и не заметив больше ничего необычного, Котя отключился.

Внезапно Чижикова посетило острое ощущение, почти на грани уверенности, что все те, с кем он за последнее время столкнулся, так или иначе дурят ему голову. За исключением, пожалуй, Антохи и компании, понятных и простых в своих намерениях и целях. И Дюши Громова, а также Сумкина, которые тут вовсе не при делах. Шквал новой информации был настолько велик, что Котя пока совершенно не представлял, как разложить по полочкам все то, что он узнал за последнее время, — и какие это должны быть полочки. Определенно ясно было одно: привычной жизни и привычным системам координат пришел конец. Теперь следовало жить и действовать по каким-то иным правилам, но вот по каким? Котя понимал, что лучше всего было бы обо всем кому-то рассказать — без утайки, с полным доверием, выговориться и, быть может, посоветоваться. Но кому и с кем? Таких людей не просматривалось. Ах, если бы дед... Но и с дедом было все очень непросто: ведь Чижикив уже отрыдал на его похоронах, и до какой степени после такого можно верить человеку? Сумкин отпадал сразу — Федор был человек абсолютно не подходящий. Начать с того, что он просто не поверит, потом поднимет на смех, потом вовсе отмахнется и будет напоминать всю оставшуюся жизнь — «ну что, больше прозрачные люди к тебе не приходили?» Нет-нет. Оставался один Громов, но Громов был в Пекине. Пока же с ситуацией, в которой Чижикив оказался, нужно было как-то примириться. Требовалось выработать некую линию поведения, что ли... И — тут все, и Сергей, и Борн, правы: никому нельзя верить. Никому. Как минимум — доверять, но проверять. Потому что...

Более или менее спокойное течение Чижикивых мыслей прервал звонок в дверь. Котя машинально взглянул на часы — почти два ночи, и инстинктивно затаился, даже недокуренную

сигарету потушил беззвучно, сделал Шпунтику предостерегающий знак: тихо, мол! Кот, уже собиравшийся выдвинуться к входной двери, передумал спрыгивать со стола.

Звонок повторился — короткий, робкий.

Кого, ну кого еще могло принести посреди ночи? С какой радости я должен открывать эту чертову дверь? Может, я сплю давно — сладко и крепко?..

Звонков больше не было. Вместо этого в дверь тихо поскреблись.

«Потрясающе! — подумал Чижигов. — Почему, ну почему я не вставил в дверь глазок?! А вдруг опять убивать пришли?..»

Взяв под мышку Шпунтика — им, в случае чего, Котя решил швырнуть в незваного гостя, — Чижигов прокрался к двери и прислушался: тишина.

Вдруг кто-то снова поскребся снаружи — Чижигов чуть кота от неожиданности не выронил. Шпунтик недовольно заворочался, даже слегка запустил в раненую руку когти, но Котя не обратил на кота внимания.

Да в самом-то деле!

— Кто там?! — грозным голосом крикнул он. — Какого черта вам надо среди ночи?!

Из-за двери донеслось в ответ — тонким знакомым голосом:

— Дядя Костя, это я, Ника! Откройте, пожалуйста. У меня дедушка пропал.

— Иди отсюда, девочка из будущего, — отчетливо выговаривая слова, ответил Чижигов, выпустил кота, приподнялся на носках и выдернул проводок из дверного звонка. — Здесь никого нет.

ЭПИЗОД 18

Император и зеркало

Поднебесная, гора Лишань, III в. до н.э.

К горе Лишань Цинь Ши-хуан прибыл под вечер.

Император теперь редко садился на любимого скакуна, о чем тосковал: владыка не мог позволить себе попусту рисковать, ибо с тех пор, как он лишил власти старые аристократические семьи, покушения на августейшую жизнь сыпались одно за другим. С некоторых пор повелитель Поднебесной путешествовал длинным, окруженным стражей караваном — и никто не мог точно указать, в каких именно закрытых носилках расположился сам Цинь Ши-хуан, а в каких с оружием наготове ждут его преданные гвардейцы. И хотя месяц от месяца покушений становилось все меньше, император уже привык постоянно быть настороже.

Караван взошел на последний холм и владыка чуть отодвинул плотную занавеску, обозревая обширное строительство, столь хорошо видимое отсюда. Внизу — вправо и влево, вплоть до самой горы — там и сям землю перечеркнули глубокие рукотворные траншеи, курились дымки многочисленных ремесленных мастерских, слаженно копошилось великое множество рабочих, отсюда мелких, как муравьи. Здесь, в окружающих гору извилистых земляных коридорах, которые позднее накроют балками, а балки засыпят землей, по замыслу владыки должны были встать на страже первый, вто-

рой и третий ряды отборной императорской гвардии. Фигуры грозных воинов уже изготавливали по всей Поднебесной, а потом свозили к горе Лишань. Каждая фигура была индивидуальна — полностью копировала неповторимые черты лица конкретного гвардейца. Мастера без устали покрывали статуи красочной росписью, превращая изображения тех, кому суждено охранять владыку в его бесконечном путешествии в иные миры, в подлинные произведения искусства — молчаливые, выразительные фигуры, застывшие в бесстрастном ожидании. Отдельные помещения были вырыты для конной гвардии, и со дня на день сюда должны были начать прибывать глиняные изваяния лошадей, также выполненных в натуральную величину. Но самое важное и сокровенное творилось в недрах горы Лишань, которой каких-то двадцать лет назад здесь не было — гору насыпали вокруг каменной ступенчатой пирамиды, места будущего упокоения великого и божественного владыки по мнению всех, но на самом деле — отправной точки его грядущего путешествия вне времени и пространства, и об этом знали единицы. Работы, которые велись внутри пирамиды, были доверены избранным, которых — Цинь Ши-хуан думал об этом с легкой грустью — по окончании придется умертвить всех до единого, поскольку знание о том, что и как устроено там, под толщей земли, не должно распространяться, ибо это запретное знание. Император вовсе не желал смерти этих уникальных, искуснейших мастеров, но понимал, что такое решение все равно придется однажды принять — равно как и многие другие, гораздо более жестокие и масштабные, потому что того требовала важнейшая цель объединения страны, народа, мира. Цинь Ши-хуан каждый день чувствовал, какова тяжесть ноши того, кто решил изменить мир. Мир, консервативный и не желающий меняться, сопротивляется из всех сил, и, видят духи, сколь бывает непросто даже не принять решение, а настоять на его

неукоснительном исполнении. Дело не в том, что подданные не желают выполнять приказы владыки, но в том, что сам владыка ни с кем кроме себя самого не может разделить разрушительного бремени власти и понимания того, что он — прав. Никто не знает и не будет знать, как из ночи в ночь червь сомнения грызет владыку, как перед мысленным его взором снова и снова встают пожарища спаленных городов и лица казненных по августейшему приказу, как опять и опять он видит слезы матерей и слышит плач детей, а кони летят и летят, а воины, гремя доспехами, мчатся в стремительном броске к очередной не покорившейся еще цели... Нет-нет, единственный и божественный владыка обязан быть твердым.

Цинь Ши-хуан легко взмахнул веером: вперед! — и задвинул занавеску. Замерший на холме выезд слаженно возобновил движение и начал спускаться — паланкин за паланкином, окруженный плотным строем пешей и конной стражи, а впереди по бокам дороги, поворачивающей к стоящему у горы походному дворцу, уже выстраивались две шеренги воинов, несших стражу на Лишани. По равнине пронеслись выкрики приказов, забили барабаны.

Сегодня владыка опять был не в духе и ближние люди опять терялись в догадках, чем объяснить дурное настроение императора. Иначе и быть не могло, поскольку тайные дела владыки мало кому становились ведомы и далеко не все из тех, кто по разным причинам оказывался посвященным в эти дела, продолжал пребывать среди живущих. Очень и очень немногие, например, советник Гао, могли бы объяснить, что августейший повелитель Поднебесной крайне озабочен, недоволен, гневается из-за того, что таинственные отряды черных людей по-прежнему, несмотря на все принятые — мыслимые и немыслимые — меры, продолжают препятствовать императорским посланникам, отправленным за очередным амулетом Желтого императора, отыскать след которого стоило таких больших

усилий, сравнимых, пожалуй, только с мерами, предпринятыми владыкой для сохранения глубокой тайны. Цинь Ши-хуан подозревал, что в ближнем его окружении завелся человек, который предупреждает черные отряды, но пока не мог и представить, кто — столь узок и надежен был круг посвященных. Между тем, за последние дни в пяти случаях из шести августейшие посланцы подверглись нападениям и потерпели сокрушительные поражения: не спасся почти никто, не говоря о том, чтобы овладеть амулетом. Предпринятые меры предосторожности дали некоторые, скорее ничтожные, результаты: в одной из скоротечных схваток, когда люди в черном по своему обыкновению появились словно ниоткуда, удалось дать отпор и даже обратить нападавших в бегство — и в руки гвардейцев попали три бездыханных тела, утыканных стрелами. Но тела ничего не сказали опытным дознавателям, ибо не сыскалось ни в одежде, ни где-то еще никаких — хоть малейших — знаков и свидетельств, могущих привести к логову нападавших или дать о них иные сведения. Единственно — у одного трупа на лбу желтым было выведено «Хуан-ди», но это было все и это ни о чем не говорило. Такому ничтожному успеху императорские посланцы были обязаны одному из главных военачальников трона — воеводе Мину, которого владыка счел возможным посвятить в тайную подоплеку происходящего, хотя и частично. Мин был опытный воин, обладающий множеством талантов, преданный слуга императора — он, не задавая лишних вопросов, присоединился к отряду, добавив в него лучших своих воинов, и именно его своевременное и решительное вмешательство позволило отбить нападение черных.

Не забыл владыка и про деревню, где ходили легенды о давней битве между Желтым императором и Чи-ю: туда был тоже послан отряд, и многочисленный, который за два дня в прямом смысле перекопал деревню и окрестности, но не добился никаких результатов. Оставив догорать разоренные дома и свалив

допрошенных и потом казненных местных жителей в подходящую размерами яму, гвардейцы вернулись в столицу. Здесь их встретил сдержанный монарший гнев — ибо к тому времени Цинь Ши-хуан уже составил отчетливое представление о противостоящем ему противнике и не ожидал успеха от налета на деревню. Кроме того, накануне советник Гао доставил владыке еще один амулет из числа разыскиваемых — что не могло не обрадовать императора. Но те трудности, с которыми владыке пришлось столкнуться на пути обретения амулетов, все равно не давали ему спать по ночам. Мысль о быстротекущем времени, которое утекало между пальцев, точила владыку — а дело продвигалось так медленно!

Ныне Цинь Ши-хуан прибыл на Лишань, чтобы проверить, как идут работы, а также доверительно побеседовать с обитавшим здесь безвыездно уже много лет наставником Чжаном, которому день назад советник Гао доставил для осмотра таинственную книгу, именуемую «Илиятэ», — наставник был многомудр и император возлагал на него большие надежды. Ждал Цинь Ши-хуан и известий от воеводы Мина, отправленного с секретным поручением в один отдаленный заброшенный храм: владыка получил верные сведения о том, что именно там может крыться вещь наиважнейшая — волшебное зеркало Желтого императора, с помощью силы которого можно управлять потоками вод и двигать горы. Повелитель Поднебесной жаждал получить зеркало более всего. Ведь именно оно должно было дать ему ту власть, которая позволит окончательно завершить преобразование устройства мира, и тогда будут трястись горы, вспенятся воды, и многие, очень многие, оказавшись во власти стихий, уйдут к Желтому источнику — в то время, как император, надежно укрытый в погребальной пирамиде, будет следить, идет ли все так, как задумано, и ожидать, когда мир обновится, омывшись от скверны, чтобы явиться в него и продолжить тысячелетнее царствование.

Но как же медленно, непозволительно медленно вершится великое дело! Повелитель Поднебесной остро жалел, что до сих пор еще не властен над временем. Что поиски дающего такую власть амулета до сих пор не увенчались успехом. Что он вынужден ждать — как простой смертный.

Носилки остановились и без малейшего толчка, плавно опустились на землю. Цинь Ши-хуан прислушался: барабаны замолкли, выезд окружила тишина — подданные, как им и положено, терпеливо ожидали августейшего появления.

Император отдернул занавеску, неторопливо сошел на землю.

Перед ним вверх бежали деревянные ступени, ведущие в первый, приемный зал походного дворца. Паланкин плотной стеной окружили широкие спины гвардейцев: их внимательные глаза обшаривали обширное поле внешнего двора, ловили чутко каждое лишнее движение. Такой же строй стоял и по обе стороны лестницы, вплотную к перилам, и ни один нескромный взор не потревожил владыку, когда он медленно поднимался по ступеням, чтобы скрыться в темной прохладе дворца.

— Владыка... — ожидавший появления императора советник Гао распростерся перед ним.

Цинь Ши-хуан все так же неторопливо поднялся на возвышение, сел, расправив широкие рукава тяжелого халата, принял от неслышной тенью скользнувшего к нему слуги чашу с вином, свободной рукой огладил узкую длинную бороду.

— Мы слушаем, — изрек император, пригубив вино. — Говорите.

— Докладываю владыке: воевода Мин прислал известие.

— Что же? — наклонился вперед Цинь Ши-хуан. — Хорошо ли то известие? Успех?

— Успех, владыка, — советник Гао, повинуясь жесту императора, уселся на пятки. — Успех!

— Ха! Ха-ха-ха! — звучно рассмеялся Цинь Ши-хуан, воздев руку к темнеющим над ним узорным балкам потолочных сво-

дов. — Вот славная новость! Успех! Нам очень приятно слышать такое. Эй, кто там! Вина советнику.

— О благодарю, владыка! — Гао взял у слуги полную чашу, обеими руками высоко ее поднял. — Вечные годы жизни владыке! Вечные годы! — Старательно выпил. Несколько капель пролившегося вина скользнуло по рукаву.

— Радуйтесь! Радуйтесь, советник! — велел император, улыбаясь. — Ибо недолго теперь час завершения наших трудов. Вина советнику!

— Благодарю, владыка! Обширны милости владыки! — советник подставил чашу слуге с кувшином. — Велики деяния! Вечные годы! Вечные годы! — Гао снова припал к чаше.

— Когда же воевода Мин будет здесь? — спросил между тем Цинь Ши-хуан.

— Гонец передал, что воевода уже выступил, владыка, — отвечал Гао, преодолевая шум ударившего в голову вина. — Прибытие его ожидается в ближайшие часы.

— Прекрасно, — император отдал чашу неслышно приблизившемуся слуге. — Теперь мы повелеваем вам сопровождать нас к наставнику Чжану. — Цинь Ши-хуан легко поднялся на ноги. — Ведите нас.

Глубоко поклонившись, советник Гао обошел императорское возвышение и зашагал вглубь зала, к одному из крытых переходов — тому, что вел прямо в недра рукотворной горы Лишань, сокровенному августейшему убежищу, куда вход простым смертным был строго заказан. Переход этот, беря начало в боковой стене переднего зала, шел через открытое пространство равнины, скрывался в склоне горы и снаружи день и ночь охранялся гвардейцами, несшими дозор на расстоянии десяти шагов друг от друга. Никто кроме императора не мог без его дозволения ступить в этот переход, и четверо гвардейцев личной охраны, следом за советником и владыкой пересекавшие обширный полутемный зал, остались за дверью, а в переход вош-

ли лишь советник Гао, освещавший путь факелом, и следом за ним — Цинь Ши-хуан, положив левую руку за отворот халата.

Переход — длинный и темный — два раза поворачивал, и в этих местах были устроены раздвижные двери. В молчании советник и император достигли первой. Гао свободной рукой отодвинул дверь и, повинуясь взгляду Цинь Ши-хуана, переступил высокий порог — отошел на несколько шагов и поднял факел повыше, светя владыке. Цинь Ши-хуан, одной рукой по-добрав полу халата, а вторую по-прежнему держа за пазухой, перешагнул порог — и тут откуда-то с темного потолка прямо во владыку Поднебесной ударили небольшие арбалетные стрелы, а следом вниз скользнула тень. Пронесся едва слышный шорох извлекаемого из ножен клинка, и советник Гао от сильного толчка в грудь отлетел в сторону, но тут же извернулся, вскочил, выставив факел. Но что это...

Императора в коридоре не было, а перед необъяснимым образом закрытой дверью в полной растерянности замер человек в черном, уже занесший высоко над головой сверкнувший в свете факела меч для удара в то место, где мгновение назад стоял Цинь Ши-хуан.

Советник не мог пожаловаться ни на быстроту реакции, ни на мощь владения воинским искусством, но заметить, куда подевался император, он не успел. Впрочем, не только он, но и неизвестный убийца тоже. И оба оказались совершенно не готовы к тому, что произошло дальше.

Казалось, время удивительным образом сжалось для Гао и убийцы — и одновременно растянулось для Цинь Ши-хуана: пока убийца опускал меч и начал уже разворачиваться к советнику, на ходу меняя стойку, а сам советник только еще начал делать первый скользкий шаг в его сторону, взяв факел наизготовку, — неведомо кем закрытая дверь резко распахнулась и в проеме возник император с верным мечом «Нефритовый дракон» в руке. Меч беззвучно хлестнул человека в черном — от ле-

вого плеча и до пояса, и булькнувший кровью убийца медленно стал падать наземь, попутно разваливаясь на две половинки.

— Владыка... — только и смог потрясенно вымолвить советник, рухнув на колени. — Владыка... Но как?!

Смятение охватило Гао, но вовсе не того свойства, о котором мог бы подумать повелитель Поднебесной. Это было не то смятение, которое почувствовал бы непосвященный при виде непостижимого волшебства, но другое: неужели император не во всем доверился своему проверенному советнику? Неужели кто-то другой, неизвестный Гао, тоже доставляет Цинь Ши-хуану волшебные амулеты? Как же Гао это проморгал? Как?!

— Удивительны дела наши, — ответил Цинь Ши-хуан, ударом по рукояти стряхивая с драгоценного лезвия капли крови и внимательно его осматривая. Удовлетворенно кивнул и вернул меч в ножны. — Или вам неведомо, что нам подвластны все пять стихий?

— О, владыка... — скрывая истинные чувства, советник принялся бить поклоны. — Пусть владыка позволит его ничтожному слуге принять мучительную смерть! Ведь это моя вина, что презренный убийца сумел затаиться в самом сердце драгоценных покоев владыки!..

— Советник, — прервал его император, утирая крупные капли пота, выступившие на лбу. — Мы позднее решим, какой смертью и когда вам будет дозволено умереть. А сейчас мы желаем продолжить путь.

— Как владыке будет угодно! — Гао поспешно вскочил и, бросив быстрый взгляд на бездыханное тело, поднял с земли факел. — Пусть владыка соблаговолит следовать за его ничтожным слугой.

Дальнейший путь прошел без приключений: Гао и император миновали еще одну дверь — и советник на сей раз, не скупясь, осветил потолочные балки прежде, чем Цинь Ши-хуан переступил порог, потом спустились по извилистой лестнице и оказались перед последней дверью, толстой и тяжелой, за которой

располагался вход в подземную пирамиду. Перед дверью бес­менно бдили два стража, могучие и немые. При виде владыки они бросились наземь, но оружия из рук не выпустили. Цинь Ши-хуан милостиво позволил им подняться и одарил улыбкой: ведь этим людям, столь преданно охранявшим августейшие секреты, в скором времени предстояло покинуть мир людей.

А потом вступил в пределы усыпальницы.

Наставник Чжан, многие годы обитавший в пирамиде и ви­девший звездное небо только в виде особой милости владыки, трудился в главном зале подземного убежища — где из дра­гоценных металлов и камней была сооружена подробнейшая карта известной ныне Поднебесной. Скоро тут, по руслам из­ваянных в камне миниатюрных рек должны были заскользить, масляно переливаясь в ярком свете факелов, ртутные воды, чтобы наполнить чаши озер и сполна придать объем макету империи. Наставник заканчивал последние приготовления.

Появление владыки как всегда стало для него неожидан­ностью: император появлялся тогда, когда считал нужным, и никакие секреты святых-бессмертных, коими владел настав­ник Чжан, ни разу еще не помогли ему предугадать очередной августейший визит. Однако же от внимательного глаза Цинь Ши-хуана не укрылось, что наставник Чжан сегодня вел себя немного иначе: обычно он бывал испуган — что вполне объ­яснимо как важностью порученной ему работы и опасения навлечь на себя высочайший гнев, от которого нет спасения, так и дурным расположением духа владыки, в последнее вре­мя постоянно сопровождавшим Цинь Ши-хуана. Лишь завидев повелителя, наставник Чжан начинал суетиться, старательно кланялся, словом — из кожи вон лез, чтобы еще больше не про­гневить императора, который мог придрасться к любой мелочи. Чжан хорошо помнил те двадцать плетей, которыми в послед­ний раз одарил его владыка, узнав, что на плане Поднебесной до сих пор отсутствует сама гора Лишань.

Ныне же наставник Чжан, крепкий голенастый старик с копной седых спутанных волос и нечесаной жидкой, но длинной бородою, преклонил колена перед повелителем безо всякой суеты и дрожи. Цинь Ши-хуану показалось даже, что Чжан проделал все это с каким-то... достоинством. Наставник был исполнен странного императору спокойствия — а между тем, как сразу заметил Цинь Ши-хуан, русло Янцзы еще не было закончено, и Чжан как раз старательно выбивал его зубилом, когда император появился в зале. Тем не менее наставник не боялся. Быть может, наелся каких-нибудь даосских снадобий?..

— О, владыка всего сущего! — глухо донесся до императора глубокий голос Чжана, уткнувшегося лицом в облицованный полированным нефритом пол. — Да продлятся года владыки тысячу раз по тысяче раз!

— Мы желаем знать, как обстоят дела, — проронил Цинь Ши-хуан, скользнув взглядом по худой спине наставника. Наученный нападением в переходе советник Гао выступил вперед и занял позицию между императором и старым даосом. — Мы хотели бы услышать, что ты узнал о нашей книге. Ты можешь встать.

Чжан медленно поднял голову и поднялся. Повелитель Поднебесной в очередной раз про себя удивился, сколь крепок оставался наставник — несмотря на годы, проведенные в подземном заточении.

— Владыка, — начал наставник Чжан голосом гораздо более уверенным, нежели обычно, — книга, с которой владыка столь великодушно позволил своему ничтожному слуге ознакомиться, обладает поистине удивительными свойствами.

— О чем говорит она? — поинтересовался Цинь Ши-хуан.

— Ничтожный слуга вынужден признаться, что ему это неизвестно, — со вздохом сожаления отвечал наставник. — Но пусть владыка не гневается на ничтожного, ибо причина тому заключена не в несовершенстве убогих знаний его слуги или

в малополезности того наиобширнейшего книжного собрания, к которому милостью владыки ничтожный даос в скудоумии своем который год приникает при необходимости...

— Какова же тогда причина? — император нахмурился: снова неудача! Советник Гао незаметно напрягся. — Говори же.

— Ваш ничтожный слуга не смеет скрывать от владыки ни крупницы выпавшей на его долю мудрости, — заговорил Чжан. — Истина в том, что те речи, которые запечатлены в той книге, в сути своей небывалые, а события, о коих повествует она, — диковинные и удивительные. Хэ Ма, творец поразительный, но никому дотоле неведомый, сложил песни и гимны, в коих говорится о походах, сражениях, победах и пирах воинов, среди четырех застав никому не знакомых, и имена героев тех звучат уху непривычно, словно имена варварские, но поступки и речи их таковы, что и благородный муж не побрезгует, хотя и сочтет многое странным и чудным. Слог же Хэ Ма поистине драгоценен — будто ряды ясных жемчужин слова его, что на крепкую нить нанизаны...

— Верно ли мы поняли, что ни в каких других книгах, здесь ли, в нашей библиотеке или же ранее тобою читанных и изученных, ничего подобного ты никогда не встречал? — перебил император.

— Истинно, о владыка! Истинно так! — склонил голову наставник. — Ничтожный слуга не может похвастаться всезнанием, однако же долгие годы затратил он на постижение мудрости и уверенно может сказать, что гимны Хэ Ма нигде не встречал даже намеком, как песчинка маленьким. И если слуге вашему позволено будет сказать... — тут Чжан почтительно умолк в ожидании.

— Позволяем, — чуть кивнул Цинь Ши-хуан.

— Ваш ничтожный слуга убежден, совершенно убежден, что книгу сию неведомые пути судьбы доставили к нам из стран за морями. Известно, что жители тамошние отличаются и видом

своеобычным, и нравами, и порядками, а уж установления, принятые в странах тамошних, заставляют лишь вздохнуть в изумлении. Про дела их нам совершенно неведомо, и книга сия, быть может, единственное о том свидетельство. И ваш ничтожный слуга вовсе не испытает удивления, узнав, что этот список — в Поднебесных землях единственный... — речь наставника текла плавно, голос звучал убедительно в своей уверенности.

— Что скажет советник? — обратился император к Гао.

— Из прозвучавших мудрых слов ваш слуга ясно понял, что убеленный сединами знаний наставник Чжан ничего об этой книге не знает и найти не сумел, — тут же ответил советник. — Прошу владыку не считать это за вину наставника, ибо в том, о чем говорит он, сокрыто зерно понимания, по разумению вашего слуги, понимания верного. Книга эта — не из наших земель, и как понять ее, постичь весьма затруднительно.

— Что же... — в раздумье кивнул Цинь Ши-хуан. — Возможно, мы обратим наши помыслы к ней позднее, когда будет завершено великое дело.

— Если владыка позволит сказать своему ничтожному слуге еще несколько слов... — вдруг произнес наставник Чжан. Цинь Ши-хуан посмотрел на него повелительно: говори же. — Изучая эту непостижимую книгу, ваш ничтожный слуга обнаружил одно присущее ей важное свойство, о котором не смеет умолчать.

— И что за свойство открыл ты, наставник Чжан?

— Свойство этой книги таково, что если долго читать ее или иметь при себе поблизости, держать в руках или носить за пазухой, то все тревоги, коими столь богата жизнь, постепенно улетучиваются, истончаются, а под конец и вовсе рассеиваются, — заговорил Чжан. — И порукой тому — сам владыки слуга ничтожный, более при грозном виде повелителя не трепещущий, но исполненный самой глубокой заботы о делах его и

преданности. Именно она и позволяет ничтожному так открыто вести в высоком присутствии столь откровенные речи, ибо ведомо слуге ничтожному, что умолчать о подобном неуместно, а сказать иными словами — недействительно.

Цинь Ши-хуан махнул рукой советнику, устремившемуся было наказать Чжана за дерзость: оставь его!

— Мы... благодарны за такое важное сообщение, — задумчиво пробормотал император, глядя на наставника в упор. — Мы ценим верную, преданную службу и щедро награждаем за нее. Доставь нам книгу Хэ Ма!

Наставник Чжан бегом устремился к главному алтарю святилища, где было уже установлено роскошное каменное сидение, с высоты которого владыке предстояло созерцать миниатюрную Поднебесную, — и столь же быстро вернулся обратно со свертком.

— Мы вскоре вернемся с новыми повелениями, — Цинь Ши-хуан принял из рук наставника свертки. — Советник Гао! Мы возвращаемся.

Когда император снова занял место на возвышении в переднем зале, воевода Мин уже прибыл. Стоявший по правую руку от владыки советник Гао, повинуясь кивку Цинь Ши-хуана, подал знак гвардейцам, и воевода тут же был допущен в зал. Мин, статный, высокий воин, с суровым, опаленным сражениями, но по-прежнему красивым лицом, бережно держал в руках нечто завернутое в кусок плотного шелка.

— Владыка! — воевода упал на колени напротив возвышения. — Высочайший приказ исполнен. Ничтожный доставил ту вещь, которую желал получить владыка. Вот она.

Цинь Ши-хуан некоторое время оценивающе смотрел на свертки, который воевода Мин осторожно положил на пол перед

его возвышением. В сумрачном зале, освещаемом лишь теми лучами заходящего солнца, которые смогли пробиться сквозь тонкие занавеси близ открытых окон, воцарилась ничем не нарушаемая тишина.

Наконец император пошевелился, внимательно взглянул на советника Гао, потом на воеводу.

— Все оставьте нас! — негромко велел Цинь Ши-хуан, и через мгновение тихо скрипнули входные двери, закрываясь снаружи. Повелитель Поднебесной остался с заветным свертком один на один.

Он медленно спустился с возвышения и сел рядом, прямо на пол. У правой руки положил верный меч. Кончиками пальцев осторожно потянул за край материи. Шелк развернулся.

Зеркало. Лежащее изнаночной, неотполированной стороной вверх. На вид похожее на бронзовое, но не бронзовое — яснее, ярче, налитое тугим внутренним светом. Небольшое — пальца в три в поперечнике. В центре выгравирован то ли хризантема, то ли нечто на цветок очень похожее. А по сторонам от цветка, ближе к краю, на равном удалении друг от друга — неглубокие выемки сложной формы, числом пять, все разные. И ни единого знака, ни одного иероглифа. Это казалось странным: в покоях Цинь Ши-хуана было достаточно драгоценных и древних зеркал, изукрашенная внешняя сторона которых поражала искусством и тонкостью изготовления, и на всех надписи были — хотя бы отметка, клеймо мастера, по праву гордившегося своим творением. Здесь — нет. За исключением цветка в центре и фигурных выемок внешняя поверхность зеркала была удивительно ровной. Император присмотрелся — и не разглядел ни единой царапины. Даже намек на царапину. Непостижимо! Неужели, и вправду — то самое?..

— Вот, наконец, оно...

В волнении император сунул руку за пазуху и достал небольшую плоскую фигурку — изображение божественного живот-

ного цилиня, являвшегося миру лишь на пороге важнейших перемен, менявших самые основы мироздания. Похожий чем-то на оленя, цилинь был чешуйчат, бородат и обладал черепашьим панцирем — и на взгляд металл, из которого он был сделан, в точности соответствовал материалу, из которого изготавливали зеркало, что лежало сейчас перед императором.

Слегка дрожащей рукой владыка поднес цилиня к зеркалу и вдруг почувствовал, как неведомая сила мягко, но вполне ощутимо направила его руку в сторону одной из выемок, словно указывая, в какую именно надлежит вставить фигурку. Повинуясь ей, Цинь Ши-хуан приблизил цилиня вплотную к зеркалу — и фигурка выскользнула у него из пальцев, с еле слышным щелчком заняв свое место, а зеркало издало таинственный — тихий и щемящий — звон и на мгновение засветилось белым. В испуге император ухватил цилиня двумя пальцами и вытащил — легко и свободно, хотя и мелькнула у повелителя Поднебесной мысль, будто отделить фигурку от зеркала уже не удастся. В ответ на расставание с цилинем зеркало опять испустило негромкий звук, на сей раз похожий на стон сожаления.

Некоторое время Цинь Ши-хуан сидел у зеркала недвижимо. Император хмурился, а на его ладони серебрился божественный цилинь, которого само Небо посылает для того, чтобы дать людям знак о грядущей великой радости или о чудовищном нестроении.

— Нужно найти еще четыре... — еле слышно бормотал владыка. — Еще четыре...

ЭПИЗОД 19

Лети, Котя, лети

Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года

Спал Чижииков отвратительно, хотя ни прозрачные, ни еще кто иной за ночь его ни разу не потревожили: поздно лег, долго не мог заснуть — все думал, ни свет ни заря проснулся, наскоро умылся и занялся сборами. Шпунтик ходил за мечущимся хозяином следом и глядел на него укоризненно. Кот решительно отказывался понимать, к чему так суетиться, если все то же самое можно сделать спокойно и не напрягаясь. Шпунтик даже пару раз пытался объяснить это Чижиикову, для чего прибег к сложно модулированному мяуканью, но в результате оказался схвачен поперек живота и посажен в странный пластмассовый ящик с решетками на окнах. Кот возмутился и громко потребовал свободы, на что услышал лишь:

— Сиди вот и привыкай. Нечего под ногами путаться.

Шпунтик честно пытался сидеть и привыкать — наверное, с полчаса. За это время он успел освоить решетки и убедился, что их не сломать, а голова сквозь прутья не пролезает. Потом кот уперся мускулистой задницей в дверцу и понял, что ее не открыть, а просунутая наружу лапа до запора никак не достает: коротковата. Шпунтик попытался пометаться по ящику, но простора для разбега явно не хватало. Тогда он опечалился. И известил об этом хозяина, то есть заорал.

Никакого эффекта. То есть хозяин подошел — да. Подошел и долго говорил о том, что иначе котов в самолет, даже и с паспортом, не пускают, а поскольку он, Шпунтик, всю жизнь хорошо кушал и вообще гармонично развивался, ему, Шпунтику, теперь придется восемь часов куковать не в салоне, где с комфортом будет путешествовать хозяин, а вовсе даже в каком-то багажном отделении, вместе с разными прочими кошками и собаками, которые весят больше восьми килограммов. Тут только кот с ужасом осознал, во что его втянули, и от вида разверзнувшейся перед ним, наивным, бездны человеческого коварства даже орать перестал. Несообразительный хозяин решил, что это он так привыкает — и привыкает успешно, - а потому ушел дальше бросать вещи в чемодан. В умственных способностях хозяина Шпунтик всегда сомневался, но с такими явными доказательствами своей правоты столкнулся впервые. Пора было пересмотреть соглашение о сотрудничестве.

Чижигов между тем просто оттягивал момент выхода на улицу. Ночью, после того, как он хирургически отключил дверной звонок, девочка из будущего, к Котиному великому облегчению, больше никак себя не проявила, в том числе и в дверь не скреблась. Но Чижигов вполне справедливо полагал, что с Ники станется заночевать на подоконнике и встретить его радостной улыбкой, стоит ему лишь открыть входную дверь. Котя несколько раз к двери подходил, прислушивался, даже ухо к замку прикладывал: вроде бы, никаких признаков задорной девочки из-за двери не поступало.

Наконец решившись, он сунул в карман немного денег и, осторожно, стараясь не шуметь, вынул из петли дверной крюк, а потом медленно повернул ключ в замке. Чуть-чуть приоткрыл дверь — никого. Распахнул пошире, готовый, чуть что, тут же юркнуть обратно, завертел головой: ни на лестничной площадке, ни на широком подоконнике Ники

не было. Равно как и никого другого. Чижиков чутко прислушался, но не уловил никаких настораживающих звуков. Тогда он быстренько запер дверь и, пулей прошмыгнув вниз по лестнице, выскочил из подъезда и тут же свернул в соседнюю подворотню. А уж там Котю мог настичь только хорошо знакомый с местной топографией человек: старые дворы Моховой и окрестностей представляли собой лабиринт из проходных подъездов, резко сворачивающих подворотен и прочих переходов и пролазов, по которым знающий человек мог пройти до самого Литейного проспекта и умудриться никому ни разу на глаза не попасться.

Так Котя и поступил: окольными путями выбрался на Литейный, а уж там прошелся по магазинам, судорожно приобретая необходимое. Несколько дверных замков. Новые черные очки. Три дешевых зажигалки. И прочие важные для путешествия мелочи. В паре мест Котя из интереса расплатился пластиковой карточкой типа «Виза»: к его удивлению все прошло легко и просто. Чижиков никогда не верил карточкам, считая их бесполезными кусками пластмассы, хотя «Виза» у него была. Но держать на счету ему раньше было нечего. Теперь же — дело иное. Не поедешь же через границу с толстой пачкой долларов! Часть вырученных за китайский сундучок денег Котя обратил в доллары, но основную сумму положил на счет. И кажется, это работало. По крайней мере, в России.

Без происшествий вернувшись домой, Чижиков был встречен радостным кошачьим воплем, но выпускать страдальца не стал, а насыпал в туалетное отделение «катсана», а в пищевой лоток — вкусного и питательного «вискаса». Шпунтик воспринял его действия как подготовку к освобождению, но потом, увидев, что неподалеку от хвоста возникли знакомые туалетные шарики, опять приуныл, и даже «вискас» не особо поднял коту настроение. Да и какой кот, который нормальный и в себе, будет хрустеть сухой дрянью, когда есть живая рыба пикша?..

— Попривыкай еще. Потом дам тебе мяса, — пообещал бездушный хозяин и ушел врезать в дверь замок.

Шпунтик от возмущения тут же навалил в свежий «катсан» огромную кучу. И принялся машинально жевать «вискас», вытаращенными от возмущения глазами глядя на белый свет сквозь решетку. Такой сказочной гадости от хозяина он никак не ожидал. И это после всего того, что Шпунтик для него сделал! Какие все-таки жалкие и ничтожные существа эти люди!..

Пока Шпунтик терзался потерей свободы, Чижииков успел оснастить новыми замками все три комнаты, в которые не предполагал свободно допускать временного жильца Федора Сумкина — главным образом те, где жила Коллекция. Время за хлопотами пролетело незаметно, и когда Котя покончил со сборами, получился небольшой, но увесистый чемодан и сумка с ноутбуком, самыми необходимыми мелочами и документами, — нужно было уже вызывать такси. Так он и сделал, а потом вернулся к коту и распахнул дверцу клетки.

— Выходи, узник совести!

Шпунтик даже не пошевелился — продолжал лежать, уютно подобрав под себя лапы и внимательно, испытующе на хозяина глядя.

— Давай уже выходи, — повторил Чижииков. — До приезда машины есть время размять лапы. Слышишь?

Кот безмолвствовал.

Чижииков попытался вытащить Шпунтика насильно, но кот выдернул из-под себя одну лапу и ударил его по руке — мягко, но явно обозначив наличие когтей.

— Да ты, никак, обиделся, мой хвостатый друг... — удивленно протянул Котя. — Слушай, ты это брось. Во-первых, мне сейчас не до твоей тонкой душевной организации. Во-вторых, если ты хочешь лететь со мной в Пекин, то тебе все равно придется какое-то время сидеть в этой клетке. И я вовсе не уверен, что в

Китае тебе позволят вот так запросто разгуливать где вздумается... Да выходи же, в конце концов!

На протяжении всей этой речи Шпунтик внимательно смотрел на хозяина и даже два раза понимающе моргнул, но с места так и не сдвинулся.

— Ладно, я был неправ, засовывая тебя в клетку против твоей воли, — сдался Котя. — Надо было сперва спросить... Ну извини, извини! Так нормально?

Шпунтик моргнул.

— Чего тебе еще?.. Ах да, мясо! — Чижииков припустил на кухню и достал из холодильника специально купленный для кота свежий кусочек говядины. Быстро нарезал и сложил в первое попавшееся блюдо. И рысью вернулся в комнату. Поставил блюдо перед клеткой.

— Ну вот... Извинения приняты?

Только после этого Шпунтик медленно, с совершенно незаинтересованным видом вышел из переноски и соизволил обнюхать подношение.

— Мир? Мир? — не отставал Чижииков.

С картинной ленцой в момент очистив блюдо от мяса, Шпунтик облизал лапу и нехотя ответил: «мрррр...»

— Ну и отлично! — обрадовался Котя. Только ссоры с котом ему и не хватало. — Но ты учти то, что я сказал про клетку. Тебе придется в ней сидеть, понимаешь?.. Давай так: когда придет время, я тебя просто попрошу и ты в клетку залезешь. Хорошо?

«Ничего хорошего, — читалось на кошачьей морде. — Сам в этой клетке сиди». Однако вслух Шпунтик ничего не сказал, решив посмотреть, как будут развиваться события. Бестолковый хозяин по своему обыкновению истолковал поведение кота превратно.

— Договорились? Превосходно! Пойду билеты проверю.

«Чего их проверять? — подумал Шпунтик. — Уже десять раз проверял. До дыр затер».

Чижилов нервничал: теперь, когда отъезд в Китай стал делом ближайших часов, он во всей полноте осознал, что летит черт знает в какую даль, в страну, которая, в сущности, ему почти не знакома, жители которой по-русски не говорят, а — только по-китайски. И что кроме Громова ему, Чижилову, там, в Китае, рассчитывать не на кого. А вдруг Дюша не встретит его в аэропорту? Что тогда? Как быть? Куда деваться?..

Авантюра. Безумная авантюра.

Чижилов схватил телефонную трубку и, сверяясь с мобильником, судорожно набрал пекинский номер Громова. Сначала в трубке долго шуршало, потом щелкнуло — и только Котя живо представил себе огромное расстояние, разделяющее Петербург и Пекин, как раздалась жизнерадостная китайская музыка. Музыка поиграла с полминуты, после чего мелодичный женский голос услужливо что-то доложил Чижилову по-китайски — и снова повисла шуршащая тишина. Котя тупо вслушивался в тишину, потом охрипшим голосом спросил: «Алло?.. Алло?..» И сразу за этим грянули короткие гудки.

Обалдеть!..

Вот что она только что сказала такое? Что проречетала на своем птичьем языке? Что Громова нет и не будет? Или что аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети?..

Не успел сесть на самолет, а уже начались трудности.

Хоть бы по-английски дублировали.

Подшел Шпунтик, вспрыгнул мягко на стол и посмотрел вопросительно: проблемы?

— Да, мой хвостатый друг, проблемы. А может, и нет. Эх, и что я не выучил этот язык раньше!

Телефон между тем ожил — раздался звонок.

— Да? — почти закричал в трубку Котя.

— Такси заказывали?..

Конечно, Шпунтик пошел хозяину навстречу, и когда тот нервно скомандовал занять место в переноске, забрался в клетку без лишних споров. В клетке было непривычно, а уж когда хозяин выбрался с котом в одной руке и с чемоданом в другой на лестницу, запер дверь и стал спускаться вниз, начало еще и трясти, и покачивать, но Шпунтик держался, упершись в стенки клетки, и стойко не издал ни звука до тех пор, пока хозяин, открыв дверь задом, не вышел на улицу и не направился к отвратительно пахнущей желтой машине. Тут кот насторожился, потому что из машины выкатился толстенький дядька в сомнительной свежести рубашке и почти лысый. Дядька обошел машину сзади и распахнул багажник. Хозяин зашагал напрямик к его черному зеву, и тут уж Шпунтик не сумел сдержать вопль протеста, потому что багажник его совершенно не привлекал. Непереносимо! Однако хозяин опустил туда один лишь чемодан, а кота взял с собой, в салон, и Шпунтик успокоился. Зарывавший мотор и неприятные запахи тоже выводили из себя, но со всем этим можно было примириться, хотя бы временно. Чтобы отвлечься от нелепости происходящего, кот решил пожевать «вискас».

Чижигов, усевшись в такси и установив переноску рядом, оперся локтем о клетку и развил бурную деятельность.

— Алло, Федор Михайлович... Да, я. Слушай, я таки улетаю через несколько часов, так что можешь заселяться. Только прошу тебя, не забывай про сигнализацию и все то, о чем мы договорились, ладно?.. Да я понимаю, но ты все равно не забывай, ага?.. Ну ладно, ладно... Да, ноутбук взял, так что будем на связи... Да ты что? Неужели? И когда?.. Слушай, я еще не знаю, где буду жить, я тебе сразу сообщу. А ты где будешь? Тоже в Пе-

кине? Так это же просто здорово! Превосходно!.. — и дальше в таком же роде.

Отключившись, Чижилов наклонился к Шпунтику и сообщил:

— Вот видишь, Сумкина в Пекин на конференцию посылают, так что увидимся с ним там, понимаешь? Правда, здорово?

«Здорово будет, когда вся эта фигня кончится, и уже можно будет прилечь в нормальных условиях», — читалось на морде механически хрумкающего «вискас» кота.

— В Пекин летите? — подал голос шофер. — Работать или так, развлекаться?

— Работать, — ответил Чижилов почти честно. — А в свободное время — развлекаться.

— Говорят, китайцы хорошо живут, — высказал соображение шофер. — Я тут подвозил одного клиента, так он рассказывал, как у них там сейчас здорово. Дороги, говорит, просто класс, развязки городские — закачаешься...

— Наверное, — согласился Котя. — Я еще мало про Китай знаю. У вас курить можно?

— Курите, курите... Кстати... — шофер глянул в зеркало заднего вида. — Это не ваши приятели вон на той красной «ауди»? От самой Моховой за нами идут. Висят как приклеенные.

Чижилов судорожно обернулся.

Они уже почти выбрались за город, поток машин в воскресенье был не такой большой — и заметить красную иномарку, что ехала позади такси, оказалось вовсе не сложно. Котя всмотрелся, даже приподнял черные очки. Точно: если не приятели, то определенно знакомые. За рулем явно просматривался Антоха, а рядом с ним глыбой возвышался Витек. Антоха, глядя на Чижилова, злобно щерился.

Лоб Чижилова покрылся липким противным потом.

— Да... — пробормотал он хрипло. — Я их знаю... Простите, а вы не можете ехать быстрее?

— Что, разборки? — живо заинтересовался водитель. — Не-е-ет, братан, я в такие дела не суюсь. Это уж вы сами. Вот довезу тебя до места, а там... — он махнул рукой.

Красная «ауди» требовательно посигналила. Котя снова обернулся и увидел, как Антоха красноречиво провел ребром ладони по горлу.

— Ты, братан, учти: если они полезут или еще что, я машину остановлю без разговоров. Мне неприятности не нужны, я просто водила, и все. У меня дети. Понял?

«Ауди» еще раз посигналила.

— Остановиться, что ли? — неизвестно кого спросил водитель.

— Нет, пожалуйста, не надо, — попросил Чижиков, лихорадочно прикидывая, что теперь делать. — Это ведь на «Пулково» поворот?

— Он самый.

— Ну так и везите меня туда. Там милиция, люди...

— Я-то повезу. Но если что, остановлюсь, и мое дело — сторона, — предупредил, крутя руль, водитель.

Такси свернуло на финишную прямую — дорогу, в конце которой виднелось здание аэропорта. «Ауди» шла следом и сигнализировала уже без перерыва. Витек высунул из окна руку и делал недвусмысленные знаки остановиться.

— Нет, братан, мне такие дела ни к чему, — водитель стал прижиматься к обочине. — Давай лучше прямо сейчас рассчитаемся. А то потом...

— Что вы за человек такой? — взвился Чижиков. — Я ваш клиент, сижу в вашей машине, аэропорт — вот он, а вы из-за каких-то придурков...

— Знаешь, братан, сталкивался я уже пару раз с такими, и мне хватило. Больше на рожон не лезу...

От отчаяния Коте хотелось выть. Шпунтик, верно оценивший ситуацию, тихо, но мощно заурчал на низких нотах. Такси начало сбрасывать скорость.

И тут неведомо откуда выскочили неприметные синие «жигули» — машина явно не новая, но шустрая: она прошла почти впритирку с правым боком «ауди», чуть вырвалась вперед и неожиданно подрезала иномарку. Чижикову было хорошо видно, как матерится Антоха, пытаясь справиться с машиной, как вцепился в поручень Витек — а «жигули», взревев мотором, со всей дури направили «ауди» на встречную полосу.

— Опа... — только и вымолвил водитель такси, прибавляя скорость и не отрывая глаз от зеркала. — Опа! Сейчас она в нее въедет...

Сзади раздался глухой удар.

— Ну дела... — покрутил головой таксист и оглянулся на Котю. — Во как бывает.

— Точно, — подтвердил тот, тупо глядя на удаляющиеся машины.

В «ауди» капитально врезалась «волга» — прямо в дверцу, где сидел Витек, а «волге» в зад в свою очередь въехал еще и джип, и из него уже выбрались, размахивая руками, двое. Столкнувшиеся машины перегородили полосу, на глазах формировалась пробка. Синие «жигули» в аварии, однако, не пострадали и теперь, набирая скорость, мчались следом за Котей.

Такси вырулило на площадку перед зданием аэропорта.

Чижиков молча сунул водителю деньги, вылез из машины, забрал чемодан, поправил сумку с ноутбуком и подхватил кошачью клетку. Таксист тут же ударил по газам.

— Теперь нам с тобой быстренько за границу надо... — тихо сказал коту Чижиков, наблюдая, как от здания в сторону места аварии отъезжает милицейский «газик». — Мало ли что...

Синие «жигули» лихо притормозили рядом. Из машины выглянул Алексей Борн, приветливо улыбнулся.

— Счастливого полета! — махнул рукой и, по примеру опасливого таксиста, быстро умчался куда-то за платную стоянку.

— Вот черт... — только и сумел вымолвить Чижиков.

Контроль, регистрацию на рейс и границу Чижигов прошел без приключений. Побродил по небольшому залу ожидания, заглянул в местный «дьюти-фри» и купил там пару фляжек не самого дорогого виски — так, про запас. Выпил чашку невкусного дорогущего кофе и, допив его, вдруг ощутил: отпустило. Словно за спиной закрылась некая дверь, в которую Чижигов проскользнул в последний момент, а теперь — теперь все будет хорошо и вообще иначе. За незримой дверью остались все нестроения, странности и заботы. Квартира, город и страна выдавили Котю из себя — и Чижигову сделалось легко и просто. Захотелось беспричинно улыбаться.

Позвали в самолет. Тут снова пришлось снимать ремень и ботинки, просвечивать ручную кладь и даже Шпунтика. От обилия впечатлений кот сделался угрюмый: злобно зыркал из-за прутьев клетки и шипел, хорошо не орал. Чижигов как мог успокаивал его — а сам улыбался, улыбался неконтролируемо, в том числе мрачным теткам, холодно и придирчиво следившим, как на экране монитора проплывают обнаженные внутренности Котиной сумки с ноутбуком. Глядя на Чижигова, тетки поджимали губы — и губы их становились в точности как гузки ошипанных синих куриц, протянувших длинные жилистые ноги в витрине «рыба-мясо», но Коте было на это плевать. Он наслаждался внезапно нахлынувшей свободой и ощущением легкости.

Самолет оказался новый и удобный. Чижигов отнес клетку с котом туда, куда указала стюардесса, и установил на специальную полку. Засыпал Шпунтику корма и немного поговорил с ним о том, как на самом деле интересно летать. Коту было все равно: на хозяина он не смотрел, сидел нахохлившись, большим угрюмым комом. «Это, зверь, ничего», — сказал ему Чижигов.

Со вздохом оставив Шпунтика одного, Котя вернулся в полупустой салон, разыскал свое место — оказалось крайнее у окна, пристроил в ногах сумку с ноутбуком и стал ждать взлета, с улыбкой глядя в окошко на расчерченный цветными линиями серый бетон.

Когда попросили застегнуть ремни, Чижииков как раз взвешивал на ладони одну из флажек с виски, размышляя, а не скрасить ли ему тяготы полета небольшим целебным выпиванием. Проходившая мимо стюардесса заметила виски и сообщила, что рейсы их авиакомпании — исключительно безалкогольные. Да что же это, подумал Котя. Лети, понимаешь, как по струнке... Ничего. Вот начнете разносить напитки, тут уж я не оплошаю. Только дайте мне стаканчик с соком. Вот только дайте. Он кивнул улыбавшейся девушке, улыбнулся в ответ и временно флажку спрятал.

Самолет некоторое время поездил между взлетными полосами, потом, видимо, принял решение, с какой взлетать, остановился и взревел. Чижииков подумал, что сейчас, наверное, ощущает в своей клетке Шпунтик, какой inferнальный ужас от страшного, идущего со всех сторон звука объял его четвероногого питомца, и мысленно пообещал себе по прибытии в Пекин перед котом как следует извиниться и вообще сделать его немудреную жизнь слаще, например, посредством обильной кормежки мясом, — тут самолет дернулся и помчался, набирая скорость. Котю вжало в кресло.

Когда полетная высота была достигнута, Чижииков, уставший от постоянной смены давления, обрел почти нормальный слух и вздохнул с явным облегчением. Летать Коте приходилось редко — можно сказать, почти и не приходилось, что при его уверенной привязанности к месту было вовсе не удивительно, и последний полет был как раз в Пекин, несколько лет назад. Оттого Чижииков слегка нервничал: а вдруг что-то пойдет не так, самолет сломается, у него отвалится какая-нибудь важная

часть вроде крыла, которое хорошо было видно в окошко — вон как дрожит от напряжения! — да мало ли. Только не теперь, только не сейчас, когда так все хорошо... Когда же самолет вознесся в заоблачные высоты и полетел ровно, Котя прислушался к мощному гулу двигателей и вдруг понял: это действительно происходит. Он летит. В Пекин. С котом.

— Простите... тут не занято? — раздался вдруг над ухом нежный голос.

Чижигов очнулся от раздумий, встрепенулся, поднял глаза — в проходе у его ряда кресел стояла невысокая хрупкая девушка: мальчишеская фигурка, коротенькая юбка, совершенно не скрывающая стройные ноги, приталенный жакетик на одной пуговице, кружевное жабо воротника, узкие, но яркие губы, широкие скулы, большие черные очки, короткая стрижка. В руке сумка. Этаким воробей.

— Нет, совершенно не занято, — ответил Чижигов и опять улыбнулся. — А что?

— Я бы тут посидела, если не возражаете, — улыбнулась в ответ девушка и перетекла из прохода в крайнее кресло. — Я вам не помешаю?

— Да ради бога, — кивнул Котя. — Сидите. Самолет все равно полупустой.

— Спасибо, — девушка достала из сумки глянцевый яркий журнальчик и зашуршала страницами. До Коти донесся легкий аромат ее духов. Приятный, надо признать, аромат.

Чижигов отвернулся и снова стал смотреть в окошко, а в проходе появилась стюардесса, толкающая перед собой тележку с напитками.

Котя, как и планировал, взял апельсиновый сок, соседка — минералку без газа. Дождавшись, когда стюардесса оттолкает тележку подальше, Чижигов, воровато оглянувшись на соседку, сделал изрядный глоток сока и, быстро скрутив фляжке с виски пробку, долил стаканчик до верха.

— Между прочим, алкогольные напитки на высоте девяти километров в больших количествах могут быть опасны, дядя Костя.

Чижигов чуть виски на себя не пролил, обернулся к соседке — на него глядела, вертя в руке очки, и улыбалась... Ника. Девочка из будущего. Только той Нике было лет тринадцать или чуть больше, а этой — все двадцать. Но сомнений не оставалось никаких: эти голубые глазищи Чижигов ни с какими другими не перепутал бы.

— Что?.. — ошеломленно спросил он, ощущая, как легкость счастья покидает его стремительно, словно рвется воздух из проколотого шарика. — Как?!.

— Ну дя-я-ядя Костя... — утрированно детским голосом протянула Ника. — Я же ваша спутница. Разве вы забыли?

ЭПИЗОД 20

Война? Война!

Где-то на Земле, десять тысяч лет назад

Первый-из-желтых как раз просматривал свежий инфокристалл, когда раздался тихий писк дверного сенсора.

— Войдите!

На пороге стоял Второй-из-желтых.

— Что нового? — развернулся к нему Первый.

— Ничего. Все по-прежнему. Сражение вошло в патовую ситуацию. Ни у нас, ни у красных нет решительного преимущества. И взяться ему практически неоткуда.

— Они уже подключили местных?

— О да, еще вчера. Вечером на позиции прибыли орды дикарей: в шкурах, с палками, смех смотреть. Но их много и они умеют обращаться с животными.

— Вот как?

— Ну да. Животные им подчиняются слепо, не срабатывает даже примитивный инстинкт самосохранения. Мы не можем понять, как местным такое удается. Но весь этот скот — а там есть и довольно крупные твари! — может нанести нам существенный урон прежде, чем будет уничтожен. Стада прут вперед и будут переть пока живы. Это страшно...

— Понимаю твои чувства, — вздохнул Первый. — Но не мы это начали...

— Какая теперь разница! — махнул рукой Второй. — Важно, что мы увязли в жизни этой планеты так глубоко, что, по-

желаю мы сегодня уничтожить все следы и последствия своего вмешательства, боюсь, это уже будет невозможно. Кроме того, отвлекаясь от самой проблемы вмешательства... если красные придумают еще что-нибудь эдакое, мы просто не сможем устоять. И это еще одна проблема.

— Да, проблема... — Первый согласно кивнул. — Но знаешь, не единственная... Нам удалось наконец обработать данные сканирования единственного спутника этой планеты.

— Неужели? — обрадовался Второй. — Неужели из этих скудных отрывков, что мы сумели получить до катастрофы, все же удалось что-то выжать?!

— Удалось, — снова кивнул Первый. — Но радоваться тут нечему.

— То есть?.. — осекся Второй. — Но ведь теперь, возможно, мы стали обладателями астронометрических данных, что могут помочь с возвращением? Разве нет?

— Данными-то мы располагаем... — Первый помедлил. Второй глядел на него с надеждой. — Да только лучше бы некоторых данных не было вовсе.

— О чем ты? Что мы получили? Что?!

— Убедительные и неопровержимые доказательства того, что из высокоразвитых цивилизаций мы на этой планете не первые, — прозвучал наконец ответ. — В этом теперь больше нет сомнений! Спутник планеты под внешней корой содержит большие массивы льда, и в этих массивах наш сканер уверенно зафиксировал некое громадное хранилище непонятого назначения — с развитой высокотехнологичной инфраструктурой...

— То есть — там есть жизнь?

— Нельзя сказать с полной уверенностью... Наверняка можно лишь утверждать, что такая инфраструктура имеется, и уровень технологий ее создателей выше нашего. Ты понимаешь, что это значит?

— Великие предки... — Второй судорожно провел ладонью по лбу. — Теперь я вижу...

— Вот-вот. Может оказаться так, что нарушение Первой директивы и наше вмешательство — детские безделки в сравнении с потенциальным конфликтом интересов. Вторая директива недвусмысленно диктует покинуть место потенциального конфликта интересов, но мы не можем этого сделать...

— Мы не можем этого сделать... — машинально повторил Второй. — И что же нам остается?

— У нас есть несколько вариантов. Первый: собрать самую большую бомбу, какую сумеем, залезть на нее и нажать на кнопку. Желательно еще предварительно заманить в зону уверенного поражения всех красных... — Первый-из-желтых невесело усмехнулся. — И второй: убраться с этой планеты. Как можно скорее. А перед этим максимально нейтрализовать все последствия нашего присутствия. В хранилище никакой активности нет, его хозяева за все время нашего здесь пребывания никак себя не проявили. Значит, они или отсутствуют, или не видят возможного конфликта интересов. Так что надо делать ноги...

— Да, но... — Второй непонимающе нахмурился. — Но каким образом? Ни одна из действующих варп-установок не преодолет и половины светового года, а от «Великого Нагуса» остались лишь обломки... Как?!

— Есть у меня одна мысль... — Первый задумчиво побарабанил пальцами по столу. — Наверное, это хорошая новость в череде плохих...

— Отвратительных!

— Да уж... Я сказал «хорошая», а потом подумал: что хорошего в том, если мы уберемся отсюда, непоправимо вмешавшись в естественный эволюционный процесс?..

— Не кори себя, — сказал Второй. — Ты сделал все, что от тебя зависело. В настоящее время речь идет уже не о вмеша-

тельстве в местные дела, но о нашем выживании... Так как мы сможем убраться отсюда?

— Смешно, — горько улыбнулся Первый, — но что-то похожее мне говорил Первый-из-красных. Выживание! Персональный рай на отдельно взятом континенте!.. А хорошая новость состоит в том, — он кивнул на инфокристалл, — что поисковый отряд весьма подробно обследовал объект, условно названный «Башней». Тот самый объект, откуда мы взяли изделия, которыми успешно пользуемся, сдерживая противника. Глава отряда полагает, что объект является чем-то вроде пространственного телепорта, но куда он ведет и как работает, мы пока еще не знаем. Технологии объекта принципиально отличны от наших, поэтому на их исследования требуется время. Важно, что глава отряда не исключает возможности, что «Башня» может дать нам шанс если и не вернуться домой, то по крайней мере значительно сократить дорогу туда... А это прямой случай — сделать отсюда ноги.

— Вот это новость! — обрадованно воскликнул Второй. — А какова вероятность того, что объект на планете и обнаруженная на спутнике база связаны между собой? Что, если пространственный телепорт создан хозяевами базы?

— Такая вероятность существует, — признал Первый. — Но, возможно, это наш единственный шанс избежать конфликта интересов. Изучить телепорт, пока хозяева базы не вернулись, прибрать за собой и покинуть планету.

— И каковы перспективы?

— В донесении сказано, что глава отряда обо всем завтра доложит лично. До этого надо проверить кое-какие соображения, дабы не обманываться ложными надеждами. Но если надежды не напрасны, если мы действительно сможем покинуть планету, то... надлежит принять меры для минимализации нашего вмешательства.

— Ты имеешь в виду...

Второй осекся.

— Да, — глядя прямо в глаза собеседнику, ответил Первый.
— Я имею в виду «Зеркало». Дай, пожалуйста, распоряжение, чтобы его подготовили. И четыре малых устройства тоже.

— Но ведь пятое мы так и не нашли...

— Поисковый отряд обнаружил его в объекте «Башня». Завтра устройство будет здесь, и мы сможем активировать «Зеркало»...

Дверь за Вторым закрылась. Первый-из-желтых остался в одиночестве. Несколько минут он сидел в тишине и неподвижности, а потом, обращаясь к невидимому собеседнику, глухо и жестко сказал:

— Ты хотел войны? Видят предки, ты получишь войну!

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ИГОРЬ АЛИМОВ

Игорь Алимов — китаист-древник, кандидат исторических наук, заведующий отделом Восточной и Юго-Восточной Азии Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, директор академического издательства «Петербургское Востоковедение».

Богатую научную деятельность успешно совмещает с писательством: вместе с Вячеславом Рыбаковым создал великого еврокитайского гуманиста Хольма ван Зайчика, книги которого вызвали огромный общественный резонанс и были не однажды переизданы, собрав многочисленные премии в области российской фантастики.

Ценители литературной мистики хорошо знают цикл его рассказов «О чем умолчал Пу Сун-лин», посвященный восточным чудесам и древностям. А еще Алимов автор первых на российском книжном рынке изданий в стиле «dwooller» — детективно-фантастических романов с картинками.

Родился в Ленинграде, живет в Санкт-Петербурге. Каждый год ездит в Пекин, который считает вторым родным городом.

1. Игорь Александрович, вы известный востоковед, даже, не побоюсь этого слова, китаист. Откуда у вас эта любовь к Китаю? Страна, конечно, очень интересная, но на взгляд постороннего человека, совершенно непонятная. Вот взять хотя бы иероглифы эти, в которых, говорят, сами китайцы путаются — неужели вы их все знаете наизусть?

Никто не знает всех иероглифов наизусть. Так же, как никто не знает наизусть словарь Даля. Это, собственно, и не нужно: чтобы читать современную газету достаточно трех-четырёх тысяч иероглифов, а для остального существуют разнообразные словари и справочники. Китайская культура в принципе энциклопедичная, склонная к составлению сводов, собраний, компендиумов, словарей и справочников. За это и люблю. А если серьёзно, то во всем виноват Владимир Иванович Семанов, чей перевод «Записок о кошачьем городе» Лао Шэ я прочитал в десятом классе. Прочитал и вдруг понял: это — мое. Наверное, генетическая память сработала. С тех пор я китаист.

2. Расскажите, пожалуйста, нашим читателям о своем первом путешествии в Китай. Каким он вам тогда показался? И, кстати, когда это было?

Мне повезло: впервые я прорвался в Китай в том же году, в котором закончил университет: в 1986. Прорвался в прямом смысле этого слова: отношения между нашими странами в те годы были еще неважными, а сладкое слово «стажировка» студентам еще только снилось по ночам, и дипломы нам всем дали так называемые «свободные», то есть распределяться на работу мы должны были самостоятельно. Ну вот я и попробовал распределиться — оформиться на работу в Китай. Молодой был, нахальный, настырный — и в результате поехал на целый месяц переводчиком. Дело было в декабре — холодно, но Китай произвел на меня совершенно неизгладимое впечатление. Особенно врезался в память запах китайских книг в магазинах: они тогда пахли совершенно особенно, из-за рисовой бумаги, видимо. Кстати сказать, тогда, в далеком теперь уже 1986 году, я в большом количестве застал в Пекине те самые хутуны, районы узких улочек одноэтажной застройки, которые теперь так активно сносят. Хутуны начинались прямо у железнодорожного вокзала, где теперь — сплошной новострой и небоскребы. Но я те хутуны до сих пор помню.

3. В вашем романе герои много и охотно пьют китайский чай и демонстрируют некоторое знакомство с восточными боевыми искусствами. А сами-то вы этой экзотикой тоже увлекаетесь? Ну, там, чайные церемонии, кунфу или цигун?

Кунфу и цигун — никогда. Наверное, это не мое, хотя в силу специальности я о них знаю. А вот китайский чай — да, вне сомнений. Я с ним, с чаем, по-

знакомился еще в 1986 году, тогда это был молихуача, зеленый жасминовый. Еще одна врезавшаяся в память примета того путешествия. И долгое время другие чаи я по глупости игнорировал. А зря. Потому как разнообразие китайских чаев невообразимо велико, и ныне лично я всем чаям предпочитаю пуэры. Должен еще сделать ехидное замечание по поводу так называемой китайской чайной церемонии: ее не существует в природе. Тут надо понимать следующее: вот у японцев есть чайная церемония, то есть некая ритуальная последовательность действий, направленная, главным образом, не на то, чтобы выпить чаю, а на то, чтобы стать еще более духовным человеком, — у японцев она есть, а у китайцев — нет. Китайцы просто заваривают чай. И да, для этого есть определенные приспособления вроде совочков, щипчиков и прочей посуды, и да, существуют определенные правила, чтобы вкусно заварить чай, но никакого церемониального действия, никакого священного ритуала — нет. Каждое дело требует определенных навыков, и заварка чая — вовсе не исключение. Это важно, мне кажется.

4. Неужели даже в монастыре Шаолинь не были?

Вот представьте себе: не был ни разу. Зато был в разных других монастырях, где очень красиво. Монахи и громадные курильницы, а из курильниц — ароматный дым. Ну и природа кругом. Что всегда китайцы умели — так это вписать монастырь в природу. Или наоборот, природу в монастырь.

5. Недавно широкие массы читателей вашего ЖЖ с удивлением узнали, что вы, помимо всего прочего, уже двадцать четыре года занимаетесь китайскими урнами и туалетами. Специалистам же хорошо известен монументальный труд «Сосуды Тайн», где собраны исследования туалетов и урн в культурах мира — и среди авторов этой уникальной книги мы опять же видим И.А. Алимова. Почему серьезный ученый муж вдруг проникся интересом к такому странному предмету? И чем, строго говоря, китайский «туалет типа сортир» отличается от своего русского аналога?

Не вижу тут ничего странного, ибо туалеты и урны суть неотъемлемая часть традиционной культуры, а методы отправления естественных потребностей и утилизации мусора и отходов могут сказать о народе гораздо больше, нежели прочие повседневные привычки и обычаи — ну или, по крайней мере, существенно дополнить общую картину. Однако наука, к великому сожалению, стыдливо замалчивает такую важную часть картины мира, как туалеты и урны — вот я с группой единомышленников и попробовал изменить это несправедливое положение вещей. Важно, например, что китайцы — «корточкисты», в отличие от нас, как правило, «восседающих». А что касается специфики туалетного обустройства, то современный китайский сортир вряд ли вызовет удивление — к сортирам тоже пришла глобализация. Правда, есть образцы со-

вершенно выдающиеся, оборудованные кожаными креслами при входе, музыкой и картинами на стенах. Это — как правило, так называемые «звездные» туалеты, то есть имеющие рейтинг на манер гостиниц: три звезды, четыре, пять... Пятизвездный сортир можно наблюдать на территории Императорского дворца в Пекине. Гораздо интереснее китайские урны — вот тут уж фантазия китайского народа реализуется полностью! Какие они только не бывают: в форме разинувших пасть животных, в виде домиков, будочек, даже в виде пней...

6. Ну, ладно, Будда с ними, с туалетами. Давайте, наконец, вернемся к вашему роману. Нетрудно заметить, что в нем две основные сюжетные линии — одна связана с нашим современником, жителем Санкт-Петербурга Костей Чижиковым, главным героем второй выступает легендарный император Китая Цинь Ши-хуан... Вот я сказал — легендарный, а насколько это соответствует действительности? Существовал ли в действительности Цинь Ши-хуан и что мы вообще достоверно о нем знаем?

Разумеется, Цинь Ши-хуан существовал, это вполне достоверный исторический деятель, про которого довольно много известно. Существует его официальная биография, а также многочисленные научные труды, посвященные первому в китайской истории императору, объединившему страну под одной державной рукой. Последнее, собственно, — главная заслуга Цинь Ши-хуана. Попутно Цинь Ши-хуан сделал еще много важных для страны и ее последующего развития вещей: например, упорядочил письменность, сделав иероглифику единообразной, ввел общегосударственные деньги, создал систему общегосударственных дорог с колеей одинаковой ширины, ибо прежде каждое княжество старалось как могло, и в результате транспортное сообщение было крайне затруднено. Цинь Ши-хуан, наконец, соединил вместе до того разрозненные участки оборонительной стены — мы знаем ее как Великую китайскую стену, что способствовало защите от набегов северных кочевых племен. И так далее. У вас места не хватит напечатать все, что можно о нем сказать, потому от души заявляю: великий был человек Цинь Ши-хуан.

7. И гробница с ртутными реками и золотыми небесами — это не выдумка древних китайских фантастов?

Об этом есть свидетельства в письменных источниках, но археологически находками данная история пока не подтверждается. Оно и понятно: после того, как начали раскапывать так называемую терракотовую гвардию Цинь Ши-хуана, было замечено, какой урон наносит свежий воздух древним глиняным солдатам: с них моментально облезала краска, ведь они были раскрашены... Уже разведанные объекты интереса археологов теперь вскрывают очень осторожно, а то пока и вовсе от раскопок воздерживаются — до тех пор, пока не будет придуман способ оставить в сохранности все то, что кроется в земле.

Так что ответ на ваш вопрос — дело будущего, но великий китайский историк Сыма Цянь обычно не выдумывал.

8. Мне как-то приходилось слышать, что Цинь Ши-хуан, стремясь к бессмертию, пересел алхимических снадобий, содержавших ртуть, и от этого умер. Правда ли это?

Вам, разумеется, сейчас никто определенно не скажет, так это или нет. Для начала неплохо было бы найти гробницу Цинь Ши-хуана, вскрыть ее, не нанеся урона содержимому, а уж коли там и тело императора обнаружится — обследовать его. Но такой исход вовсе не исключен: Цинь Ши-хуан достижением бессмертия активно интересовался, посылал экспедиции на поиски островов бессмертных, которые, по преданию, находятся где-то в морях-океанах, призывал алхимию. Ну а ртуть организму отнюдь не полезна.

9. А китайская алхимия сильно отличалась от более-менее известной нам западноевропейской? Китайские мудрецы тоже искали философский камень?

Китайская алхимия это, грубо говоря, целый комплекс философских воззрений и верований, а также магических ритуалов, главным образом, даосского происхождения, и психо-физиологических практик, и физико-химических трансформаций, что в сочетании с применением химических снадобий различного состава (в первую очередь киновари) направлено на увеличение продолжительности жизни и в конечном итоге — на достижение бессмертия. Достижение этого самого личного бессмертия — и есть «философский камень» китайских алхимиков.

10. А что это за таинственные Желтые и Красные, действующие в прологе и эпилоге?

Поговаривают, что нашу планету неоднократно посещали представители иных цивилизаций... Вот, я уже много рассказал, а остальное откроется в следующих книгах цикла. Согласитесь, было бы неинтересно рассказывать все здесь и сейчас?

11. Черные воины, охраняющие предметы и убивающие солдат императора, очень похожи на японских ниндзя. А в Китае были тайные общества профессиональных убийц? И не из Китая ли заимствовали японцы систему обучения ниндзя?

Японцы многое заимствовали у Китая. Начиная с иероглифики. В том числе и ниндзя, конечно. Кстати, основы будущей чайной церемонии японцы также

почерпнули на материке, но со временем довели ее до того состояния, когда это действо действительно стало можно назвать церемонией, то есть до некоего совершенства, хотя в чем-то и абсурдного. А убийцы, точнее воины, обладающие удивительными боевыми навыками и способностями, которых нынче ассоциируют с японскими ниндзя, существовали в Китае издревле — упоминания их вовсе не редки на страницах старой китайской прозы.

12. Давайте теперь поговорим о Чижикове. У вас получился настолько симпатичный персонаж, что поневоле задаешься вопросом — а не рисовал ли автор этого героя с себя, любимого? Или прототипом был кто-то из хороших друзей автора?

Нет, нет и нет. Я люблю писать с натуры, но давно не пишу. Так что Чижиков совершенно «безпрототипный» персонаж. Такой уж он придумался. Правда, живет он в Петербурге как раз в том доме, где прошли первые десять лет и моей жизни, но это детали.

13. Неужели и у кота Шпунтика прототипа не было?

Был. Кот с таким именем жил в нашей семье более пятнадцати лет. Правда он был толстый, сиамский, самовлюбленный и почти несимпатичный. А напрасно: Шпунтик нам был обязан буквально всем — мы спасли его, котенка, от тирании болонки по кличке Винтик (Винтик откусывал Шпунтику усы, это было за кулисами киевского цирка). И я считаю, кот мог бы испытывать к нам большую благодарность, а не только требовать еды. Впрочем, это отдельная история.

14. Не приоткроете ли завесу тайны: чего ждать читателю от следующих книг серии? Куда направятся Чижиков и его друзья дальше? На поиски Чижикова-старшего? Или сокровищ Цинь Ши-хуана? Если это секрет, то хоть намекните.

Это все, разумеется, секрет и страшная тайна, но раз вы так просите, то я намекну, я же не бессердечный. Итак — Чижиков и прочая компания направятся в Китай, и дальнейшие события будут происходить именно там. Чижиков-старший будет найден, и его встреча с внуком во многом станет судьбоносной. Появятся некоторые новые лица, а некоторые старые нас покинут и, возможно, навсегда. Не обойдется и без Цинь Ши-хуана: если не его сокровищ, то уж по крайней мере некоторых предметов, к обладанию которыми император столь стремился. Словом, будет весело, и мало никому не покажется. Я надеюсь.

Содержание

ЭПИЗОД 1	3
Главная директива	
Высокая орбита Земли, десять тысяч лет назад	
ЭПИЗОД 2	11
Книги в огне	
Поднебесная, в нескольких часах пути от столицы, III в. до н.э.	
ЭПИЗОД 3	26
Внутренний Китай	
Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года	
ЭПИЗОД 4	46
Богатырь из Пекина	
Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года	
ЭПИЗОД 5	61
Сундучок	
Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года	
ЭПИЗОД 6	73
Император и убийца	
Поднебесная, Сяньян, дворцы Цинь Ши-хуана, III в. до н.э.	
ЭПИЗОД 7	84
Иногда они приходят дважды	
Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года	
ЭПИЗОД 8	96
Тайна «Илиады»	
Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года	
ЭПИЗОД 9	108
Бюстик Председателя	
Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года	
ЭПИЗОД 10	122
Император и старик	
Поднебесная, Сяньян, дворцы Цинь Ши-хуана, III в. до н.э.	

ЭПИЗОД 11	129
Его звали Цинь Ши-хуан	
Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года	
ЭПИЗОД 12	144
Гомер, Сергей и Ника	
Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года	
ЭПИЗОД 13	157
Девочка из будущего	
Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года	
ЭПИЗОД 14	168
Лю Бан, младший брат	
Поднебесная, уезд Пэйсянь, III в. до н.э.	
ЭПИЗОД 15	181
Как потерять Нику	
Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года	
ЭПИЗОД 16	199
Четверо в подворотне	
Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года	
ЭПИЗОД 17	215
Хочешь поговорить об этом?	
Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года	
ЭПИЗОД 18	233
Император и зеркало	
Поднебесная, гора Лишань, III в. до н.э.	
ЭПИЗОД 19	249
Лети, Котя, лети	
Россия, Санкт-Петербург, май 2009 года	
ЭПИЗОД 20	263
Война? Война!	
Где-то на Земле, десять тысяч лет назад	

Номер
Имя

351 44 313

Маруся

Отчество
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

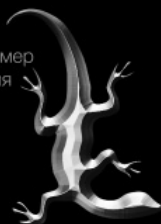
Андреевна
Гумилева
2020 год н.э.
14 лет
Москва. Солянка, дом 1
Зеленый город
Саламандра
Бессмертие
www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Номер
Имя

351 44 313

Маруся²

Отчество
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

Андреевна
Гумилева
2020 год н.э.
14 лет
Москва. Солянка, дом 1
Тайга. Река Ада
Саламандра
Бессмертие
www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Революция

Имя	Николай
Фамилия	Романов
Время действия	1891 год н.э.
Возраст	22 года
Адрес	Царское Село
Локация	Япония. Оцу. Фрегат «Память Азова»
Предмет	Кот
Дар	Образы будущего
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

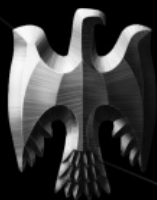
Сомнамбула

Имя	Матвей
Отчество	Степанович
Фамилия	Гумилев
Время действия	2468 год н.э.
Возраст	22 года
Адрес	Луна, Новая Москва
Локация	Орбита Марса. Градус Забвения
Предмет	Отсутствует
Дар	Отвага
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

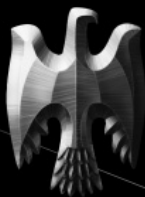
Блокада

Имя	Адольф
Фамилия	Гитлер
Время действия	1942 год н. э.
Возраст	53 года
Адрес	Берлин, Вильгельмштрассе, 77
Локация	Ставка «Вервольф» под Винницей
Предмет	Орел
Дар	Убеждение
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Блокада²

Имя	Екатерина
Отчество	Владимировна
Фамилия	Серебрякова
Время действия	1942 год н.э.
Возраст	19 лет
Адрес	Военная база С-212 «Синица»
Локация	Подмосковье
Предмет	Отсутствует
Дар	Исцеление
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Миллиардер

Имя	Андрей
Отчество	Львович
Фамилия	Гумилев
Время действия	2008 год н.э.
Возраст	35 лет
Адрес	Москва, Жуковка
Локация	Арктика. Атомный ледокол «Россия»
Предмет	Отсутствует
Дар	Интуиция
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Миллиардер²

Имя	Андрей
Отчество	Львович
Фамилия	Гумилев
Время действия	2009 год н.э.
Возраст	36 лет
Адрес	Москва, Жуковка
Локация	Арктика, борт станции «Земля-2»
Предмет	Отсутствует
Дар	Разрушение
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

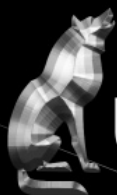
Чингисхан

Титул	Чингисхан
Имя	Темуджин
Фамилия	Борджигин
Время действия	1179 год н.э.
Возраст	18 лет
Адрес	Урочище Гурельгу
Локация	Верховье реки Керулен
Предмет	Волк
Дар	Страх
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Чингисхан²

Титул	Чингисхан
Имя	Темуджин
Фамилия	Борджигин
Время действия	1184 год н.э.
Возраст	23 года
Адрес	Гора Бурхан-халдун
Локация	Центральная Монголия
Предмет	Волк
Дар	Страх
Сайт	www.ethnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Лэнд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «ХЛ», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пražский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол. Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Прини Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул. Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- м. О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- м. О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- м. О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- м. О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- м. О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- м. О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- м. О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Игорь Алимов

ДРАКОН

Книга первая

Наследники Желтого императора

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Редактор Ольга Трофимова

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Корректор Антон Нелихов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 15.06.10 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов – 17

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32